

ISSN 2500-1523 (Print)

МОНГОЛОВЕДЕНИЕ

Монгол судлал

Mongolian Studies

(Elista)

T. 15

№ 2

2023

ISSN 2500-1523 (Print)
ISSN 2712-8059 (Online)

МОНГОЛОВЕДЕНИЕ

**Монгол судлал
Mongolian Studies
(Elista)**

2023. Т. 15. № 2

МОНГОЛОВЕДЕНИЕ

(Монгол судлал)

Выходит 4 раза в год

Журнал «Монголоведение (Монгол судлал)» зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

Регистрационный номер ПИ № ФС77-76106 от 03.07.2019.

ISSN 2500-1523 (Print)

ISSN 2712-8059 (Online)

Издается с 2002 г.

Журнал «**Монголоведение**» — востоковедное издание историко-филологического направления. На страницах журнала освещаются вопросы истории, языка, фольклора и литературы монголоязычных народов, которые в основном проживают в Монголии, Китае и России. Публикуются материалы российских и зарубежных монголоведов: статьи, сообщения, комментированные переводы письменных памятников, устные нарративы с комментариями, рецензии, обзоры. Тематика журнала «Монголоведение» — история, этнология и антропология, источниковедение, языкознание, фольклористика, литературоведение.

Главная **цель** издания журнала — способствовать развитию академического монголоведения, имеющего более чем двухсотлетнюю историю, располагающего огромной источниковой базой и являющегося одним из важных и традиционных направлений востоковедения, а также развивать традиции, заложенные в российской монголоведной научной школе, и применять новые методы и приемы в исследовании актуальных проблем и вопросов монголоведения.

Журнал публикует статьи на русском, монгольском, калмыцком и английском языках.

Выходит 4 раза в год.

Зарегистрирован в РИНЦ (Российский индекс научного цитирования), включен в перечень рецензируемых изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук.

Разделы журнала:

история (всеобщая история, отечественная история, источниковедение, этнология и антропология), языки, литература и фольклор монгольских народов

Подписной индекс: 39464

Учредитель, редакция, издатель, типография:

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
«Калмыцкий научный центр Российской академии наук»

Адрес учредителя, редакции, издателя и типографии:

д. 8, ул. им. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Республика Калмыкия, Россия

Тел.: +7 (84722) 3-55-06, +7 (84722) 3-55-15

E-mail: mongoloved@kigiran.com;

Сайт: <https://mongoloved.kigiran.com/>

© Калмыцкий научный центр

Российской академии наук, 2023

© Коллектив авторов, 2023

MONGOLIAN STUDIES

Published four times a year

The Mongolian Studies journal was registered by the Federal Service for Supervision in the Sphere of Telecom, Information Technologies and Mass Communications (Roskomnadzor) on July 3, 2019.

Certificate of registration ПИ No. ФС77-76106.

ISSN 2500-1523 (Print)

ISSN 2712-8059 (Online)

Issued since 2002

The *Mongolian Studies* is an Orientalist journal focusing on historical and linguistic aspects. The articles published cover the questions of history, language, folklore, and literature of Mongolic peoples primarily residing in Mongolia, China, and Russia. Typologically, works authored by Russian and foreign Mongolists include as follows: scholarly articles, reports, commented translations of written monuments, commented oral narratives, reviews and surveys. The journal comprises a range of sections, such as History, Ethnology and Anthropology, Source Studies, Linguistics, Folkloristics, and Literary Studies.

The journal chiefly *aims* to facilitate further development of academic Mongolian studies as an important and traditional branch of Oriental studies in Russia that started over two centuries ago and are characterized by a widest source base. It also seeks to sustain research traditions of the Russian Mongolist school and apply new methods and techniques for the investigation of topical issues relating to Mongolian studies.

The journal publishes articles in Russian, Mongolian, Kalmyk and English.

The journal is issued four times a year.

The journal is indexed with Russian Science Citation Index, and is included in the list of peer-reviewed publications that publish key scientific results of Candidate of Sciences and Doctor of Sciences theses.

Journal Sections:

History (World History, National History, Source Studies,
Ethnology and Anthropology);
Languages, Literature and Folklore of the Mongolian Peoples

Subscription index in Russian Catalogue: 39464

Founding Institution, Editorial office, Publisher —

Federal State Budgetary Institution of Science

Kalmyk Scientific Center of the Russian Academy of Sciences

Founding Institution, Editorial Board, Publisher's address:

8, Ilishkin St., Elista 358000, Republic of Kalmykia, Russian Federation

Phone No. +7 (84722) 3-55-06, +7 (84722) 3-55-15

E-mail: mongoloved@kigiran.com;

Web-site: <https://mongoloved.kigiran.com/>

Главный редактор
канд. филол. наук **В. В. Куканова**, Калмыцкий научный центр РАН
(Россия, г. Элиста)

Заместитель главного редактора
д-р ист. наук **Э. П. Бакаева**, Калмыцкий научный центр РАН
(Россия, г. Элиста)

Редакционная коллегия:

д-р филол. наук **А. Алимаа**, Институт языка и литературы АН Монголии
(Монголия, г. Улан-Батор);

д-р ист. наук **Б. В. Базаров**, Институт монголоведения, буддологии и тибетологии
СО РАН (Россия, г. Улан-Удэ);

канд. филол. наук **А. Т. Баянова**, Калмыцкий научный центр РАН
(Россия, г. Элиста);

д-р филол. наук **А. Бирталан**, Университет ELTE (Венгрия, г. Будапешт);

д-р филол. наук **И. В. Булгутова**, Бурятский государственный университет
им. Д. Банзарова (Россия, г. Улан-Удэ);

д-р ист. наук **В. В. Грайворонский**, Институт востоковедения РАН
(Россия, г. Москва);

д-р филол. наук **Л. С. Дампилова**, Институт монголоведения, буддологии и
тибетологии СО РАН (Россия, г. Улан-Удэ);

д-р ист. наук **С. В. Джундужузов**, Оренбургский государственный педагогический
университет (Россия, г. Оренбург);

д-р ист. наук **Н. Л. Жуковская**, Институт этнологии и антропологии РАН
(Россия, г. Москва);

д-р ист. наук **Д. Н. Музраева**, Калмыцкий научный центр РАН (Россия, г. Элиста);

д-р филол. наук **В. Н. Мушаев**, Калмыцкий государственный университет
им. Б. Б. Городовикова (Россия, г. Элиста);

д-р ист. наук **Л. В. Курас**, Институт монголоведения, буддологии и тибетологии
СО РАН (Россия, г. Улан-Удэ);

д-р ист. наук **У. Б. Очиров**, Калмыцкий научный центр РАН (Россия, г. Элиста);

д-р ист. наук **К. В. Орлова**, Институт востоковедения РАН (Россия, г. Москва);

д-р ист. наук **А. М. Плеханова**, Институт монголоведения, буддологии и
тибетологии СО РАН (Россия, г. Улан-Удэ);

д-р филол. наук **Г. Ц. Пюрбеев**, Институт языкознания РАН (Россия, г. Москва);

д-р ист. наук **К. Хамфри**, Кембриджский университет
(Великобритания, г. Кембридж);

д-р ист. наук **Н. Хишигт**, Институт истории и этнологии АН Монголии
(Монголия, г. Улан-Батор);

д-р филол. наук **А. Д. Цендина**, Институт восточных культур и античности РГГУ,
Институт классического Востока и античности НИУ «Высшая школа экономики»,
Институт востоковедения РАН (Россия, г. Москва);

д-р филол. наук **Р. М. Ханинова**, Калмыцкий научный центр РАН
(Россия, г. Элиста);

канд. филол. наук **Г. М. Ярмаркина**, Калмыцкий научный центр РАН
(Россия, г. Элиста).

Переводчик: С. В. Джагунов
Дизайн и верстка: Д. В. Татнинов
Ответственный секретарь: С. В. Мирзаева

Editor-in-Chief:

V. V. Kukanova, Cand. Sc. (Philology) Kalmyk Scientific Center of the RAS
(Elista, Russia)

Deputy Editor-in-Chief:

E. P. Bakaeva, Dr. Sc. (History), Kalmyk Scientific Center of the RAS
(Russia, Elista)

Editorial Board:

- A. Alimaa**, Dr. Sc. (Philology), Institute of the Language and Literature of the Mongolian Academy of Sciences (Ulaanbaatar, Mongolia);
- B. V. Bazarov**, Dr. Sc. (History), Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies SB RAS (Ulan-Ude, Russia);
- A. T. Bayanova**, Cand. Sc. (Philology), Kalmyk Scientific Center RAS (Elista, Russia);
- A. Birtalan**, Dr. Sc. (Philology), ELTE University (Budapest, Hungary);
- I. V. Bulgutova**, Dr. Sc. (Philology), Banzarov Buryat State University (Ulan-Ude, Russia);
- L. S. Dampilova**, Dr. Sc. (Philology), Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies SB RAS (Ulan-Ude, Russia);
- S. V. Dzhundzhuzov**, Dr. Sc. (History), Orenburg State Pedagogical University (Orenburg, Russia);
- V. V. Graivoronsky**, Dr. Sc. (History), Institute of Oriental Studies RAS (Moscow, Russia);
- C. Humphrey**, Dr. Sc. (History), University of Cambridge (Cambridge, Britain);
- R. M. Khaninova**, Dr. Sc. (Philology), Kalmyk Scientific Center RAS (Elista, Russia);
- N. Khishigt**, Dr. Sc. (History), Institute of History and Ethnology of the Mongolian Academy of Sciences (Ulaanbaatar, Mongolia);
- L. V. Kuras**, Dr. Sc. (History), Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies SB RAS (Ulan-Ude, Russia);
- V. N. Mushaev**, Dr. Sc. (Philology), Gorodovikov Kalmyk State University (Elista, Russia);
- D. N. Muzraeva**, Dr. Sc. (History), Kalmyk Scientific Center RAS (Elista, Russia);
- U. B. Ochirov**, Dr. Sc. (History), Kalmyk Scientific Center RAS (Elista, Russia);
- K. V. Orlova**, Dr. Sc. (History), Institute of Oriental Studies RAS (Moscow, Russia);
- A. M. Plekhanova**, Dr. Sc. (History), Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies SB RAS (Ulan-Ude, Russia);
- G. Ts. Pyurbeev**, Dr. Sc. (Philology), Institute of Linguistics RAS (Moscow, Russia);
- A. D. Tsendina**, Dr. Sc. (Philology), Russian State University for the Humanities, Professor, Faculty of Humanities, National Research University Higher School of Economics, Institute of Oriental Studies RAS (Moscow, Russia);
- N. L. Zhukovskaya**, Dr. Sc. (History), Miklouho-Maclay Institute of Ethnology and Anthropology RAS (Moscow, Russia);
- G. M. Yarmarkina**, Cand. Sc. (Philology), Kalmyk Scientific Center RAS (Elista, Russia).

Translator: S. V. Dzhagrunov

Design and page layout: D. V. Tatninov

Executive Secretary: S. V. Mirzaeva

СОДЕРЖАНИЕ

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

Орлова К. В.

Е. А. Стулов в Монголии и для Монголии 166

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

Тепкеев В. Т.

«Калмыки ныне с Крымом в твердом миру...». Калмыцко-крымские отношения
в конце XVII в. 178

Команджаев А. Н., Очиров Б. В., Боваев Н. Б.

Калмыцкая знать в начале XX в.: нойон Церен-Давид Цанджинович Тундутов ... 192

ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ

Музраева Д. Н.

О текстах Манджушири из Научного архива Калмыцкого научного центра РАН (по
материалам коллекции Э. Б. Убушиева) 206

ЭТНОЛОГИЯ И АНТРОПОЛОГИЯ

Лиджиева А. М.

Место встречи и пространство обмена: роль постсоветского рынка в жизни город-
ского сообщества 223

Жамбалова С. Г., Цыренова М. Ц.

В «образе Другого»: буряты в русской массовой литературе XXI в. 240

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Ханинова Р. М.

Благопожелание чаю в современной калмыцкой лирике: фольклорный аспект ... 253

Цендина А. Д.

Несколько замечаний о монгольских переводах с тибетского языка 271

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Тишин В. В., Нанзатов Б. З.

Историческая фонетика бурятского языка в русскоязычной документации XVII в.
(к постановке проблемы). Часть 2. 287

CONTENTS

GENERAL HISTORY

Orlova K. V.

Evgeny A. Stulov in Mongolia and for Mongolia 166

NATIONAL HISTORY

Tepkeev V. T.

‘Nowadays Kalmyks Maintain Firm Peace with the Crimea ...’: Kalmyk-Crimean Relations in the Late Seventeenth Century 178

Komandzhaev A. N., Ochirov B. V., Bovaev N. B.

Kalmyk Nobility in the Early Twentieth Century: Noyon Tseren-David Ts. Tundutov ... 192

SOURCE STUDIES

Muzraeva D. N.

Manjushri-Related Texts at the Scientific Archive of KalmSC RAS: Revisiting Materials from the Collection of E. B. Ubushiev 206

ETHNOLOGY & ANTHROPOLOGY

Lidzhieva A. M.

A Meeting Point and Space of Exchange: The Role of Post-Soviet Marketplaces in Urban Community Life (A Case Study of Elista) 223

Zhambalova S. G., Tsyrenova M. Ts.

As an Image of the Other: Buryats in Russian Popular Literature of the Twenty First Century 240

LITERARY STUDIES

Khaninova R. M.

Tea Well-Wishes in Contemporary Kalmyk Lyric Poetry: The Folklore Aspect Revisited 253

Tsendina A. D.

A Few Notes on Tibetan to Mongolian Translations 271

LINGUISTICS

Tishin V. V., Nanzatov B. Z.

Buryat Historical Phonetics in Seventeenth-Century Russian-Language Documents: Problem Statement Approached. Part 2 287

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

УДК / UDC 94(517)

DOI: 10.22162/2500-1523-2023-2-166-177

Е. А. Стулов в Монголии и для Монголии

Кеемя Владимировна Орлова¹

¹ Институт востоковедения РАН (д. 12, ул. Рождественка, 107031 Москва, Российская Федерация)

доктор исторических наук, кандидат филологических наук, главный научный сотрудник

 0000-0003-4951-0063. E-mail: orlovnk[at]mail.ru

© КалмНЦ РАН, 2023

© Орлова К. В., 2023

Аннотация. *Введение.* Личность Евгения Александровича Стулова (1902–1940), с одной стороны, примечательна, с другой — малоизвестна исследователям. Он много и плодотворно работал в Монголии и для Монголии. Молодой человек из многодетной крестьянской семьи получил солидное для того времени образование (реальное училище и отделение внешних сношений факультета общественных наук Московского государственного университета). По окончании вуза был зачислен в резерв административно-хозяйственного отдела наркомата Внешторга СССР, далее экономистом (с августа 1925 г.) Тарифного отдела Главного таможенного управления того же наркомата, секретарем Таможенно-тарифного комитета Главного таможенного управления. Знания и компетентность Е. А. Стулова проявились в разных областях: написание статей, чтение лекций, в качестве советника Экономического совета Монголии он разбирался в тревожной ситуации в Архангайском аймаке, а также занимался районированием страны. *Цель* исследования — осветить деятельность Е. А. Стулова по районированию Монголии, его статьи и чтение им лекций. *Материалы.* При написании статьи использованы документы Российского государственного архива экономики, публикации источников, научная литература. *Результаты и выводы.* За свою недолгую жизнь (всего 38 лет), во многом благодаря своим знаниям, компетентности, образованности, Е. А. Стулову удалось изнутри познать страну и ее граждан. Как советник Экономического совета Монголии он за короткий срок разобрался в ситуации в связи со вспыхнувшим восстанием в Архангайском аймаке. В том же статусе совместно с другими сотрудниками и исследователями занимался районированием страны. Результаты работы были одобрены и приняты на вооружение монгольским правительством. Еще одна сфера деятельности Е. А. Стулова — публикация статей и чтение лекций. Судя по его публикациям и лекциям, он хорошо был знаком с работами своих предшественников и современников, т. е. перед нами предстает действительно незаурядный, талантливый человек, хорошо познавший Монголию и много сделавший для нее.

Ключевые слова: Е. А. Стулов, Монголия, районирование регионов, архив

Для цитирования: Орлова К. В. Е. А. Стулов в Монголии и для Монголии // Монголоведение. 2023. Т. 15. № 2. С. 166–177. DOI: 10.22162/2500-1523-2023-2-166-177

Evgeny A. Stulov in Mongolia and for Mongolia

Keemya V. Orlova¹

¹ Institute of Oriental Studies of the RAS (12, Rozhdestvenka St., 107031 Moscow, Russian Federation)

Dr. Sc. (History), Cand. Sc. (Philology), Chief Research Associate

 0000-0003-4951-0063. E-mail: orlovnk[at]mail.ru

© KalmSC RAS, 2023

© Orlova K. V., 2023

Abstract. *Introduction.* Evgeny A. Stulov (1902–1940) is a remarkable yet still little-known figure who invested extensive and fruitful efforts in Mongolia and for Mongolia. He came from a large peasant family but grew to receive sound training for that time which included real school courses followed by studies at Moscow University (External Affairs Department, Faculty of Social Science). On graduation, he was added to the reserve list of the People's Commissariat of Foreign Trade (Administrative and Economic Department) to be further employed as economist (since August 1925) at the Chief Department of Tariffs (same Commissariat) — and soon promoted to Secretary of the Committee for Customs and Tariffs (CDT). Stulov's expertise and competence were manifested in most diverse ways: he was writing scholarly articles, delivering lectures; as Advisor to the MPR Economic Council had to deal with the troubled situation in Arkhangai Aimag; and was in charge of Mongolia's zoning. *Goals.* The study describes E. Stulov's efforts dealing with Mongolia's zoning, provides data on his articles and lectures. *Materials.* The paper investigates documents housed at Russian State Archive of the Economy, examines some published sources and scholarly writings. *Results.* Despite E. Stulov lived a short life (38 years only), his knowledge, competences, and accomplishments made it possible for him to gain a deep and practical understanding of the country and its citizens. As Advisor to the MPR Economic Council, he promptly delved into the circumstances behind the uprising in Arkhangai Aimag — and along with other researchers was further involved in zoning endeavors. Key outcomes of his work were approved and accepted by the Mongolian government. The scope of his activity also included writing of articles and lecturing. Our analysis attests to that he was well familiar with works authored both by predecessors and contemporaries, i.e. then and there we would face a man of individuality and talent who had accumulated good knowledge of Mongolia and actually done a lot for its future.

Keywords: E. A. Stulov, Mongolia, zoning of regions, archives

For citation: Orlova K. V. Evgeny A. Stulov in Mongolia and for Mongolia. *Mongolian Studies (Elista)*. 2023; 15(2): 166–177. (In Russ.). DOI: 10.22162/2500-1523-2023-2-166-177

Введение

Личность Евгения Александровича Стулова (1902–1940) с одной стороны примечательна, с другой — малоизвестна исследователям. Он много и плодотворно работал в Монголии и для Монголии. Из его анкеты известно следующее: из многолетней крестьянской семьи (отец, мать, бабушка, двое братьев и три сестры), до 1905 г. отец и мать работали рабочими-ткачами на фабрике, после 1905 г. занялись крестьянским трудом (имели восемь десятин земли¹, лошадь и две коровы) [РГАЭ. Ф. 413. Оп. 8. Д. 3529. Л. 2об.]. После обучения в сельской школе окончил бывшее реальное училище (по его собственным словам,

¹ Восемь десятин земли — 8,740 313 га.

обучался на средства родителей и стипендию земства для бедных крестьян), затем отделение внешних сношений факультета общественных наук Московского государственного университета (далее — МГУ) [РГАЭ. Ф. 413. Оп. 8. Д. 3529. Л. 2]. До 1917 г. жил с родителями, с 1917 г. получал образование¹ [РГАЭ. Ф. 413. Оп. 8. Д. 3529. Л. 4об.]. В университете изучал французский и английский языки, по его собственному признанию, отмечал «слабое владение французским» [РГАЭ. Ф. 413. Оп. 8. Д. 3529. Л. 4]. В Красной армии не служил, однако в 1921–1922 г. прошел курс всеобщего военного обучения в Можайске [РГАЭ. Ф. 413. Оп. 8. Д. 3529. Л. 4об.]. С 7 июня 1919 г. — член Российской коммунистической партии (большевиков) (РКП(б)), в партии состоял членом уездного комитета, выполнял обязанности секретаря ячейки, агитатора, редактора уездной газеты [РГАЭ. Ф. 413. Оп. 8. Д. 3529. Л. 2]. По окончании МГУ был зачислен в резерв административно-хозяйственного отдела Народного комиссариата внешней торговли СССР, далее он был экономистом (с августа 1925 г.) Тарифного отдела Главного таможенного управления (ГТУ) того же наркомата, секретарем Таможенно-тарифного комитета ГТУ [РГАЭ. Ф. 413. Оп. 8. Д. 3529. Л. 8, 10]. Знания и компетентность Е. А. Стулова проявились в разных областях: написание статей, чтение лекций, в качестве советника Экономического совета Монголии (далее — ЭКОСО²) он разбирался в тревожной ситуации в Архангайском аймаке Монгольской Народной Республики, а также районировании страны. Об этом и пойдет речь в данной статье.

Районирование Монголии в начале XX в.

До завоевания Халха-Монголии цинской империей (1691–1911) страна административно подразделялась на три аймака: Тушетуханский, Сэцэнханский и Дзасагтуханский, аймаки состояли из 8 хошунов, которые включали более мелкие единицы — арваны, или десятидворки [История Востока 2004: 298].

Принятие подданства повлекло за собой изменения, в том числе и в административном устройстве. В 1725 г. был образован еще один аймак — Сайнноёнханский, которому выделили 19 хошунов из Тушетуханского [Горохова 1980: 33–35]. В 1723 г. было образовано Шабинское ведомство³ для контроля над шабинарами Джебзундамба-хутухты⁴. К концу XVIII в.,

¹ В анкете не указано, в каком именно образовательном учреждении. Вероятно, в реальном училище, поскольку ему было 15 лет.

² Учреждение ЭКОСО было основано по решению правительства 18 ноября 1924 г., работа Совета фактически началась 3 февраля 1925 г. и продолжалась до 1932 г., основная его задача заключалась в координации деятельности хозяйственных органов, разработке экономической и финансовой политики и перспектив экономического развития страны [История МНР 1983: 352; БНМАУ-ын II их хурал 2009].

³ В 1925 г. ведомство было преобразовано в Дэлгэрхульский аймак, который в 1926 г. упразднен [История МНР 1983: 354].

⁴ Шабины — ученики духовенства; Джебзундамба-хутухта (1869–1924) — теократический монарх и последний великий хан Монголии. Интронизирован 29 декабря 1911 г. как Богдо-хан VIII. После прихода к власти Монгольской народной партии (далее — МНП) объявлен ограниченным монархом. Линия перерождений ведется от ученика Будды — Ананды, а в Монголии — с Дзанабазара (Богдо-гэгэн I, 1635–1723), первого главы буддийской церкви Внешней Монголии.

с образованием Кобдоского и Алтайского наместничеств в основном завершилось административное устройство страны, сохранившееся до начала XX в. [Горохова 1980: 36].

После революции 1921 г. началась систематическая работа по географическому описанию, изучению экономического потенциала и районированию страны, которое касалось в основном территориальных границ хошунов и в незначительной степени аймачных. В 1924 г. принято «Положение о местном самоуправлении», согласно которому были утверждены следующие административные единицы: аймаки, сомоны, хошуны, баги и арваны [Очерки истории 1971: 73].

По данным Ученого комитета¹ Монголии, в 1928 г. территория страны составляла 1 555 500 км², административно делилась на пять аймаков (Хан-Хэнтэй-ский, Богдо-хан-ула, Цэцэрлэг-Мандал, Хан-Тайшир-ула, Чандмань-ула) с 72 хошунами, 525 сомонами [Стулов, Симуков 1930: 51–52; Очерки истории 1971: 130]. Понятно, что для малонаселенного государства² это административное деление территории уже не отвечало его хозяйственному развитию. В этих целях Ученый комитет стал «активно привлекать советских специалистов для историко-географического и экономического обследования страны» [Жизнь и научная деятельность 2006: 220].

Одним из таких исследователей стал С. А. Кондратьев (1896–1970), которого после завершения монголо-тибетской экспедиции (1923–1926) пригласили в Ученый комитет возглавить «метеорологическое бюро и фототеку» (1927–1930) [Жизнь и научная деятельность 2006: 220]. Научное обследование страны, в которой принимал участие С. А. Кондратьев, включало «географическое описание, климатические и растительные зоны, зональные комплексы фауны, основные черты рельефа местности, географическое районирование и деление ее на географические провинции» и др. [Жизнь и научная деятельность 2006: 221]. В результате этой работы территория страны была разделена на «две растительно-климатические зоны: Северную (Хангайскую) и Южную (Гобийскую)» [Жизнь и научная деятельность 2006: 221]. С учетом географических особенностей страны выделено 11 естественно-географических областей³: «Кентэй, Орхонская впадина, Хангай и Прикосоголье, Западная озерная котловина, Танну-Ула, Монгольский Алтай, Центральная озерная котловина, Гобийский Алтай и Заалтайская гоби, Восточная гоби, Восточная степь, Хинганская провинция» [Стулов, Симуков 1930: 54–55].

¹ Ученый комитет (*Судар бичгийн хурээлэн*) создан в ноябре 1921 г., в 1930 г. преобразован в Комитет наук Монгольской Народной республики (далее — МНР), в 1961 г. — в Академию наук МНР.

² На 1928 г., по данным Е. А. Стулова и А. Д. Симукова, население составляло 700 000, плотность населения — 0,5 [Стулов, Симуков 1930: 72].

³ В монографии «Жизнь и научная деятельность С. А. Кондратьева...» со ссылкой на публикацию Н. А. Симуковой указаны «десять (курсив мой. — К. О.) географических провинций: Алтайская горная страна, Западная озерная котловина, Хангайская горная страна, Хэнтэйская горная страна, Восточно-Монгольская равнина, Среднехалхаская возвышенность, Центральная впадина, Гобийский Алтай, Шанхайское нагорье, холмисто-равнинная Восточная Гоби» (цит. по: [Жизнь и научная деятельность 2006: 221]), А. Д. Симуков же приводит 11 географических провинций [Симуков 2008: 196].

С. А. Кондратьев подробно описал предложенную схему разделения областей с кратким изложением их «производственных возможностей». Так, в Кентэйской области есть ресурсы для развития «горной промышленности, лесного хозяйства, скотоводства, звероводства и рыболовства», в Орхонской впадине — для «скотоводства и земледелия», в Хангае и Прикосоголье — для «горной промышленности, лесного хозяйства, скотоводства, звероводства, рыболовства и в ограниченных размерах земледелия», в Западной озерной котловине — для «скотоводства» и на части ее территории для «земледелия», в Танну-Ула — для «горной промышленности, лесного хозяйства и скотоводства», в Монгольском Алтае — для «горной промышленности и скотоводства», в Гобийском Алтае и Заалтайской гоби — для «экстенсивного скотоводства», в Восточной гоби — для «экстенсивного скотоводства», в Восточной степи — для «скотоводства, тарбаганьего промысла и в ограниченных размерах земледелия», в Хинганской провинции — для «скотоводства и земледелия» [Стулов, Симуков 1930: 54–55]. Проект С. А. Кондратьева был составлен, исходя из географических особенностей регионов страны, но без учета «промышленности, обрабатывающей местное сырье — шерсть, кожу и овчины» [Стулов, Симуков 1930: 55], причем сырье имелось во всех аймаках, поэтому, как отмечали Е. А. Стулов и А. Д. Симуков, развитие «текстильной, кожевенной и пимокатной¹ промышленности» очевидно, однако при существующем районировании весьма обременительно [Стулов, Симуков 1930: 56]. Развитие же обрабатывающей промышленности всецело зависело не только от наличия сырья, но и развития транспортных путей, топлива и других условий.

Необходимо отметить, что сельскохозяйственное и экономическое районирование по отдельным аймакам по заданию ЭКОСО осуществил А. Д. Симуков: он провел работу по районированию «Цецерлиг-Мандальского (1930), Алтайского (1931), Южно-Гобийского (1931), Убур-Хангайского (1933)» аймаков, причем в некоторых аймаках велась работа по определению местоположения временных аймачных центров [Симуков 2008: 7–72].

Административно-территориальное районирование Монголии по предложению Е. А. Стулова и А. Д. Симукова

СOLIDное образование позволило Е. А. Стулову успешно проявить свои способности, ибо уже с 1925 г. он являлся советником ЭКОСО Монголии, что позволило ему основательно изучить страну. Совместно с сотрудником Ученого комитета МНР А. Д. Симуковым² он занимался вопросами районирования МНР³.

¹ Пимокат — валяльщик пимов.

² А. Д. Симуков (1902–1942) — исследователь Монголии, в 1923 г. участвовал в монголо-тибетской экспедиции П. К. Козлова, затем был приглашен на работу в Комитет наук Монголии, в котором проработал до 1939 г. Автор статей по этнографии, географии и хозяйству Монголии. Объездил практически всю страну в составе 15 экспедиций и других рабочих поездок. Впервые провел комплексное физико-географическое исследование, предложил физико-географическое районирование Монголии, а также определил основные природные зоны страны [Ломакина 2008: 128–135].

³ В 1930 г. статья о районировании страны была опубликована в журнале «Хозяйство Монголии»; эта же статья вошла в монографию об А. Д. Симукове «О Монголии и для Монголии» [Симуков 2008: 33–60].

Работа была организована в рамках составления перспективного пятилетнего плана развития народного хозяйства и культуры МНР¹, а именно «для установления единых административно-экономических районов» как «экономических единиц» [Стулов, Симуков 1930: 51]. Именно такую задачу — административно-экономическое районирование — поставил Экономический совет перед Е. А. Стуловым и А. Д. Симуковым.

Результаты работы Е. А. Стулова и А. Д. Симукова не заставили себя долго ждать, 1930 г. состоялось совещание делегатов VI Великого Народного хурала, на котором был одобрен их кропотливый труд, а также принято решение — за новыми административно-экономическими районами «сохранялись общие названия аймаков» [Стулов, Симуков 1930: 69]. В феврале 1931 г. правительство МНР приняло Закон об экономическом районировании [Выдержки из закона 1931: 90–94; История МНР 1983: 354; Очерки истории 1971: 130].

Вместо пяти аймаков, шести торговых и восьми ветеринарных районов решено создать 13 новых административно-экономических аймаков²: «Восточный (центр Баин-Тумэн), Кентэйский (центр Ундурхан), Центральный (центр Улан-Батор), Земледельческий (центр Алтанбулаг), Косогольский (центр Хатхыл), Ара-Хангайский (центр Цецерлиг), Убур-Хангайский (временный центр Ламынгеген), Цзапхынский (центр Чжибхаланту), Дюрбетский (центр Уланком), Кобдоский (центр Чжиргаланту), Алтайский (временный центр Хантайшири), Южно-гобийский (временный центр Дэльгерхангай), Восточно-гобийский (центр Сайнусу)» [Выдержки из закона 1931: 90].

Аймачным хуралам было дано право давать другие наименования аймаков, если будет в этом необходимость; в случае изменений новые наименования представить на утверждение президиума Малого хурала. В трех временных аймачных центрах запретили вести капитальное строительство, ибо в будущем эти центры планировалось «перевести в другие места» [Выдержки из закона 1931: 90]. Согласно данному Закону, были упразднены хошуны и соответственно хошунные органы власти, укрупнены сомоны, число которых составило 324, городами определены Улан-Батор и Алтан-Булак. В связи с укрупнением сомонов было принято решение поручить аймачным комиссиям работу по районированию «в пределах своих территорий», определить сомонные центры и их границы [Выдержки из закона 1931: 93–94].

Преобразования наименований коснулись и четырех аймаков: Так, в 1923 г. Тушетуханский аймак был переименован в Богдо-хан-ул, с 1931 г. из хошунов этого аймака были образованы Центральный, Селенгинский, Южно-Гобийский и Восточно-Гобийский аймаки, в 1938 г. — Булганский аймак, в 1942 г. — Средне-Гобийский [Мөнх-Очир 2012: 6].

В 1923 г. Сэцэнханский аймак был переименован в Ханхэнтэйский, в 1931 г. из хошунов этого аймака были образованы два — Восточный и Хэнтэйский, в 1942 г. был присоединен Сухэбаторский аймак [Мөнх-Очир 2012: 8–9].

¹ Решение о разработке первого пятилетнего плана развития народного хозяйства и культуры МНР обсуждалось на VIII съезде Монгольской народно-революционной партии (далее — МНРП) (21 февраля – 3 апреля 1930 г.), на котором были утверждены директивы пятилетнего плана (1931–1935) [Очерки истории 1971: 127].

² В конце 1940 г. в Монголии было образовано 15 аймаков, которые делились на сомоны, включавшие баги; в 1942 г. к этим 15 аймакам были добавлены еще три [История Монголии 2007: 186].

Дзасагтуханский аймак с 1931 г. был назван Хантайшир-уул аймаком, в 1931 г. из хошунов этого аймака был образован Гоби-Алтайский и Завханский, туда же вошли два хошуна Кобдоского, три хошуна Убсунурского и 12 сомонов Хубсугульского аймаков [Мөнх-Очир 2012: 11].

С 1923 г. Сайнноёнханский аймак был переименован Цэцэрлэг-мандал-ул, с 1931 г. он разделен на Архангайский и Убурхангайский аймаки, в 1942 г. из этих аймаков был выделен Баярхонгорский [Мөнх-Очир 2012: 15].

Таким образом, проведенное районирование дало возможность рационального и дифференцированного подхода к развитию того или иного аймака с учетом разнообразных природно-климатических условий, обеспечило эффективность экономического и хозяйственного управления каждым регионом.

В настоящее время в Монголии 21 аймак: Архангайский (центр — Цэцэрлэг), Баян-Ульгийский (центр — Ульгий), Баянхонгорский (центр — Баянхонгор), Булганский (центр — Булган), Гоби-Алтайский (центр — Алтай), Дархан-уул (центр — Дархан), Гоби-Сумбэрский (центр — Чойр), Восточно-Гобийский (центр — Сайншанд), Восточный (центр — Чойбалсан), Средне-Гобийский (центр — Мандалгоби), Завханский (центр — Улястай), Орхонский (центр — Эрдэнэт), Убурхангайский (центр — Арвайхэр), Южно-Гобийский (центр — Даланзагад), Сухэбаторский (центр — Баруун-уурт), Селенгинский (центр — Сухэ-Батор), Центральный (центр — Зуунмод), Убсунурский (центр — Улангом), Кобдоский (центр — Кобдо), Хубсугульский (центр — Мурэн), Хэнтэйский (центр — Ундурхан) [Мөнх-Очир 2012: 30–80].

Статьи и лекции Е. А. Стулова

Еще одна сфера деятельности Е. А. Стулова — чтение лекций. Стенограмма лекции «Основные вопросы политической истории Внешней Монголии», прочитанной на курсах монголоведения, опубликована отдельным оттиском в Улан-Баторе [Стулов 1934]. Отмечая «большую трудность в освещении основных моментов политической истории Монголии» [Стулов 1934: 1], он посчитал нужным начать с исторического прошлого монголов, далее осветил период маньчжурского владычества, автономию Монголии, революционные события 1911, 1921 гг. Ознакомление с лекцией — одна из возможностей ознакомления с многогранной деятельностью Е. А. Стулова. Конечно, материал изложен в духе марксистско-ленинской догматики, иначе и быть не могло в 1930-е гг. Предваряя изложение своих взглядов на историю страны, Е. А. Стулов отмечает содержательность исторической литературы о Монголии, которая, однако, «в основной своей массе не является марксистской, ... и очень большим пробелом в исторических работах о дореволюционной Монголии является отсутствие материала о классовой борьбе» [Стулов 1934: 1]. В частности Е. А. Стулов приводит книгу Г. Е. Грумм-Гржимайло «Западная Монголия и Урянхайский край», которая, по его мнению, изобилует богатым фактическим материалом и летописными данными, но «построена на буржуазных взглядах на „малые народы“» и обоснованием политики колониального гнета [Стулов 1934: 1]. В конце своей статьи он предложил план занятий на эту же тему: «Историческое прошлое монголов», «Автономия Внешней Монголии» и «Революционная Внешняя Монголия» [Стулов 1934: 28–29].

Собственно, и сама статья разделена на эти три части. «Историческому прошлому монголов» отводился один час, освещались следующие вопросы: монголы в первой половине XIII в., социально-экономическое описание эпохи Чингис-хана, распад монгольской империи и его причины, период войн (XV–XVI вв.), период маньчжурского владычества (1691–1911). Вторая часть посвящена автономии Внешней Монголии (два часа): антикитайское движение, съезды монгольских князей, провозглашение независимости Монголии, русско-монгольское соглашение 1912 г., Тройственное (Кяхтинское) соглашение 1915 г., общая характеристика автономии. Третий раздел, которому отводилось три часа, подразделялся на две темы — первый период национально-демократической революции и второй период национально-демократической революции.

В тексте по первому периоду излагались сюжеты: первый съезд МНРП (март 1921 г.) и его программа, создание временного народного правительства, ограниченная монархия, соглашение от 5 ноября между РСФСР и Монголией¹.

Второй период ознакомил слушателей со следующими событиями: кончина Богдо-гэгэна (май 1924 г.), третий съезд МНРП² (август 1924 г.), первый Великий народный хурал (ноябрь 1924 г.), принятие первой Конституции МНР (ноябрь 1924 г.), современное политическое положение страны [Стулов 1934: 28–29].

Надо подчеркнуть, что Е. А. Стулов был хорошо знаком со специальной литературой и активно цитировал работы Г. Е. Грумм-Гржимайло, Б. Я. Владимирцова, И. М. Майского, А. Д. Калининкова, К. Маркса, а также некоторые документы. В заключение своей лекции он пишет, что «попутно коснулся вопросов истории общественного строя, мало касался такого большого фактора как ламаистская религия... и не дал развернутого изложения о некапиталистическом пути развития» [Стулов 1934: 27].

Отмечу, что Е. А. Стулов рекомендовал литературу, в составе которой, помимо названных авторов и документов, упомянул и свое пособие «Хронология важнейших событий в истории Внешней Монголии и МНР», с припиской «машинопись, готовится к печати» [Стулов 1934: 29]. Обнаружить пособие пока не удалось.

Е. А. Стулов подробно излагал свое видение развития Монголии в многочисленных статьях, опубликованных в журналах «Хозяйство Монголии», «Современная Монголия» и др.

Так, в 1931 г. была опубликована его статья, посвященная итогам переписи населения и скота в МНР в 1925–1929 гг. [Стулов 1931: 5–17]. Сетую на скудость статистических данных за 1925–1929 гг., тем не менее Е. А. Стулов приводит данные по численности населения за этот период: 1925 г. — 651 700 чел., 1926 г. — 681 000 чел., 1927 г. — 699 000 чел., 1928 г. — 710 500³, 1929 г. —

¹ Имеется в виду «Соглашение между правительством РСФСР и Народным правительством Монголии об установлении дружественных отношений между Россией и Монголией», подписанное в г. Москве 5 ноября 1921 г.

² В марте 1925 г. на пленуме ЦК партии было принято постановление о переименовании Монгольской народной партии (МНП) в Монгольскую народно-революционную партию (МНРП). На третьем съезде партии (4–31 августа 1924 г.) партия еще именовалась МНП [Очерки истории 1971: 99].

³ В статье Е. А. Стулова и А. Д. Симукова «К вопросу о районировании МНР» приводится цифра в 760 000 чел. Увеличение население «объясняется уточнениями, проведенными в результате проверки» [Стулов Симуков 1930: 79].

728 500 [Стулов 1931: 6]. Прирост населения в 2,5 % Е. А. Стулов объяснил механическим приростом за счет «большого притока иммигрантов-бурят»¹, а также «погрешностями государственной статистики». По его мнению, даже прирост населения в 1,6 % представляется «невероятным», ибо в Монголии в то время «не существовало регистрации рождаемости и смерти» [Стулов 1931: 7].

Е. А. Стулов приводит численность мужского и женского населения (с рождения до 18 лет) за указанные годы. Отдельные выкладки приводит и по ламскому населению. Так, он констатирует, что в 1925 г. мужское население² составляло 224 400 чел., лам — 87 300; в 1927 г. мужского населения — 237 900, лам — 92 300³; в 1928 г. мужского населения — 246 900, лам — 94 800; в 1929 г. мужского населения — 246 800, лам — 88 200 [Стулов 1931: 11]. Как видно из приведенных данных, незначительное снижение количества лам приходится на 1929 г. Сокращение их численности⁴ связано, прежде всего, с принятием в 1926 г. закона об отделении дел религии от государства. В том же году принят закон о едином налоге, согласно которому монастырские хозяйства облагались налогом; в 1929 г. началась экспроприация движимого и недвижимого имущества не только у привилегированных слоев, но и ламского сообщества в пользу бедных аратов и вновь образуемых колхозов и госхозов; в 1930 г. принят так называемый воинский налог, предусматривавший взимание налога с лам призывного возраста. Наступление на религию и ламство были продолжены и в последующие годы. Все эти мероприятия значительно ухудшили положение буддийской церкви и духовенства: «с 1924 по 1927 гг. около 12 400 лам вынуждены были снять с себя монашеские обеты и перейти в светское состояние» [Ванчикова 2019: 81].

Еще одна стезя деятельности Е. А. Стулова относится к 1932 г., когда его отправили в Монголию для выяснения причин вспыхнувшего восстания в Архангайском аймаке⁵. Всего десять дней (1–10 июня 1932 г.) потребовалось, чтобы вникнуть в суть происходящих событий, чему способствовали многочисленные встречи не только с руководящим составом аймачного центра, партийными работниками, но и с простыми аратами, солдатами, повстанцами. Лишь чело-

¹ Буряты традиционно кочевали в Монголию и обратно. В их истории выделяется несколько волн миграций, связанных со следующими событиями: земельные и административные реформы в России (1900–1911); провозглашение независимости Монголии (1911), Первая мировая война (1914–1918), Октябрьская революция 1917 г., Гражданская война, социальные преобразования в России (1917–1930) [Ринчинова 2013: 39, 80–81].

² Е. А. Стулов для сравнения приводит численность мужского населения, которым выше 18 лет.

³ На V съезде МНРП (26 сентября – 4 октября 1926 г.) в своем выступлении Ц. Жамцарано приводит цифру 115 000 лам [Монголия в документах 2019: 125]. Вероятно, разница в цифрах объясняется тем, что Е. А. Стулов подсчитал их численность от 18 лет.

⁴ Собственно наступление на религию началось в 1921 г. Заключение «Клятвенного договора» в том же году между Богдо-гэгэном и монгольским народным правительством существенно ограничило его «полномочия только религиозными вопросами» [Ванчикова 2019: 68].

⁵ Подробнее см.: [Орлова 2022: 941–950].

век, глубоко погруженный в проблемы страны и ее граждан, мог грамотно и конкретно разобраться в этом непростом для страны периоде.

Заключение

Имя Е. А. Стулова, много сделавшего для Монголии, мало известно не только широкому кругу читателей, но и исследователям. Во многом благодаря своим знаниям, компетентности, образованности ему удалось изнутри познать страну и ее граждан. Как советник ЭКОСО, он за короткий срок разобрался в ситуации в связи со вспыхнувшим восстанием в Архангайском аймаке, причины которого явно проглядывались и в других регионах — Восточном, Хубсугульском, Убурхангайском, Завханском, Южногобийском, Алтайском аймаках.

В том же статусе (советник ЭКОСО) совместно с другими сотрудниками и исследователями, которые были приглашены в Ученый комитет Монголии, занимался районированием страны. Результаты работы были приняты на вооружение монгольским правительством.

Еще одна сфера его деятельности — публикация статей и чтение лекций. Судя по его публикациям и лекциям, Е. А. Стулов хорошо был знаком с работами своих предшественников и современников, и перед нами предстает действительно незаурядный, талантливый человек, хорошо познавший Монголию и много сделавший для нее.

Источники

РГАЭ — Российский государственный архив экономики.

Sources

Russian State Archive of the Economy.

Литература

- Ванчикова 2019 — *Ванчикова Ц. П.* Буддизм в Монголии: история, духовенство, монастыри. Иркутск: Оттиск, 2019. 292 с.
- Выдержки из закона 1931 — Выдержки из закона о новом районировании Монгольской Народной Республики // *Хозяйство Монголии* (журнал). 1931. № 1 (25). Январь — февраль. С. 90–94.
- БНМАУ-ын II их хурал 2009 — БНМАУ-ын II их хурал. 1925 оны 11 дүгээр сарын 6–20-ны өдөр (= II Великий хурал МНР. 6–20 ноября 1925 г). Улаанбаатар: Бемби сан, 2009. 546 х.
- Горохова 1980 — *Горохова Г. С.* Очерки по истории Монголии в период маньчжурского господства (конец XVII – начало XX вв.). М.: ГРВЛ, 1980. 131 с.
- Жизнь и научная деятельность 2008 — Жизнь и научная деятельность С. А. Кондратьева (1896–1970) в Монголии и России / подг. текста, предисл., введ., коммент. и указ. И. В. Кульганек, В. Ю. Жукова. СПб.: Петербургское востоковедение, 2008. 404 с.
- История Востока 2004 — История Востока. Т. 4. Кн. 1. Восток в новое время (конец XVIII – начало XX в.) / отв. ред. Л. Б. Алаев и др. М.: Вост. лит., 2004. 608 с.
- История МНР 1983 — История Монгольской Народной Республики / Ш. Бира, Ш. Нацагдорж, Х. Пэрлэ (МНР); А. П. Окладников, С. Д. Дылыков, И. С. Казакевич (СССР). Изд. 3-е перераб. и доп. М.: ГРВЛ, 1983. 661 с.
- История Монголии 2007 — История Монголии. XX век / отв. ред. Г. С. Яскина. М.: ИВ РАН, 2007. 448 с.

- Ломакина 2008 — *Ломакина И. И.* Главы из неопубликованной повести «Географ Андрей Симуков. Документальный рассказ о русском первопроходце-исследователе Монголии Андрее Дмитриевиче Симукове (1902–1942) / подг. к печ., введ. и коммент. Н. А. Симуковой // *Mongolica-VIII*: сб. ст. / редкол.: И. В. Кульганек (пред.), Л. Г. Скородумова, Н. С. Яхонтова. СПб.: Петербургское востоковедение, 2008. С. 128–135.
- Монголия в документах 2019 — Монголия в документах из архивов ФСБ России (1922–1936 гг.) / науч. ред. В. В. Наумкин, отв. ред.: К. В. Орлова, В. В. Грайворонский. М.: ИВ РАН, 2019. 528 с.
- Мөнх-Очир 2012 — *Мөнх-Очир Д.* Монгол улсын аймаг, хошуу, сумын лавлах. Хошуу ноёдын жагсаалт (1691–1925 он) (= Справочник по аймакам, хошунам, сомонам Монголии. Список нойонов хошунов. 1921–1925 г.). Улаанбаатар: Соёмбо принтинг, 2012. 128 х.
- Орлова 2022 — *Орлова К. В.* Е. А. Стулов и его поездка в Архангайский аймак в 1932 г.: по материалам сборника документов «Монголия в документах из архивов ФСБ РФ» // *Oriental Studies*. 2022. Т. 15. № 5. С. 941–950. DOI: 10.22162/2619-0990-2022-63-5-941-950
- Очерки истории 1971 — Очерки истории Монгольской народно-революционной партии / пер. с монг.; ред. Б. Лхамсурэн, Б. Ширендыб, Б. Балдо, Л. Санжа, Б. Тудэв. М.: Политиздат, 1971. 343 с.
- Ринчинова 2013 — *Ринчинова О. С.* Буряты Монголии: вопросы истории. Улан-Удэ: БГСХА им. В. Р. Филиппова, 2013. 177 с.
- Симуков 2008 — *Симуков А. Д.* О Монголии и для Монголии / сост. Ю. Конагая, С. Баяраа, И. Лхагвасурэн. Т. 3 (ч. 2). Осака: Гос. музей этнологии, 2008. 328 с.
- Стулов, Симуков 1930 — *Стулов Е. А., Симуков А. Д.* К вопросу о районировании Монгольской Народной Республики // *Хозяйство Монголии*. 1930. № 2 (20). Март – апрель. С. 51–75.
- Стулов 1931 — *Стулов Е. А.* Краткие итоги переписи населения и скота МНР в 1925–1929 гг. // *Хозяйство Монголии*. 1931. № 2 (26). Март – май. С. 5–17.
- Стулов 1934 — *Стулов Е. А.* Основные вопросы политической истории Внешней Монголии. Улан-Батор: Изд. курсов монг-я, 1934. 29 с.

References

- Alaev L. B. et al. (eds.) History of the East. Vol. 4. Book 1: East in Modern Times, Late 18th to Early 20th Centuries. Moscow: Vostochnaya Literatura, 2004. 608 p. (In Russ.)
- Bira Sh., Natsagdorj Sh., Perle Kh., Okladnikov A. P., Dylykov S. D., Kazakevich I. S. History of the Mongolian People's Republic. 3rd ed., rev. & suppl. Moscow: Nauka — GRVL, 1983. 661 p. (In Russ.)
- Excerpts from the Law on New Administrative Divisions of the Mongolian People's Republic. *Khozyaystvo Mongolii*. 1931. No. 1 (25; January – February). Pp. 90–94. (In Russ.)
- Gorokhova G. S. Mongolia under the Manchu Rule, Late 17th – Early 20th Centuries: Historical Essays. Moscow: Nauka — GRVL, 1980. 131 p. (In Russ.)
- Kulganek I. V., Zhukov V. Yu. (comps.) Sergey A. Kondratyev (1896–1970): Life and Research Activities in Mongolia and Russia. St. Petersburg: Peterburgskoe Vostokovedenie, 2008. 404 p. (In Russ.)
- Lkhamsuren B. et al. (eds.) Mongolian People's Revolutionary Party: Historical Essays. Moscow: Politizdat, 1971. 343 p. (In Russ.)
- Lomakina I. I. Geographer Andrey D. Simukov (1902–1942): A Documentary Narrative about the Russian Researcher and Explorer of Mongolia. N. Simukova (ed., etc.). Introducing some chapters from the unpublished edition. *Mongolica*. 2008. Vol. VIII. Pp. 128–135. (In Russ.)

- Mönkh-Ochir D. A Guide to Aimags, Khoshuns, and Sums of Mongolia (1691–1925). List of Khoshun-Level Noyons (1921–1925). Ulaanbaatar: Soyombo Printing, 2012. 128 p. (In Mong.)
- Naumkin V. V., Orlova K. V., Graivoronsky V. V. (eds.) Federal Security Service Archives: Mongolia Documented, 1922–1936. Moscow: Institute of Oriental Studies (RAS), 2019. 528 p. (In Russ.)
- Orlova K. V. Federal Security Service Archives: Mongolia Documented, 1922–1936. The note describing E. Stulov's 1932 journey to Arkhangai Aimag analyzed. *Oriental Studies*. 2022. Vol. 15. No. 5. Pp. 941–950. (In Russ.) DOI: 10.22162/2619-0990-2022-63-5-941-950
- Rinchinova O. S. Buryats of Mongolia: Issues of History. Ulan-Ude: Filippov Buryat State Agricultural Academy, 2013. 177 p. (In Russ.)
- Second Great Khural (Congress) of the Mongolian People's Republic: 6–20 November 1925. Ulaanbaatar: Bembi San, 2009. 546 p. (In Russ.)
- Simukov A. D. About Mongolia and for Mongolia. Yu. Konagaya, S. Bayaraa, I. Lkhagvasuren (comps.). Vol. 3. Pt. 2. Osaka: National Museum of Ethnology, 2008. 328 p. (In Russ.)
- Stulov E. A. Mongolian People's Republic: A summary of the 1925–1929 population and livestock census. *Khozyaystvo Mongolii*. 1931. No. 2 (26; March – May). Pp. 5–17. (In Russ.)
- Stulov E. A. Outer Mongolia: Key Issues of Political History. Ulaanbaatar: Courses in Mongolian Studies, 1934. 29 p. (In Russ.)
- Stulov E. A., Simukov A. D. Mongolian People's Republic: The issue of administrative divisions revisited. *Khozyaystvo Mongolii*. 1930. No. 2 (20; March – April). Pp. 51–75. (In Russ.)
- Vanchikova Ts. P. Buddhism in Mongolia: History, Clergy, Monasteries. Irkutsk: Ottisk, 2019. 292 p. (In Russ.)
- Yaskina G. S. (ed.) History of Twentieth-Century Mongolia. Moscow: Institute of Oriental Studies (RAS), 2007. 448 p. (In Russ.)

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

УДК / UDC 94(47)

DOI: 10.22162/2500-1523-2023-2-178-191

«Калмыки ныне с Крымом в твердом миру...». Калмыцко-крымские отношения в конце XVII в.

Владимир Толтаевич Тепкеев¹

¹ Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. им. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)

доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник

 0000-0002-4140-8358. E-mail: [tvt75\[at\]mail.ru](mailto:tvt75[at]mail.ru)

© КалмНЦ РАН, 2023

© Тепкеев В. Т., 2023

Аннотация. *Введение.* Статья посвящена одной из малоизвестных, но ярких страниц в истории калмыцко-крымских отношений в конце XVII в. К сожалению, этот период недостаточно изучен, и по этой теме введены в научный оборот не все источники. *Цель статьи* — введение в научный оборот новых архивных сведений о наиболее интересном периоде в истории взаимоотношений Калмыцкого и Крымского ханств, когда между двумя этими кочевыми государствами происходит временное политическое сближение. Источниковой базой послужили *материалы* Российского государственного архива древних актов. В первую очередь это материалы фондов 111 («Донские дела»), 119 («Калмыцкие дела») и 123 («Крымские дела»). *Результаты.* В ходе архивных изысканий удалось обнаружить новые сведения о взаимных посольских контактах между двумя ханствами, которые серьезно корректируют и дополняют прежние исторические знания о калмыцко-крымских отношениях в этот период. *Выводы.* Политическое сближение калмыков с Крымским ханством в 1680–1690-е гг. имело временный характер и в первую очередь было связано с резким ухудшением русско-калмыцких отношений. Крымская дипломатия на калмыцком направлении одержала значительный успех, в полной мере используя для достижения своей цели все существовавшие в тот период противоречия в русско-калмыцких отношениях. Политическое сближение калмыков с Крымским ханством сопровождалось взаимовыгодной торговлей скотом и лошадьми. Но частая смена власти в Крыму не способствовала долгосрочному выстраиванию отношений. Все это усугублялось обострением «ногайского вопроса», когда в 1696 г. ногайцы бежали от калмыков на Кубань, под протекцию крымского хана. Именно с этого времени начинается конфронтация калмыцких владельцев с крымскими властями, которая в конечном итоге привела к вооруженному столкновению.

Ключевые слова: Калмыцкое ханство, XVII век, калмыки, крымские татары, Аюка, калмыцко-крымские отношения

Благодарность. Исследование проведено в рамках государственной субсидии — проект «Юго-восточный пояс России: исследование политической и культурной истории социальных общностей и групп» (номер государственной регистрации: 122022700134-6).

Для цитирования: Тепкеев В. Т. «Калмыки ныне с Крымом в твердом миру...». Калмыцко-крымские отношения в конце XVII в. // Монголоведение. 2023. Т. 15. № 2. С. 178–191. DOI: 10.22162/2500-1523-2023-2-178-191

‘*Nowadays Kalmyks Maintain Firm Peace with the Crimea ...*’: Kalmyk-Crimean Relations in the Late Seventeenth Century

Vladimir T. Tepkeev¹

¹ Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilishkin St., 358000 Elista, Russian Federation)
Dr. Sc. (History), Leading Research Associate
 0000-0002-4140-8358. E-mail: tvt75[at]mail.ru

© KalmSC RAS, 2023

© Tepkeev V. T., 2023

Abstract. *Introduction.* The article deals with a little-known — though noticeable — episode in the history of late seventeenth-century Kalmyk-Crimean relations. The period remains somewhat understudied, and there are still unpublished sources on the topic. *Goals.* The paper aims to introduce some newly discovered archival materials discussing a most interesting period in the history of relations between the Crimean and Kalmyk Khanates characterized by a short-lived close political interaction. *Materials.* The work examines materials stored at the Russian State Archive of Ancient Acts, the former largely contained in collections nos. 111 (‘Don Affairs’), 119 (‘Kalmyk Affairs’), and 123 (‘Crimean Affairs’). *Results.* The conducted insights into archival sources have yielded some new data pertaining to mutual ambassadorial contacts between the two khanates that essentially clarify and extend the existing historical knowledge of the then Kalmyk-Crimean relations. *Conclusions.* The mutual political approach between Kalmyks and the Crimean Khanate in the 1680s–1690s proved short-lived, and had primarily been ignited by a dramatic deterioration in Russian-Kalmyk relations. That was a significant success of the Crimean diplomacy that took every advantage of the then dissensions between Kalmyks and the Tsardom of Russia. The mentioned political consent was paralleled by mutually beneficial horse and cattle trading activities. However, the frequent power shifts in the Crimea never facilitated any long-term interaction, the latter having been aggravated by another worsening in the ‘Nogai question’ when in 1696 Nogai subjects of Kalmyks fled to Kuban requesting the Crimean Khan’s protection. It was then that the confrontation between Kalmyk chieftains and Crimean officials — that finally led to an armed clash — arouse.

Keywords: Kalmyk Khanate, 17th century, Kalmyks, Crimean Tatars, Ayuka, Kalmyk-Crimean relations

Acknowledgements. The reported study was funded by government subsidy, project no. 122022700134-6 ‘The Southeastern Belt of Russia: Exploring Political and Cultural History of Social Communities and Groups’.

For citation: Tepkeev V. T. ‘*Nowadays Kalmyks Maintain Firm Peace with the Crimea ...*’: Kalmyk-Crimean Relations in the Late Seventeenth Century. *Mongolian Studies (Elista)*. 2023; 15(2): 178–191. (In Russ.). DOI: 10.22162/2500-1523-2023-2-178-191

Введение

Развитие калмыцко-крымских отношений, занимавших в XVII в. значительное место во внешней политике России и Турции, определялись во многом тогдашним международным положением обоих кочевых государств и общей

ситуацией в Юго-Восточной Европе. Изучение истории взаимоотношений Калмыцкого и Крымского ханств дает возможность поставить вопрос о степени самостоятельности Крымского ханства под протекторатом Османской империи и, соответственно, Калмыцкого ханства — в составе Российского государства. Определенная степень самостоятельности и автономии давали возможность проведения собственных дипломатических шагов как со стороны Калмыцкого ханства, так и со стороны Крыма. При анализе калмыцко-крымских отношений необходимо учитывать и международную ситуацию в Европе в конце XVII в. Следовательно, все это не могло не найти отражение как в работах, посвященных отдельно истории двух народов, так и в обобщающих трудах исследователей по истории России и русско-турецким отношениям.

Первую оценку характеру калмыцко-крымских отношений мы находим в работах авторов XVIII–XIX вв. Например, в работе В. М. Бакунина описана роль калмыцких ханов в русско-турецких отношениях. Попутно отражаются и взаимоотношения калмыков с кубанскими и крымскими татарами; колебания калмыцкой аристократии между полным подчинением себя русскому царизму и попытками сохранить свою самостоятельность и дружеские отношения с Крымским ханством [Бакунин 1995: 26–27]. М. Г. Новолетов утверждал, что Аюка заключал договоры о войне и мире по своему усмотрению и «мог сдерживать заключенный с Крымом мир и тем послужить во вред России, каковой замысел и был от крымцев, когда они прислали к Аюке послов, что хотят идти на русских и чтобы он не посылал своих войск» [Новолетов 1884: 11]. К. И. Костенков отметил, что калмыцкие ханы «не редко вели переговоры с Крымом против России, принимая к себе даже оттуда послов» [Костенков 1870: 13].

Труд В. Д. Смирнова посвящен в основном внутренней истории Крыма, лишь попутно касаясь внешней политики, в том числе калмыцко-крымских отношений [Смирнов 2005]. Н. Н. Пальмов уделяет большое внимание роли Калмыцкого ханства в системе международных отношений. Отношения же с Крымским ханством объяснялись, прежде всего, как внутренней обстановкой в Калмыцком ханстве, так и содержанием русско-калмыцких отношений в целом [Пальмов 1929:152–210].

Можно также отметить ряд работ, посвященных отдельным проблемам истории Калмыцкого ханства [Батмаев 1993; Колесник 2003; Тепкеев 2018; Цюрюмов 2007; Khodarkovsky 1992]. Несмотря на то, что авторы лишь косвенно затрагивают калмыцко-крымские отношения, им удалось в значительном объеме ввести в научный оборот ранее неизвестные архивные документы. Из последних работ особо стоит отметить коллективный труд московских историков, посвященный русско-турецкой войне 1686–1700 гг., в которой активное участие приняли и калмыки [Гуськов Кочегаров, Шамин 2022].

Материалы и методы

Источниковой базой к настоящей статье послужили материалы Российского государственного архива древних актов. Большую ценность представляют документы фондов 111 («Донские дела»), 119 («Калмыцкие дела») и 123 («Крымские дела»), которые в той или иной мере затрагивают калмыцко-крымские отношения конца XVII в. Большое значение имеют отписки и до-

несения в центральные приказы российских посланников в Крыму, сведения о калмыках крымских послов и гонцов, показания пленных и т. д. Эти документы наглядно показывают сложившуюся в конце XVII в. обстановку на границе с Крымом, стремление местных администраций к сохранению спокойствия на южной границе, проведение мероприятий по отражению набегов кочевников.

Данная тема требует более тщательного и внимательного исследования с привлечением новых архивных данных. История непростых калмыцко-крымских взаимоотношений затрагивала разные политические проблемы, в решении которых в первую очередь принимали участие Российское государство и Османская империя. Достоверность представленных архивных сведений проверялось путем выявления происхождения документа, сравнения и сопоставления его содержания с другими источниками, отражающими похожую информацию.

Посольские контакты

В 1686 г. активизируются контакты калмыков с турецким Азовом и Крымом. Летом из Москвы к Аюке даже был направлен указ о запрете под страхом смертной казни вести всяческие торговые операции с турками и крымцами, продавать им скот и лошадей, возить товары и т. д. Всех занимающихся контрабандой калмыков обязывалось вешать, а их имущество конфисковывать [Дополнения 1872: 308].

В основном информация об этих контактах поступала в Москву через донских казаков, которые имели свою собственную сеть осведомителей как в калмыцких улусах, так и в турецком Азове. Часто донские посланцы для различных переговоров приезжали к Аюке и были невольными свидетелями таких же приездов в улусы крымских или турецких посланцев. Например, в конце 1686 г. с Дона в Москву пришло сообщение о приезде к Аюке крымских посланцев с просьбой отказать России в военной помощи против Крыма [РГАДА. Ф. 111. Оп. 1. 1686 г. Д. 19. Л. 5].

Вступление Москвы в антитурецкую коалицию (Священную лигу), в результате заключенного 21 апреля 1686 г. «Вечного мира», открывало военные действия и против вассала Порты — Крымского ханства. Правительство Софьи Алексеевны в отношениях с Турцией принимает новую стратегию, заключающуюся в наступлении крупных вооруженных сил на южном направлении, тогда как до тех пор действия русской армии носили в основном оборонительный характер.

Приезд крымских послов в калмыцкие улусы с предложением невмешательства в предстоящую русско-турецкую войну поставил Аюку в очень сложное положение. В связи с этим он даже созвал съезд калмыцких владельцев: «и с ними о том думал» [РГАДА. Ф. 111. Оп. 1. 1686 г. Д. 19. Л. 18].

Официальный ответ калмыцкого тайши, изложенный в письме к крымскому хану, состоял в следующем: «Ему, Аюке, учинить того невозможно, потому что он со всеми своими улусными людьми бил челом великим государям в вечное подданство, и на том шертовал, что служит ему со всеми мурзами и улусными людьми верно... и в измене быть не хотят. А где ему великие государи укажут служить и против своего государского недруга на кого идти,

и он головою своею им, великим государям, служить рад. В том бы он, хан, на него не надеялся по тому, если ему прошение ево исполнить. И так учинить и клятву свою нарушить и ему де за то от вышнего бога будет казнь, а улусным ево людем не токмо где кочевать, и воды почерпнуть будет негде» [РГАДА. Ф. 111. Оп. 1. 1686 г. Д. 19. Л. 18–19].

В устной форме Аюка еще раз констатировал перед крымскими послами: «Как де мне великим государям московским на помочь не пойти, мне де и воды из Волги не пить» [РГАДА. Ф. 111. Оп. 1. 1686 г. Д. 19. Л. 5].

Царские власти моментально отреагировали на полученную информацию о приезде к калмыкам крымских послов. К Аюке срочно были отправлены стольник Кузьма Козлов и Юрий Приклонский с письменным требованием — незамедлительно передать властям крымского посла с письмом от хана. Однако тайша уже отправил ответное посольство в Крым с официальным отказом в помощи крымцам. Царским посланникам только удалось проведать, что к Аюке из Крыма были присланы большие подарки, а в Азов калмыки постоянно гоняют на продажу скот и лошадей [РГАДА. Ф. 111. Оп. 1. 1686 г. Д. 19. Л. 152–154].

Действительно, в декабре 1686 г. из Царицына поступило сообщение на основе полученной информации от донских казаков, что в Азов прибыло крупное калмыцкое представительство из 100 человек. Часть из них отправилась далее в Турцию, другая — в Крым [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1687 г. Д. 1. Л. 1].

По всей видимости, именно об этом посольстве от «калмыцкого короля» упоминает в своем сочинении турецкий историк Фундуклулу [Смирнов 2005: 438], когда оно прибыло в Крым с предложением дружбы и услуг. Крымский хан Селим-Гирей, получив приглашение в Порту, взял с собой калмыцких послов в Адрианополь: «Посмотрите, — говорит, — какой падишах еще есть больше меня; и чей я слуга, кому службу правлю» [Смирнов 2005: 438].

Зимой 1686–1687 гг. донцами отмечались неоднократные приезды («многие беспрестанно») в турецкую крепость калмыцких торговцев скотом и лошадьми [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1687 г. Д. 1. Л. 1–2]. Казаки на этот счет даже пришли к определенному выводу: если «их, азовцев, харчом не прокормили они, калмыки, и в Азове бы все померли з голоду» [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1687 г. Д. 1. Л. 1–2].

Ограничительная политика правительства по отношению к Калмыцкому ханству, взаимные отгоны скота и лошадей с донскими казаками и невыполнение ряда условий прежних договоров привели к сближению калмыцких тайшей с крымским ханом. Об этом говорит хотя бы и тот факт, что Аюка не принял участие в составе русской армии в Крымских походах В. В. Голицына в 1687 и 1689 гг.

В 1688 г. донские атаманы неоднократно предупреждали центральные власти о подозрительных действиях калмыцкого тайши, от которого, как они считали, «добра ждать нечего», так как «беспрестанно с турецким и с крымским списываетца и послов своих посылает» [РГАДА. Ф. 111. Оп. 1. 1688 г. Д. 2. Л. 3, 16]. Калмыки, по их мнению, постоянно приезжали в Азов для торга с местными жителями, и казаки не раз в степи перехватывали таких торговых представителей, перегонявших скот из улусов для продажи скота в крымские

и турецкие владения, причем Аюка лично разрешил казакам ловить этих торговцев, ездивших из улусов для продажи скота в Крым и Азов, так как «заказу де такова от него, чтоб заказать людям своим накрепко, нет» [РГАДА. Ф. 111. Оп. 1. 1688 г. Д. 2. Л. 3, 16]. При этом донские посланцы в Москве сообщали, что на все уговоры крымцев и азовцев о военном союзе Аюка отвечал им примерно следующее: «что де ему не быть в подданстве у великих государей и ратных своих людей не давать — невозможно, а хотя де он в помощь ратных своих людей и пошлет, он де пошлет испустя время и битися с ними не велит; только б была та слава, что они по государеву указу не ослушны и на службу всегда готовы» [РГАДА. Ф. 111. Оп. 1. 1688 г. Д. 2. Л. 15–16].

Все эти сведения не могли остаться без внимания в Москве. Когда в феврале 1688 г. в столицу прибыл посланник Аюки, Бекей, то он доставил письма, в которых Аюка привел свои доводы. Например, на упреки о продаже в Крым калмыцких лошадей, которую в основном осуществляли подвластные ему ногайцы, он сообщил, что эти делом занимаются в том числе астраханские и терские ногайцы, которых власти никак не ограничивают. Ложью он также назвал информацию об отправке им военной помощи Крыму [Тепкеев 2018: 106].

Весной 1688 г. положение на русско-турецкой границе оставалась напряженным. Ситуацию усугубляла информация турка-перебежчика из Азова, что Аюка заключил с Турцией и Крымом военный союз, чтобы совместными усилиями разгромить донских казаков, вытеснить их с Дона и далее двигаться на русские города. По сведениям перебежчика, только престарелый ногайский мирза Салташа-Мурат предостерегал Аюку от такого шага и уговаривал его жить в мире с казаками: «а как де козаков не возьмете и не разорите, и тебе де Аюка из Волги воды не пить» [РГАДА. Ф. 111. Оп. 1. 1688 г. Д. 9. Л. 1–2]. Старый ногайский мирза также якобы отговаривал Аюку от перспективы кочевать в степях Северного Причерноморья, так как «в Крыму де им за великим утешением не ужитца», да и места там были весьма не безопасны, «только своих людей разоришь» [РГАДА. Ф. 111. Оп. 1. 1688 г. Д. 9. Л. 1–2, 6–7].

Донские казаки были встревожены такими сведениями, и не придавать им серьезного значения они не могли, поскольку основания этому были. Казаки часто сами были свидетелями нередких приездов калмыков в Азов, особенно небольших воинских отрядов по 100–300 человек, которые совместно с азовцами ходили «в набег под донские городки для захвата языков» [РГАДА. Ф. 111. Оп. 1. 1688 г. Д. 9. Л. 2, 7].

Были сведения и о присылке к калмыцкому предводителю подарка от турецкого султана — «намет (шатер. — В. Т.) большой турецкой», оцениваемый в 3 тыс. золотых червонных. Крымский хан также не оставался в стороне и присылал от себя различные подарки, связанные с вооружением: панцири, наручи, ружья и луки [РГАДА. Ф. 111. Оп. 1. 1688 г. Д. 13. Л. 1–2, 17–18]. Позже захваченный казаками в плен турок Махмуд сообщал, что весной Аюка отправил на помощь в Крым 1 тыс. воинских людей, а также на продажу лошадей и скот [РГАДА. Ф. 111. Оп. 1. 1688 г. Д. 13. Л. 21].

В Москве со всей серьезностью отнеслись к полученной с Дона информации, и к Аюке были отправлены грамоты, запрещающие ему отпускать своих улусных людей в Крым или Азов. Поощрялось только совместное с донскими

казаками участие в военных походах на земли неприятеля. Но Аюка отрицал какие-либо свои официальные контакты с Крымом, ссылаясь на самовольство отдельных калмыков [Тепкеев 2018: 108].

Официальный отказ Аюки в своей причастности к этим контактам дал возможность донским казакам перейти к более решительным действиям, заключавшимся в устройстве в степи засад для перехвата посольских и торговых людей. Так, в апреле 1688 г. ватага из 40 казаков разбила крымское посольство, возвращавшееся из калмыцких улусов, куда ездило «для договора о мире». В результате 20 крымцев было убито, а самому послу с десятком человек удалось скрыться. Другой отряд из 500 казаков под командой атамана Василия Волошенина на реке Егорлык также устроил засаду. Им удалось подстеречь и разбить крымских людей, которые перегоняли из калмыцких улусов купленных там 200 лошадей и 2 тыс. овец [Дополнения 1872: 192, 194].

По всей видимости, какие-то соглашения все-таки были достигнуты, так как казаки отмечали об отправке в августе Аюкой к Азову отряда из 300 калмыков, где Муртаза-паши собрал 8 тыс. крымцев, ногаев и черкесов для нападения на Черкасск и другие русские города [Дополнения 1872: 227].

Осенью 1688 г. контакты калмыков с Крымом и Азовом вновь отмечаются в документах. Так, в октябре войсковой атаман Ф. М. Минаев информировал центр о приезде к Аюке очередного крымского посольства с просьбой о военной помощи. Как отмечал донской посланец, побывавший в улусах, «подарки и казну» от крымского хана Аюка принял, но дал ли помощь, для него осталось неизвестным [РГАДА. Ф. 111. Оп. 1. 1688 г. Д. 20. Л. 188].

«Калмыки ныне с Крымом в твердом миру...»

В проекте русско-крымского мирного договора 1691 г. один из пунктов был посвящен калмыкам. Так, в пункте № 7 сообщалось: «Калмыцкой Аюкай тайша с улусными своими людьми — подданные царского величества и кочуют около реки Волги. А [крымскому] хану до них дела нет и никогда об них между царским величеством и ханами крымскими вспоминовения не бывало. И для того ныне ни в какие договоры вписывать их и вспоминать об них не годитца» [РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. 1691 г. Д. 3. Л. 157]. Проект договора был составлен русской стороной, и крымский хан Сафа-Гирей, хотя и не был согласен с некоторыми его положениями, но с седьмым пунктом согласился [РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. 1691 г. Д. 3. Л. 166]. Правда, надо отметить, что этот хан был у власти всего лишь короткий период, и его позиция по этому вопросу не разделялась следующим крымским ханом — Селим-Гиреем I.

В Крыму были весьма обеспокоены возможным военным приходом калмыков, поскольку из Азова поступила информация о приезде на Дон калмыцких посланцев с предложением заключить мирный договор. Вместе с тем Аюка не спешил разрывать полностью отношения с крымским ханом, так как весной 1691 г. отправил в Крым на продажу 40 тыс. лошадей, а также воинских людей, приказав им «идти с ханом на службу, куда он пойдет» [РГАДА. Ф. 111. Оп. 1. 1691 г. Д. 5. Л. 15–16].

По другим данным, в апреле 1692 г. калмыки пригнали на продажу к Перекопу 30 тыс. лошадей [РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. 1692 г. Д. 1. Л. 86]. Также при-

были двое калмыцких посланцев, один из которых отвечал за конский табун, другой выполнял определенные политические задачи. Например, он должен был заручиться военной поддержкой крымского хана в предполагаемой войне калмыков с донскими казаками. Однако хан отказался отправлять отдельное крымское войско к калмыкам, но пообещал Аюке отправить некоего бия с Черкессии со вспомогательным отрядом [РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. 1692 г. Д. 1. Л. 86]. Калмыцкий правитель пытался убедить крымскую сторону, что он находится в состоянии войны практически со всем Московским государством, особенно с донскими, яицкими и гребенскими казаками, которые неоднократно совершали нападения на калмыцкие улусы [РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. 1695 г. Д. 1. Л. 22].

В это время крымское войско направлялось в Венгрию, и один из калмыцких посланников с конским табуном к нему присоединился [РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. 1692 г. Д. 1. Л. 86]. По данным российского представителя в Крыму Василия Айтемирова, табун был пригнан не только калмыками, но и кумыками, а Аюка прислал к крымскому хану особый подарок — 20 лошадей-иноходцев. Около трех тысяч калмыков и кумыков также присоединились к венгерскому походу крымского войска [РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. 1695 г. Д. 1. Л. 21]. По наблюдениям В. Айтемирова, калмыки гонят конские табуны в Крым «по траве», чтобы лошади могли содержаться на подножном корму. По дороге они зимовали в Черкессии, а с наступлением весны перегонялись непосредственно к крымскому полуострову [РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. 1695 г. Д. 1. Л. 31].

За 1692 г. есть несколько документальных свидетельств русских посланников и донских казаков — непосредственных очевидцев приезда в калмыцкие улусы крымских торговцев, намеревавшихся приобрести у калмыков лошадей. Аюка охотно поддерживал с крымскими татарами торговые отношения, которые приносили ему и его подвластному народу значительную прибыль [Теплеев 2018: 130, 131].

Это подтверждал и украинский гетман И. С. Мазепа, который в апреле 1693 г. докладывал в Москву о неоднократных приездах в конце 1692 г. и начале 1693 г. калмыцких послов в Крым. По наблюдениям гетмана, раньше «у крымского юрта никогда согласия с калмыками не бывало» [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1693 г. Д. 1. Л. 1–2].

Пленные крымские татары в Москве утверждали: «калмыки ныне с Крымом в твердом мире», который был скреплен своего рода династическим браком. Известно, что один из сыновей нового крымского хана Селим-Гирея I (1692–1699 гг.) взял в жены некую «свойственницу» Аюки, который также прислал в помощь несколько сот калмыков и несколько тысяч лошадей [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1693 г. Д. 1. Л. 1–2].

В июне 1693 г. гетман И. С. Мазепа прислал в Москву трех пленных калмыков, захваченных в урочище Качкары. По их сведениям, Аюка весной отправил послом в Крым одного знатного калмыка из улуса дербетского Солом-Церена с письмом, где выражалась просьба продать крымцам лошадей и на вырученные деньги купить какой-либо товар. Всего с калмыцким послом прибыло в Крым тысяча калмыков и 400 ногайцев, пригнавших на продажу 8 тыс. лошадей. Как отмечали калмыцкие пленники, такая торговля приноси-

ла калмыкам значительную прибыль: «в той своей продаже никакова убытку от татар не имеют, а имеют от них всякое довольство и бережение» [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1693 г. Д. 1. Л. 3–4]. Они также опровергли слух, распространенный запорожцами, будто в Крыму находится 40 тыс. калмыков. Гетман Мазепа, встревоженный активизацией калмыцко-крымских переговоров, просил московские власти отправить к Аюке грамоту, чтобы тот немедленно разорвал свои отношения с крымскими татарами [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1693 г. Д. 1. Л. 5–6].

О серьезности калмыцко-крымских отношений на тот момент подтвердило и письмо хана Селим-Гирея I, присланное к запорожским казакам с требованием немедленно вернуть ранее захваченных в плен трех калмыков и 300 калмыцких лошадей. Свои дружеские отношения с калмыками он мотивировал тем, что они всегда были «древними приятелями и друзьями» [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1693 г. Д. 1. Л. 7].

В случае невыполнения его требований крымский хан угрожал направить калмыков в набег на украинские города, которые ее жителям «великие убытки учинят, к чему де они, калмыки, великую имеют охоту» [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1693 г. Д. 1. Л. 7].

По сообщению гетмана, крымские татары были весьма довольны заключенным союзом с калмыками, и «ставят себе крымцы то в великую похвалу» [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1693 г. Д. 1. Л. 7].

Сообщения с Украины о калмыцко-крымском соглашении были не безосновательны. Летом 1693 г. к Волге подходил азовский Кубек-ага во главе 3-тысячного войска [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1693 г. Д. 1. Л. 14–15]. По сообщению донских казаков, с Кубек-агою находились «тайно» и калмыки Аюки. Еще в мае у них была информация, что в Азов от Аюки прибыли 150 калмыков во главе с Баихином-Танжой и, взяв 10 азовцев, ходили в набег под южные государевы города Ольшанск, Усердец. В результате они отогнали 700 лошадей и взяли в плен 15 человек. В Азове постоянно находились калмыки, и небольшими партиями они ходили в набег на южные окраины государства.

На основании этой информации казаки делали вывод, что «велики государем от него, Аюки, службы и радения никакова нет, только кроме измены» [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1693 г. Д. 1. Л. 17–19]. В качестве наказания они предлагали правительству хотя бы на год перекрыть доступ Аюке к Волге, и «он бы, Аюка, повинность свою и смирение им, великим государем, явил» [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1693 г. Д. 1. Л. 17–19]. Из сообщения донцов также становится известно, что к крымскому хану от Аюки ездил некий Уту-Церен во главе 900 калмыков и ногайцев, пригнавших в Крым 5 тыс. лошадей [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1693 г. Д. 1. Л. 17–19].

Из русских документов становится известно, что Аюка в это время оказывал большое политическое влияние практически на весь северокавказский регион. Так, осенью 1693 г. к нему прибыл кабардинский князь Казей, который незадолго до этого потерпел поражение в борьбе за власть в Кабарде от своих братьев — Атагуша и Денгизея. В то время, когда Казей вел переговоры с Аюкой, его братья направились к крымскому хану Селим-Гирею и, заручившись его военной поддержкой, захватили владение Казея. После этого отправил в

Кабарду калмыцкое войско во главе с сыном Чакдорджабом, но по дороге их встретил крымский посол и отговорил их от продолжения похода, предложив решить конфликтную ситуацию мирным путем. В итоге калмыцкая сторона согласилась, и войска возвратились в улусы. Аюка решил отправить своего посла в Крым, чтобы там разрешить спор между кабардинскими князьями и примирить их [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1693 г. Д. 2. Л. 24].

Донские казаки внимательно отслеживали ситуацию в Причерноморье и неоднократно докладывали в Москву о многочисленных контактах калмыков Аюки с Крымом и Азовом. В этот период калмыцко-донские отношения более или менее стабилизировались, и казаки, в целом не выступая против торговли калмыков с крымскими татарами, требовали от Аюки только, чтобы он ставил их в известность о своих торговых миссиях на территорию Османской империи. Со своей стороны Аюка вроде бы и соглашался на такие условия, даже шертовал перед донскими представителями, но калмыцкие и ногайские торговцы часто игнорировали это требование. В свою очередь казаки стали совершать в степи засады и нападения на калмыцкие торговые караваны, направлявшиеся или возвращавшиеся после поездки в Крым и Азов. Калмыцкий тайша в ответ стал им угрожать, что объединится против них с турками и татарами, от которых постоянно получает предложение мира и многочисленные подарки [Тепкеев 2018: 136].

В 1694 г. правительство Петра Алексеевича приняло решение возобновить военные действия против Османской империи, а объектом нападения стала крепость Азов. Угроза Аюки об объединении с турками и татарами получила реальное подтверждение, когда бежавшие из турецкого плена русские люди сообщили о неоднократных приездах в Азов калмыцких посланников с вестью о начале движения московского войска и нахождения его в Саратове. Азовский бий в благодарность за информацию отправил к Аюке богатые подарки, а также обратился к нему за военной помощью [Тепкеев 2018: 140, 141].

Согласно данным крымского автора Саида Ризы, в начале 1695 г. к Аюке прибыло крымское посольство во главе с Мердан Али-ага, одного из приближенных крымского хана Селим-Гирей I [Khodarkovsky 1992: 128]. Именно он и привез из калмыцких улусов сведения о начале движения русской армии к Азову. Согласно этим данным, М. Ходарковский приходит к выводу, что информация от калмыцкого правителя помогла азовскому гарнизону вовремя подготовиться, а крымскому хану отправить к нему подкрепление. Все эти меры и стали причиной неудачи русской армии в первой азовской кампании [Khodarkovsky 1992: 128].

Крымский хан Селим-Гирей I весной 1695 г. писал московским царям, что он находится с Аюкой «в дружбе и братстве». Более того, он предлагал московским властям заключить трехстороннее мирное соглашение: «и меж наших трех государств договорясь укрепитца о мире» [РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. 1695 г. Д. 1. Л. 3]. Практически крымская сторона предлагала Москве рассматривать калмыцкого правителя как независимого субъекта международных отношений.

Российский представитель в Крыму Василий Айтемиров в мае 1695 г. докладывал, что Аюка с крымскими ханами «непрестанные имеет пересылки» и

каждый год отправляет на продажу им конские табуны. По его данным, крымские татары Аюку называют «ханом» и «всякие ведомости с московской стороны в Крым от него, Аюки, чинятца» [РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. 1695 г. Д. 1. Л. 21].

Различные источники того времени отчетливо свидетельствуют об отсутствии калмыцкого войска под Азовом в составе русской армии. Но Аюка также отстранился от военной помощи и турецкой стороне, за которой, как известно, обращалась к нему крымская сторона. Пленные под Азовом ногайцы сообщали, что перед началом военных действий Аюка сообщал азовскому гарнизону о своем нейтралитете. Практически он занял выжидательную позицию, чтобы убедиться в военном преимуществе какой-либо из сторон [Тепкеев 2018: 141].

Поворот в отношениях

Однако в 1696 г. отмечается ухудшение калмыцко-крымских отношений, и связано это было с бегством части ногайских улусов из-под власти калмыков на Кубань. По сведениям В. М. Бакунина, именно в этом году большие ногаи под предводительством своих мирз, Джакшата и Аташа, ушли от Волги на Кубань под протекцию крымского хана, захватив также часть едисан и джембойлуков [Бакунин 1995: 27].

Согласно крымским источникам, уход 10 тыс. ногаев произошел примерно в апреле 1696 г. [Khodarkovsky 1992: 129–131]. По мнению М. Ходарковского, это было не случайностью, а тщательно подготовленной акцией, в результате чего прекратились посольские отношения калмыков с Крымом [Khodarkovsky 1992: 129–131].

Осенью 1696 г. отмечаются передвижения калмыцких отрядов под командованием Чакдорджаба на правом берегу Кубани против крымско-кубанских войск, возглавляемых сыном крымского хана Селим-Гирея I. На требование Чакдорджаба выдать ему бежавших ногайцев калга ответил отказом, сославшись на шерть, которую дал его отец: «как кто от Аюки, так же и от хана к Аюке збежит, с обеих сторон никого не спрашивать» [РГАДА. Ф. 111. Оп. 1. 1696 г. Д. 7. Л. 3–4, 30].

Крымцы были в курсе, что Аюка помирился с московскими властями и «хочет их воевать заодно». По приказу калги против калмыков была мобилизована практически вся Кубанская орда, готовая к прямому военному столкновению, и в тоже время, рассчитывая на мирное урегулирование, он дал указ «изготовить подарки сыну Аюкину» [РГАДА. Ф. 111. Оп. 1. 1696 г. Д. 7. Л. 3–4, 30].

Из письма Аюки известно, что крымский калга с 3-тысячным войском пришел в Кабарду раньше калмыков, поэтому Аюка поспешил с подкреплением к сыну к Куме, а в Астрахань отправил Унитея-бакши с сообщением, что готовится к войне с крымцами. Калмыцкий правитель рассчитывал, что калга не решится на открытое боевое столкновение с калмыками и отойдет в Крым, и в этом случае Кубань и Кабарда, по мнению Аюки, могли стать «под государеву руку» [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1697 г. Д. 6. Л. 29–32].

В 1696 г. отмечается бегство от калмыков на Кубань примерно 10 тыс. киби-ток едисанских ногайцев во главе с мирзой Тоганом (Казтувган Сууниш-улы).

Обеспечить переход ногайцев вызвался крымский калга, который в это время находился в Кабарде. Он направился навстречу бежавшим едисанам во главе 8-тысячного войска, отправив передовой отряд к Волге под командой Кубек-аги. Откочевка происходила в спешке, но на реке Кума калмыцкое войско во главе с Чакдорджабом настигло ногайских беглецов, что привело к вооруженному столкновению. Калга с отрядом из 500 человек бросил ногайцев и вернулся в Кабарду, а оборону ногайских улусов возглавил Кубек-ага и Тоган. Несмотря на большое количество жертв, ни одной из сторон конфликта не удалось одержать верх, но ногайцам пришлось бросить весь скот и имущество и налегке бежать на Кубань. Калмыки не стали их преследовать, но этот конфликт стал причиной резкого ухудшения калмыцко-крымских отношений [Тепкеев 2018: 146–147].

Взятие русскими Азова в 1696 г. резко изменило политическую ситуацию в Причерноморье, и калмыцкая сторона во главе с Аюкой начала пересматривать свою политику в отношении Крымского ханства. Все это происходило на фоне обострившегося «ногайского вопроса», усиления военного присутствия русской армии в районе Азова, строительства новых крепостей и усиления русско-калмыцких отношений. Настроения на Северном Кавказе и Крымском полуострове сводились к тому, что военно-политический союз калмыков с русскими не даст возможности туркам и крымцам вернуть свои позиции в азовском регионе [Тепкеев 2018: 148].

Осенью 1697 г. калмыки участвовали на Кубани в отгоне 3 тыс. лошадей у ногайских едисан. Поэтому неудивительно, что, когда в это время к крымскому калге, находившемуся в Кабарде, прибыли от Аюки калмыцкие посланцы с предложением мира, он их от себя отпустил ни с чем, обвинив лишь в шпионаже. Действительно, после этого Аюка направил в кубанский регион 6-тысячное войско под началом сыновей Гунджаба и Санджаба, которое отогнало у ногайцев 40 тыс. лошадей и взяло в плен около 200 человек. Этим успехом он поделился с царскими властями, заверив их, что не собирается мириться с крымским ханом [Тепкеев 2018: 153].

Однако попытки вступить в мирные переговоры с крымской стороной Аюка все-таки предпринял, но с условием, чтобы Кубанская орда платила ему дань. Крымский хан Селим-Гирей со своей стороны пытался найти пути к примирению с Аюкой через престарелого ногайского мирзу Арсланбека. Из письма дербетского тайши Менке-Темира известно, что к концу 1698 г. Аюка все-таки заключил перемирие с крымским калгой после того, как тот прислал в калмыцкие улусы посланника Каши-мирзу. С калмыцкой стороны на Кубань отправился владелец Яман, сын Мазан-Батыра, который вернулся с мирзой Арсланбеком. Аюка заключил с ним перемирие, и стороны договорились обмениваться пленными и впредь не принимать беглецов [Тепкеев 2018: 158, 159].

Выводы

Политическое сближение калмыков с Крымским ханством в 1680–1690-е гг. имело временный характер и в первую очередь было связано с резким ухудшением русско-калмыцких отношений. В результате калмыки так и не приняли участие в крымских походах В. В. Голицына в 1687 и 1689 гг. В эти

годы крымская дипломатия на калмыцком направлении одержала значительный успех, в полной мере используя для достижения своей цели все существовавшие на тот период противоречия в русско-калмыцких отношениях. Нужно признать, что правительство Софьи Алексеевны так и не сумело в полной мере привлечь калмыков для решения своих внешнеполитических задач, недооценило по-настоящему их военного потенциала.

Политическое сближение калмыков с Крымским ханством сопровождалось взаимовыгодной торговлей скотом и лошадьми. Ни до, ни после калмыцко-крымские торговые отношения не имели столь высоких оборотов.

Частая смена власти в Крыму не способствовала долгосрочному выстраиванию отношений калмыков с крымскими ханами. Все это усугублялось обострением «ногайского вопроса», когда в 1696 г. ногайские едисаны и джембойлуки бежали от калмыков на Кубань, под протекцию крымского хана. Именно с этого времени начинается конфронтация калмыцких владельцев с крымскими властями, которая в конечном итоге привела к вооруженному столкновению.

С приходом к власти Петра Алексеевича в 1689 г. происходит постепенный поворот к укреплению военно-политического союза Российского государства с калмыками. До этого, в период временного управления (регентства) царским правительством Софьи Алексеевны (1682–1689 гг.), русско-калмыцкие отношения переживали наибольший политический кризис. В 1697 г. между боярином Б. А. Голицыным и Аюкой были подписаны «договорные статьи», в результате которого калмыцкая сторона в конце XVII в. окончательно разрывала отношения с Крымом и вступала в русско-турецкую войну на стороне Москвы.

Источники

РГАДА — Российский государственный архив древних актов.

Дополнения 1872 — Дополнения к Актам историческим, собранные и изданные Археографическою комиссиею. Т. 12. СПб.: Тип. В. В. Пратц, 1872. 423 с.

Sources

Russian State Archive of Ancient Acts.

Extensions to Historical Acts Collected and Published by Archaeographic Commission. St. Petersburg: V. Pratz, 1872. Vol. 12. 423 p. (In Russ.)

Литература

Батмаев 1993 — Батмаев М. М. Калмыки в XVII–XVIII веках. События, люди, быт: в 2 книгах. Элиста: Калмкнигоиздат, 1993. 381 с.

Бакунин 1995 — Бакунин В. М. Описание калмыцких народов, а особливо из них торгоутского, и поступков их ханов и владельцев. 2-е изд. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1995. 153 с.

Гуськов, Кочегаров, Шамин 2022 — Гуськов А. Г., Кочегаров К. А., Шамин С. М. Русско-турецкая война 1686–1700 годов. М.: Русское слово — учебник, 2022. 528 с.

Колесник 2003 — Колесник В. И. Последнее великое кочевье: Переход калмыков из Центральной Азии в Восточную Европу и обратно в XVII и XVIII веках. М.: Вост. лит., 2003. 285 с.

Костенков 1870 — Костенков К. И. Исторические и статистические сведения о калмыках, кочующих в Астраханской губернии. СПб.: М-во гос. имуществ, 1870. 171 с.

Новолетов 1884 — Новолетов М. Г. Калмыки: исторический очерк. СПб.: Тип. В. Демакова, 1884. 79 с.

- Пальмов 1929 — *Пальмов Н. Н.* Этюды по истории приволжских калмыков. Ч. 3–4. Астрахань: Изд. Калм. Обл. Исп. Комитета, 1929. 391 с.
- Смирнов 2005 — *Смирнов В. Д.* Крымское ханство под верховенством Османской Порты до начала XVIII века: в 2 тт. Т. 1. М.: Рубежи XXI, 2005. 540 с.
- Тепкеев 2018 — *Тепкеев В. Т.* Аюка-хан и его время. Элиста: КалмНЦ РАН, 2018. 359 с.
- Цюрюмов 2007 — *Цюрюмов А. В.* Калмыцкое ханство в составе России: проблемы политических взаимоотношений. Элиста: НПП «Джангар», 2007. 464 с.
- Khodarkovsky 1992 — *Khodarkovsky M.* Where Two Worlds Met: The Russian State and the Kalmyk Nomads, 1600–1771. Ithaca, London: Cornell University Press, 1992. 278 p.

References

- Bakunin V. M. Description of the Kalmyk Peoples, in Particular, Torgout People, and Deeds of Their Khans and Landlords. 2nd ed. Elista: Kalmykia Book Publ., 1995. 153 p. (In Russ.)
- Batmaev M. M. Kalmyks in the 17th–18th Centuries: Events, Personalities, Household Life. In 2 vols. Elista: Kalmykia Book Publ., 1993. 381 p. (In Russ.)
- Guskov A. G., Kochegarov K. A., Shamin S. M. Russo-Turkish War of 1686–1700. Moscow: Russkoe Slovo – Uchebnik, 2022. 528 p. (In Russ.)
- Khodarkovsky M. Where Two Worlds Met: The Russian State and the Kalmyk Nomads, 1600–1771. Ithaca, London: Cornell University Press, 1992. 278 p. (In Russ.)
- Kolesnik V. I. The Last Great Migration: Resettlement of Kalmyks from Central Asia to East Europe — and Backwards, 17th and 18th Centuries. Moscow: Vostochnaya Literatura, 2003. 285 p. (In Russ.)
- Kostenkov K. I. (comp.) Kalmyk Nomads of Astrakhan Governorate: Historical and Statistical Accounts. St. Petersburg: Ministry of State Property, 1870. 171 p. (In Russ.)
- Novoletov M. G. Kalmyks: A Historical Essay. St. Petersburg: V. Demakov, 1884. 79 p. (In Russ.)
- Palmov N. N. The Volga Kalmyks: Historical Essays. Pts 3–4. Astrakhan: Kalmyk Oblast Executive Committee, 1929. 391 p. (In Russ.)
- Smirnov V. D. Crimean Khanate under the Ottoman Porte before the Early 17th Century. In 2 vols. Moscow: Rubezhi XXI, 2005. Vol. 1. 540 p. (In Russ.)
- Tepkeev V. T. Khan Ayuka and His Era. Elista: Kalmyk Scientific Center (RAS), 2018. 359 p. (In Russ.)
- Tsyuryumov A. V. Kalmyk Khanate as Part of Russia: Political Relations Revisited. Elista: Dzhangar, 2007. 464 p. (In Russ.)

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

УДК / UDC 94(470.47).083

DOI: 10.22162/2500-1523-2023-2-192-205

Калмыцкая знать в начале XX в.: нойон Церен-Давид Цанджинович Тундутов

*Александр Нармаевич Команджаев¹, Баатр Викторovich Очиров²,
Николай Борисович Боваев³*

¹ Калмыцкий государственный университет им. Б. Б. Городовикова (д. 11, ул. Пушкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)

доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой

 0000-0002-7064-7315. E-mail: ak.narma[at]mail.ru

² Калмыцкий государственный университет им. Б. Б. Городовикова (д. 11, ул. Пушкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)

главный специалист

 0000-0002-3471-8008. E-mail: ochirov.baatr[at]yandex.ru

³ Калмыцкий государственный университет им. Б. Б. Городовикова (д. 11, ул. Пушкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)

аспирант

 0009-0007-1466-6769. E-mail: nikbov678[at]gmail.com

© КалмНЦ РАН, 2023

© Команджаев А. Н., Очиров Б. В., Боваев Н. Б., 2023

Аннотация. *Введение.* Предметом исследования является личность самого известного представителя калмыцкой знати нойона (князя) Церен-Давида Тундутова, чья многогранная деятельность связана с эпохой социальных сдвигов и потрясений конца XIX – начала XX в. Актуальность проблемы связана, прежде всего, с ее малоизученностью: авторы, упоминая о нем, как правило, оперировали небольшим количеством сведений, и потому создание более полной характеристики этой личности было затруднительно. Во-вторых, большинство из этих работ было издано в советский период, и их оценки деятельности представителей калмыцкой знати требуют некоторого уточнения. Исходя из степени изученности вопроса, была определена *цель* работы: представить, по возможности, расширенную картину общественно-политической и хозяйственно-бытовой жизни нойона Ц.-Д. Ц. Тундутова. *Материалы и методы.* Методика исследования базируется на использовании общенаучных и специально-исторических методов и подходов. Важное значение в работе имеет принцип историзма и метод системного анализа, позволившие рассмотреть деятельность нойона Ц.-Д. Ц. Тундутова в контексте эпохи. Принцип объективности обеспечивался в исследовании подбором и сравнением разнообразных источников, в том числе архивных делопроизводственных материалов, впервые вводимых нами в научный оборот. *Результаты.* Нойон Ц.-Д. Ц. Тундутов принимал самое активное участие в решении общественных и по-

литических вопросов, связанных с реалиями калмыцкой жизни в начале XX в.: земельный и национальный вопросы, конфессиональные проблемы, развитие хозяйства, депутатская деятельность в I Государственной Думе. Представляют также интерес, в сущности, впервые представленные авторами полные сведения о недвижимой и движимой собственности нойона. *Выводы.* Несмотря на реформу 1892 г., лишившую его зависимых простолюдинов, он нашел возможности для прогрессивного развития своего хозяйства, которое, судя по представленным материалам, стало многоотраслевым. В общественной и политической жизни региона ему удалось стать одним из общенациональных лидеров, способным аккумулировать в себе качества, нужные обществу в начале XX в.

Ключевые слова: Астраханская губерния, Калмыцкая степь, улусы, нойоны, зайсанги, Государственная Дума, конфессиональная политика, буддизм, земельный вопрос, хозяйство

Благодарность. Исследование проведено в рамках проекта Российского научного фонда «Между Востоком и Западом: цивилизационно-культурное развитие калмыцкого общества в составе дореволюционной России» (№ 23-18-20019).

Для цитирования: Команджаев А. Н., Очиров Б. В., Боваев Н. Б. Калмыцкая знать в начале XX в.: нойон Церен-Давид Цанджинович Тундудов // Монголоведение. 2023. Т. 15. № 2. С. 192–205. DOI: 10.22162/2500-1523-2023-2-192-205

Kalmyk Nobility in the Early Twentieth Century: Noyon Tseren-David Ts. Tundutov

Alexandr N. Komandzhaev¹, Baatr V. Ochirov³, Nikolay B. Bovaev³

¹ Gorodovikov Kalmyk State University (11, Pushkin St., 358000 Elista, Russian Federation) Dr. Sc. (History), Professor, Head of Department
 0000-0002-7064-7315. E-mail: ak.narma[at]mail.ru

² Gorodovikov Kalmyk State University (11, Pushkin St., 358000 Elista, Russian Federation) Chief Specialist
 0000-0002-3471-8008. E-mail: ochirov.baatr[at]yandex.ru

³ Gorodovikov Kalmyk State University (11, Pushkin St., 358000 Elista, Russian Federation) Postgraduate Student
 0009-0007-1466-6769. E-mail: nikbov678[at]gmail.com

© KalmSC RAS, 2023

© Komandzhaev A. N., Ochirov B. V., Bovaev N. B., 2023

Abstract. Introduction. The article focuses on the figure of Noyon (Prince) Tseren-David Tundutov, a most renowned Kalmyk nobleman whose multifaceted efforts were derived from the dramatic social upheavals and disturbances of the late nineteenth and early twentieth centuries. The topic still remains understudied since earlier works contained only insufficient data which made it virtually impossible to describe his personality in greater detail. Furthermore, the bulk of the former were published in the Soviet era, and the evaluations of Kalmyk noblemen's endeavors are definitely to be revised. *Goals.* So, the paper aims to — wherever possible — extensively outline sociopolitical, economic, and household aspects of Noyon Ts.-D. Tundutov's life. *Materials and methods.* The study basically employs both general scientific and special historical methods, with particular roles to be played by that of

systems analysis and the principle of historicism that have proved instrumental in examining Noyon Ts.-D. Tundutov's deeds contextually. The principle of objectivity has been secured by specially selected and compared sources of diverse origin, including some newly introduced material pertaining to records management. *Results.* Noyon Ts.-D. Tundutov was taking a most active part in solving social and political issues that arose from facts of the early twentieth-century Kalmyk life, namely: land and nationality questions, religious problems, economic affairs, and his endeavors as a deputy of the Imperial Duma. Special attention should be paid to the complete data on the Noyon's real and personal property uniquely published herein. *Conclusions.* Despite the 1892 Reform had virtually deprived him of any subject commoners he succeeded in gaining opportunities for a successful development of his gardens and farms reported to have become diversified enough. In social and political life, he did achieve a status of somewhat ethnos-wide leader capable of demonstrating personal qualities required by the community in the early twentieth century.

Keywords: Astrakhan Governorate, Kalmyk Steppe, uluses, noyons, zaisangs, Imperial Duma, religious policy, Buddhism, land question, economy

Acknowledgements. The reported study was granted by Russian Science Foundation, project no. 23-18-20019 'Between East and West: Civilizational and Cultural Development of Kalmyk Society in Pre-Revolutionary Russia'.

For citation: Komandzhaev A. N., Ochirov B. V., Bovaev N. B. Kalmyk Nobility in the Early Twentieth Century: Noyon Tseren-David Ts. Tundutov. *Mongolian Studies (Elista)*. 2023; 15(2): 192–205. (In Russ.). DOI: 10.22162/2500-1523-2023-2-192-205

Введение

Нойон Церен-Давид Цанджинович Тундутов прожил короткую жизнь (1860–1907 гг.), из которых судьба отвела ему на активную общественно-политическую деятельность чуть более 10 лет. На этом кратковременном отрезке времени Ц.-Д. Ц. Тундутову удалось стать одним из лидеров национального движения, акцентируя внимание на узловых вопросах калмыцкой реальности начала XX в.: земельный вопрос, конфессиональные проблемы, политическая действительность, повышение образовательного и культурного уровня калмыков и др.

Актуальность обращения к характеристике личности нойона Ц.-Д. Ц. Тундутова объясняется ее малоизученностью: специальные работы отсутствуют, в ряде других работ имеются лишь фрагментарные сведения. В трудах советского периода впервые имя Церен-Давида Тундутова как депутата Государственной Думы было упомянуто в обзорном очерке о Калмыкии Т. К. Борисова [Борисов 1926: 10].

Следом в работе К. К. Глухова были обозначены предложения калмыцких депутатов в I и II Государственных Думах по земельному вопросу, рыболовным водам у калмыков, налоговой системе, борьбе с песками и обводнении степи [Глухов 1927: 12–13].

В разной степени подробности сведения о требованиях депутатов Ц.-Д. Тундутова и С. Тюменя фигурируют во многих работах последующего периода [Санджиев 1967: 24, 38; Бурчинова 1967: 61; Очиров 2006: 69, 218–220]. В разделе о начале XX в. в обобщающих «Очерках истории...» упомянут каменный дом Ц.-Д. Ц. Тундутова в урочище «Солянка» [Очерки истории 1967: 336].

Небольшая книга Г. З. Минкина, изданная в 1968 г., является переизданием его двух статей 1930-х гг. В данной книге автор сообщил о том, что нойон

Ц.-Д. Тундутов получил после реформы 1892 г. вознаграждение за потерю албана (оброка) в сумме 360 тыс. руб. [Минкин 1968: 28].

Отдельные сведения о хозяйстве Ц.-Д. Тундутова приводятся в книге А. Н. Команджаева [Команджаев 1999: 86], а также нойон упомянут в числе представителей калмыцкой знати, вошедших в состав формировавшейся калмыцкой национальной буржуазии в начале XX в. [Команджаев 1983: 127].

В монографии А. И. Наберухина, представляющей обобщенную характеристику общественно-политического развития Калмыкии в начале XX в., имя Ц.-Д. Ц. Тундутова как общенационального лидера проанализировано достаточно подробно на основе имевшихся в распоряжении автора материалов [Наберухин 1987]. Вполне естественно, что в таком обобщающем труде, как академическая «История Калмыкии...» в 3 томах, Ц.-Д. Ц. Тундутов упоминается неоднократно [История Калмыкии 2009: 94, 114, 118 и др.].

Исходя из степени изученности проблемы, авторы обозначили цель исследования — представить более полную характеристику деятельности Ц.-Д. Ц. Тундутова в сложный период социально-политических потрясений.

Материалы и методы

Методика исследования базируется на использовании общенаучных и специально-исторических методов и подходов. Важное значение в работе имеет принцип историзма и метод системного анализа, позволившие рассмотреть деятельность нойона Ц.-Д. Ц. Тундутова в контексте эпохи. Принцип объективности обеспечивался в исследовании подбором и сравнением разнообразных источников, в том числе архивных делопроизводственных материалов Национального архива Республики Калмыкия (фонд 9), впервые вводимых нами в научный оборот.

Общественно-политическая деятельность нойона Ц.-Д. Ц. Тундутова

У нойона Ц.-Д. Ц. Тундутова рано умер отец, и его опекуном до совершеннолетия являлся родственник по отцовской линии Джап Кутузов, зайсанг Абганер-Барунова рода [НА РК. Ф. И-9. Оп. 5. Д. 2673. Л. 10].

Потомок последнего в истории наместника Калмыцкого ханства в 1800–1803 гг. тайши Чучея Тундутова и его сына, героя Отечественной войны 1812 г., командира 1-го калмыцкого полка Джамбо-тайши Тундутова, достаточно образованный человек, выпускник лицея, прослушавший курс лекций в европейских университетах, обладатель российского княжеского титула, нойон Ц.-Д. Ц. Тундутов, безусловно, являлся одним из общенациональных лидеров в калмыцком обществе начала XX в. В результате двухступенчатых выборов в 1906 г. был избран собранием выборщиков депутатом I Государственной Думы от калмыцкого и киргизского (казахского) населения Астраханской губернии, вошел в состав кадетской фракции и являлся членом думской аграрной комиссии. В энциклопедии «Государственная Дума Российской империи (1906–1917)» в статье о Ц.-Д. Ц. Тундутове его национальность ошибочно указана «киргиз» [Государственная Дума 2008: 631].

А. И. Наберухин в своей монографии со ссылкой на статью Л. С. Бурчиновой [Бурчинова 1967: 54–63] и «Очерки истории...» [Очерки истории 1967:

326] сообщает, что Ц.-Д. Ц. Тундутов в Государственной Думе поставил «ряд вопросов, выработанных практикой калмыцкого национального движения», в числе которых значились требования о ликвидации оброчных статей, отмена попечительской опеки над калмыками и др. [Наберухин 1987: 59].

Из книги А. И. Наберухина нам также известно о значимой роли нойона Ц.-Д. Ц. Тундутова в обсуждении актуального в революционный пору вопроса о вероисповедании. В январе 1905 г. в Петербург наряду с бурятской прибыла группа от калмыцких буддистов, в которую вошли нойон Ц.-Д. Ц. Тундутов, зайсанги Л. Арлуев, О. Норзунов, бакша Д. Сетенов. Они подали на имя председателя Совета Министров С. Ю. Витте докладную записку, в которой содержалось требование не именовать буддистов язычниками, ввести практику избрания Ламы калмыцкого народа, усилить полномочия глав улусных священнослужителей, а также ввести в состав правительственной комиссии по разработке указа о веротерпимости выборных представителей от калмыков. Их требования были поддержаны известными востоковедами [Наберухин 1987: 54–55].

Было создано Особое совещание под руководством графа А. П. Игнатьева, призванное изучить и пересмотреть вопросы правового статуса калмыков-буддистов. В январском 1906 г. заседании Особого совещания приняли участие находившиеся в Петербурге представитель Далай-ламы Агван Доржиев, нойон Ц.-Д. Ц. Тундутов, зайсанги А. Михайлов и Н. Хараманджиев, известный монголовед, профессор А. М. Позднеев. Особое совещание рекомендовало разрешить строительство новых хурулов по ходатайству улусных и аймачных сходов, ослабить строгую регламентацию численности священнослужителей, разрешить открытие буддийских школ [Наберухин 1987: 60; Дорджиева 1980: 23–43].

Об активной общественной роли нойона Ц.-Д. Ц. Тундутова свидетельствует его деятельность на съездах калмыков-скотоводов, в частности по подготовке съезда, который состоялся в мае 1907 г., уже после смерти нойона. Именно улусный сход северной части Малодербетовского улуса выступил инициатором созыва данного съезда. Идею поддержали улусные сходы Багацохуровского и южной части Малодербетовского улуса. Ц.-Д. Ц. Тундутов и его сторонники намеревались на съезде 1907 г. обсудить вопрос о введении воинской повинности у калмыков как важного индикатора равноправия народов России. При этом Ц.-Д. Ц. Тундутов предполагал, по мнению А. И. Наберухина, ввести воинскую повинность в регионе на общих началах или путем создания национальных воинских частей, отдавая предпочтение последнему варианту с одновременным переводом калмыков в казачество. Однако после кончины нойона съезд под давлением администрации ограничился обсуждением хозяйственных вопросов [Наберухин 1987: 61–62].

Важным вопросом, по мнению Ц.-Д. Ц. Тундутова и его сторонников, являлся вопрос о правовом статусе калмыцких земель в связи с участвовавшими фактами их отвода в разряд оброчных статей, сдаваемых в аренду, или передачи их в казну для целей крестьянской колонизации. После смерти нойона поверенные по земельным делам Малодербетовского улуса Леджин Бадмаевич Арлуев и Батак Ванькаев подали прошение министру земледелия и госу-

дарственных имуществ с предложением не отнимать у калмыков 10-верстную полосу вдоль правого берега Волги, находившуюся в совместном пользовании калмыцкого и оседлого переселенческого населения. В своем прошении они указали, что «грамоты Павла I и Александра I хранятся в фамильных бумагах бывшего владельца Малодербетовского улуса нойона Церен-Давида Цанджиновича Тундудова и в главном хуруле Малодербетовского улуса» [НА РК. Ф. И-9. Оп. 4. Д. 1899. Л. 9].

Министерские чиновники составили по этому поводу подробную на 11 страницах историческую справку о земельных правах калмыков Астраханской губернии с указанием на то, что инициатором определения границ калмыцких кочевий являлся наместник Калмыцкого ханства Чучей Тундудов. В ней были приведены строки из грамоты Павла I Чучею Тундудову от 14 октября 1800 г.: «Чучею Тундудову отдать во владение земли от Царицына по рекам Волге, Сарпе, Салу, Манычу, Куме и взморью простирающиеся, и другие места, по коим предки их кочевья имели» [НА РК. Ф. И-9. Оп. 4. Д. 1899. Л. 9].

Несколько иную формулировку в указанной справке имел указ Павла I от 27 сентября 1800 г.: «Калмыцким Малого и Большого Дербета владельцам и других калмыцких же орд владельцам и чиновникам с народом их, в Астраханской губернии кочующим, жалуюм во владение все те земли от Царицына по рекам: Волге, Сарпе, Салу, Манычу, Куме и взморью». Сенат составил грамоту и выдал калмыцкому народу в 1800 г. [НА РК. Ф. И-9. Оп. 1. Д. 219. Л. 42об.]. Император Александр I по ходатайству Чучея Тундудова в Указе 26 октября 1801 г. коллегии иностранных дел это подтвердил [НА РК. Ф. И-9. Оп. 1. Д. 219. Л. 42об.].

Указ Александра I от 28 апреля 1802 г. повелевал: «отвести им от Царицына до берегов Каспийского моря количество земли, нужное для пастбы стад и табунов их, ... отдавая всякое посторонних людей к ним притяжение» [НА РК. Ф. И-9. Оп. 1. Д. 219. Л. 43].

Составители исторической справки затруднились дать однозначный ответ на вопрос, являются ли указанные земли собственностью калмыков или даны им лишь в пользование. В конечном итоге они склонились ко второму заключению, указав лишь на то, что дело «об отводе участка земли с согласия владельца Эрдени-тайши Тундудова помещику Реброву, подтверждает, что владельцы распоряжались землями на праве полной собственности» [НА РК. Ф. И-9. Оп. 4. Д. 1899. Л. 11об.]. Однако предпочли этот факт признать случайным.

Ц.-Д. Ц. Тундудов и его предки относились к наиболее известным меценатам из среды калмыцких владельцев. Еще в письме от 30 декабря 1821 г. владелец Малодербетовского улуса капитан Эрдени-тайша Тундудов сообщил главному приставу А. В. Каханову о пожертвовании на открытие калмыцкого училища в г. Астрахани 500 руб. [НА РК. Ф. И-9. Оп. 4. Д. 50а. Л. 6]. Днем раньше нойон Хошеутовского улуса Серебджап Тюмень сделал пожертвование на это же училище [НА РК. Ф. И-9. Оп. 4. Д. 50а. Л. 5].

В 1861 г., когда малолетнему Церен-Давиду исполнился год, попечитель Малодербетовского улуса в своем рапорте главному попечителю 10 июня 1861 г. сообщал: «Улусная школа создана недавно и еще не организована. Пра-

вильное ее устройство предполагается со вступлением ее владельца в управление улусом» [НА РК. Ф. И-9. Оп. 4. Д. 50а. Л. 16]. Другими словами, судьба школы зависела от нойона. В своем рапорте учительница Малодербетовской улусной школы главному попечителю 11 ноября 1882 г. указала, что улусная школа содержится на средства из личных доходов владельца Церен-Давида Тундутова, зарплата учителя и прислуги — из албанного сбора, т. е. также из доходов нойона [НА РК. Ф. И-9. Оп. 4. Д. 50а. Л. 31].

Министр государственных имуществ М. Н. Островский в сентябре 1891 г. лично осмотрел лечебницу при ставке Малодербетовского улуса, устроенную улусовладельцем нойоном Ц.-Д. Ц. Тундутовым, и нашел ее «в удовлетворительном состоянии» [Островский 1892: 30].

Известно, что в уставе Малодербетовского Чорё от 1908 г. было указано, что «Академия помещается в урочище Амта-Бургуста Малодербетовского улуса в доме, пожертвованном нойоном Церен-Давидом Тундутовым» [НА РК. Ф. И-9. Оп. 5. Д. 1818. Л. 17об.].

В статье А. М. Джалаевой о просветителе Н. Очирове, которому нойон постоянно оказывал помощь и поддержку, высказана справедливая мысль о том, что у истоков формирования национальной интеллигенции стояли такие просвещенные люди, как Ц.-Д. Ц. Тундутов, С. Тюмень и др. [Джалаева 2009: 32]. А. И. Наберухин также отметил, что при нойонской поддержке Номто Очиров прошел немыслимые для калмыка того времени научно-образовательные ступени [Наберухин 2009: 10].

Собственность нойона Ц.-Д. Ц. Тундутова

Достаточно полное представление о размерах собственности нойона Малодербетовского улуса Церен-Давида Цанджиновича Тундутова можно составить на основании материалов архивного дела об установлении опеки над его имуществом после его смерти 21 марта 1907 г. в Севастополе во время отдыха, поскольку его сын и наследник 19-летний Данзан Давидович Тундутов еще не достиг гражданского совершеннолетия. Тело покойного нойона было перевезено и похоронено в его имении Солянка недалеко от калмыцкого поселка Червлёный близ г. Царицына. 26 марта 1907 г. попечитель Малодербетовского улуса С. А. Козин сообщил об этом в телеграмме, адресованной в Управление калмыцким народом (УКН), добавив: «За несовершеннолетием наследника принимаю охранительные меры» [НА РК. Ф. И-9. Оп. 5. Д. 1814. Л. 1].

Уже 14 апреля состоялось судебное заседание Малодербетовского улусного зарго в составе председателя С. А. Козина, членов зарго, помощников попечителя улуса Н. В. Табарисского и А. Д. Кучеренко, письмоводителя А. В. Ремизова, на котором было рассмотрено заявление сына и наследника покойного нойона Данзана Давидовича Тундутова. В своем заявлении наследник просил суд назначить над ним и наследуемым имуществом и капиталом попечителя в лице его матери, вдовы умершего нойона 42-летней Эльзаты Бегалиевны Тундутовой. Следует упомянуть о том, что Эльзата Бегалиевна являлась дочерью богатейшего скотовода Калмыкии зайсанга Барунова аймака Багацохуровского улуса Цебек-Джал Бегали Онкорова. Суд зарго установил, что Эльзата Бегалиевна вполне соответствует требованиям, установленным для

назначения опекунов-попечителей, и вынес определение: «Попечительницей над имуществом и капиталом, оставшимся после смерти нойона Ц.-Д. Ц. Тундутова, назначить мать наследника, ... которой и поручить управление имуществом покойного Тундутова с тем, чтобы она ежегодно давала о действиях их подробный отчет» [НА РК. Ф. И-9. Оп. 5. Д. 1814. Л. 2–2об.]. После полагающегося просмотра этих судебных материалов прокурором Астраханского окружного суда и возвращения их без прокурорского протеста копия решения Малодербетовского улусного зарго была выслана в УКН [НА РК. Ф. И-9. Оп. 5. Д. 1814. Л. 3].

Следующее заседание Малодербетовского зарго состоялось 28 июня 1907 г. в несколько изменившемся составе (С. А. Козин, Н. В. Табарисский, М. А. Москевич и за письмоводителя К. Н. Протопопов), посвященное рассмотрению заявления наследника Д. Д. Тундутова о взыскании с него пошлины за «безвозмездный переход» к нему наследуемого имущества. Из текста поданного заявления можно представить состав наследуемого имущества и денежных капиталов, который заключался в следующем. Земельные владения Ц.-Д. Ц. Тундутова состояли из трех частей: одна — при селе Золотозубовка Черныярского уезда в 2 700 дес. стоимостью по оценке 40 500 руб. (по 15 руб. за дес.), вторая — имение Солянка при станции Червленная Владикавказской железной дороги в 400 дес. стоимостью в 1 200 руб. (по 3 руб. за дес.), третья — имение Лапшино при с. Цаца Черныярского уезда в 1 700 дес. стоимостью в 5 100 руб. (по 3 руб. за дес.). Земли стоимостью 46 800 руб. и имевшееся бездоходное мелкое имущество на сумму в 1 тыс. руб. по Уставу о пошлинах освобождались от оплаты пошлины за безвозмездный переход наследства [НА РК. Ф. И-9. Оп. 5. Д. 1814. Л. 5–5об.].

Также пошлину за наследство Д. Д. Тундутов не платил за большой каменный двухэтажный дом с балконом из 17 комнат размером 34 x 23 м в имении Солянка с многочисленными жилыми строениями для домашних слуг и работников: глинобитный дом-людская, крытый тесом, 8,5 x 5,3 м, деревянный, крытый тесом, 2-комнатный дом для рабочих 10,5 x 6,5 м, деревянный, крытый тесом, дом с балконом из 4 комнат 10 x 8,5 м, деревянный, крытый тесом, 2-комнатный дом 8,5 x 4,3 м. На территории имения находилась деревянная беседка размером 4,3 x 4,3 м высотой более 6 м. Кроме того, здесь имелись различные хозяйственные постройки: деревянная конюшня «каретник» 32 x 7,5 м, деревянный «катух» для овец 20 x 4,3 м, деревянный баз для скота 25,5 x 4,3 м, деревянный сарай для дров 15 x 4,3 м. Два чигиря (водоподъемные механизмы) с деревянной крышей на столбах и с желобом обеспечивали бесперебойную подачу воды в жилые дома и на хозяйственные нужды.

Опись всех строений в имении «Солянка» была составлена попечителем Малодербетовского улуса С. А. Козиным 26 марта 1907 г. в присутствии наследника нойона Д. Д. Тундутова и свидетелей Эрэнджена Баслиева, Эрэнджена Уланова и Бовы Бадмаева. Это имущество было принято на ответственное хранение до совершеннолетия наследника его матерью и вдовой покойного нойона Эльзятной Бегалиевной Тундутовой [НА РК. Ф. И-9. Оп. 5. Д. 1814. Л. 8–8об.].

В тот же день попечитель С. А. Козин составил опись сада в имении «Солянка»: 3 тыс. яблонь (плодоносящих — 2 тыс.), 150 грушевых, 150 вишневых, 100 сливовых деревьев, 100 кустов винограда, 1 тыс. белой и желтой акации, 500 дубов, 200 берез, 5 тыс. тополей разных сортов, 200 вязов, 200 — ясени, 1 тыс. — сирени, 1 тыс. кустарников и декоративных растений. Описанный сад был также передан на попечение Э. Б. Тундутовой [НА РК. Ф. И-9. Оп. 5. Д. 1814. Л. 10].

Представляет интерес опись домашнего имущества в комнатах на первом этаже дома нойона в имении Солянка, также произведенная С. А. Козиным днем ранее, 25 марта 1907 г. В столовой имелись 2 шкафа из липового дерева, трюмо, 3 ломберных стола, 18 венских стульев, зеркало в золоченой раме, этажерки, 7 картин в золоченых рамах, 2 фарфоровых сервиза, серебряные столовые приборы и др. В двух комнатах для гостей (в описи указано: «шамбргарни») были комод из липы, шкаф-библиотека (имелся энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона), 2 железные кровати, 2 дивана, 2 кресла, 4 полукресла, картина с изображением пейзажа и мраморный умывальник с pedalной системой, в прихожей — 2 деревянные вешалки, зеркало с подставой, складной диван, 2 складных стула и в коридоре — мраморный pedalный умывальник. Имелась также еще одна прихожая с гардеробной мебелью из липы. На первом этаже располагались «карточная» с деревянной тахтой, картонным столом и гравюрами с изображением лошадей, бильярдная со столом и набором для бильярда, кабинет нойона с полной кабинетной обстановкой из орехового дерева и 2 спальни с комодами, шкафом, этажеркой, железными кроватями и письменным столом [НА РК. Ф. И-9. Оп. 5. Д. 1814. Л. 10об.–11об.]. В комнатах второго этажа дома Тундутовых в имении Солянка опись имущества не производилась, поскольку весь дом не входил в перечень облагаемого пошлиной за безвозмездное наследство наследуемого имущества. Именно на втором этаже, на наш взгляд, находились личные покои членов семьи нойона Ц.-Д. Ц. Тундутова.

Опись рабочего и другого инвентаря в имении Солянка, произведенная С. А. Козиным в мае 1907 г., включала 60 наименований, в том числе железный опрыскиватель «Сантинель», 2-лемешные плуги, бороны, полный состав хомутов на тройку лошадей, вожжи коренные и пристяжные, калмыцкое седло с потником, английское седло и др. Интересен список средств передвижения в имении: 3 деревянные воловь фуры, верблюжья деревянная фура, деревянные дроги-двуколка для перевозки бочки с водой, 2 телеги на железном ходу, тарантас с будкой, маленькая плетенка-экипаж, немецкие дрожки, рабочие сани, легкие скаковые сани, московские сани-пролетка, московская пролетка и карета со стеклянными дверями [НА РК. Ф. И-9. Оп. 5. Д. 1814. Л. 11об.–12об.].

Все описанное имущество в имении Солянка также передали в ответственное хранение Э. Б. Тундутовой. В числе бумаг нойона Ц.-Д. Ц. Тундутова имелись 2 предварительных свидетельства о страховании дома и усадебных строений в имении Солянка сроком на один год с лета 1906 г. [НА РК. Ф. И-9. Оп. 5. Д. 1814. Л. 9].

Помимо этого, была составлена 14 апреля 1907 г. помощником попечителя Малодербетовского улуса Сергеевым опись строений и всего скота в хозяй-

стве нойона Ц.-Д. Ц. Тундута, находившегося в его имении Абджин. По всей вероятности, хозяйство нойона находилось на территории Абганер-Барунова рода северной части Малодербетовского улуса, поскольку в качестве свидетелей при описи присутствовали и расписались хотонный староста этого рода Дава Бадмаев и простолюдин указанного рода Трата Ургидаев [НА РК. Ф. И-9. Оп. 5. Д. 1814. Л. 13об.].

Наше мнение подтверждается данными другого архивного дела, содержащего рукописный вариант описательной части материалов обследования 1909 г.: в числе колодцев в Абганеровых родах Малодербетовского улуса под № 37 указан колодец в имении князя Ц.-Д. Ц. Тундута глубиной 2 аршина 11 вершков¹ до воды [НА РК. Ф. И-9. Оп. 4. Д. 1695. Л. 10]. Здесь находились дом со службами и дворовыми постройками из саманного кирпича, в котором проживали рабочие. В хозяйственном имении содержался скот, принадлежавший покойному нойону: более 240 лошадей, в том числе 120 заводских маток, 4 чистокровных жеребца, 6 жеребцов-производителей калмыцкой породы, 71 жеребенок; 150 голов крупного рогатого скота, в том числе 30 быков и 50 коров; 300 овец; 11 верблюдов. В хозяйстве имелись 3 сенокосилки, конные грабли, и было в наличии 300 возов степного сена. Описанный скот нойона Ц.-Д. Ц. Тундута, оцененный на сумму в 25 020 руб., был принят на ответственное хранение управляющим хозяйством нойона калмыком Харнута рода Ильбдже Боронкаевым [НА РК. Ф. И-9. Оп. 5. Д. 1814. Л. 13–13об.]. Следует упомянуть, что нойон Ц.-Д. Ц. Тундута являлся опытным коннозаводчиком и почти за 10 лет до этого (в 1898 г.) он владел 550 лошадьми [НА РК. Ф. И-9. Оп. 1. Д. 165. Л. 9]. По всей видимости, в данной описи имения «Абджин» представлены заниженные сведения о хозяйстве нойона.

В число объектов недвижимости покойного нойона также входило усадебное место с домом и надворными строениями, находившееся в 1-й части г. Царицына на углу Вознесенской улицы и Набережной, оцененное страховщиками Царицынского агентства второго Российского страхового общества в 18 тыс. руб. и застрахованное ими на годичный срок с 1 января 1907 г. В описи бумаг нойона Ц.-Д. Ц. Тундута, обнаруженных в его доме в имении Солянка, составленной С. А. Козиным 25 марта 1907 г., имелось указанное страховое свидетельство [НА РК. Ф. И-9. Оп. 5. Д. 1814. Л. 9].

В архивном деле о наследстве нойона не имеется описи земельных владений и построек в имениях Лапшино и Золотозубовка, на что обратило внимание УКН. Попечитель улуса С. А. Козин объяснил, что в его распоряжении этих данных не оказалось, и он попросил заведующего калмыцким народом прислать ему сведения по имени Лапшино при с. Цаца Черноярского уезда для принятия охранительных мер. Что касается третьего имения нойона Золотозубовка при одноименном селе Черноярского уезда, С. А. Козин сообщил в УКН, «что охранительные меры по этому имению приняты подлежащим земским начальником» [НА РК. Ф. И-9. Оп. 5. Д. 1814. Л. 16–16об.].

В описи бумаг покойного нойона имелась справка из конторы Санкт-Петербургского государственного банка о хранящихся на имя Ц.-Д. Ц. Тундута под 4,5 % закладных листах Нижегородско-Самарского земельного банка на

¹ Вершок — 4,45 см.

сумму в 90 тыс. и наличными 1 905 руб. 30 коп., всего 91 905 руб. 30 коп. За вычетом имевшегося за нойоном в том же банке долга в размере 29 426 рублей по специальному текущему счету у Ц.-Д. Ц. Тундутова оставалось свободного капитала в процентных бумагах и деньгах в госбанке 62 478 руб. 78 коп. [НА РК. Ф. И-9. Оп. 5. Д. 1814. Л. 5об.].

В бумагах нойона имелась книжка чеков № 703 специального текущего счета Ц.-Д. Ц. Тундутова Санкт-Петербургского государственного банка, в которой оставалось 23 чека из 25. На корешке первого вырезанного чека значилось: «Сумма — 2 500 руб. Время — 13 декабря 1905 г. в Италии», на корешке второго: «Сумма — 2 000 руб. Время — 13 марта 1907 г. Себе. Крым» [НА РК. Ф. И-9. Оп. 5. Д. 1814. Л. 8об.]. Понятно, что первый чек был выписан Ц.-Д. Ц. Тундутовым во время отдыха в Италии в декабре 1905 г., второй — во время отдыха в Крыму за 8 дней до его кончины в Севастополе.

В той же описи бумаг Ц.-Д. Ц. Тундутова, составленной С. А. Козиним, также находилась выписка из крепостной книги Саратовского нотариального архива по г. Царицыну с копией закладной крепости, данной Церен-Давиду Цанджиновичу Тундутову дубовским мещанином Павлом Степановичем Зайкиным в том, «что последний занял у Тундутова 18 тыс. руб. сроком на 10 лет из 6 % годовых под залог находящегося в г. Царицыне дома Зайкина» [НА РК. Ф. И-9. Оп. 5. Д. 1814. Л. 8об.]. Дом со всеми жилыми и нежилыми постройками П. С. Зайкина находился во 2-й части г. Царицына.

Таким образом, после оценки вышеперечисленного недвижимого и движимого имущества и капиталов умершего нойона Ц.-Д. Ц. Тундутова и вычета необлагаемой пошлиной собственности Малодербетовское улусное зарго на своем заседании 28 июня 1907 г. постановило: «С сына нойона Данзана Давидовича Тундутова взыскать за безвозмездный переход к нему наследства, оставшегося после смерти отца его Ц.-Д. Ц. Тундутова, пошлину в сумме 1 222 руб. 48 коп.» [НА РК. Ф. И-9. Оп. 5. Д. 1814. Л. 6].

10 января 1908 г. Малодербетовское улусное зарго в составе заседателя О. Уту-Насунова, помощника попечителя И. А. Беляева, письмоводителя К. Н. Протопопова под председательством С. А. Козина заслушало гражданское дело о попечительстве над имуществом и капиталом нойона Ц.-Д. Ц. Тундутова в размере 199 475 руб. 30 коп. и над наследником его сыном Д. Д. Тундутовым: «Наследниками являются вдова Эльзьята Бегалиевна Тундутова и родной сын Данзан Давидович Тундутов, 20 лет. Согласно закону улусным зарго была произведена публикация о вызове наследников, напечатанная в №№ 53–55 Сенатских объявлений за 1907 г. Кроме вдовы и сына, более никто прав своих на наследство не предъявлял. Родство наследников с наследодателем удостоверено надлежащим способом» [НА РК. Ф. И-9. Оп. 5. Д. 1814. Л. 18об.]. Таким образом, Малодербетовское улусное зарго постановило утвердить в правах наследства вдову и сына покойного Ц.-Д. Ц. Тундутова. Через год, 25 февраля 1909 г., в связи с достижением нойоном Д. Д. Тундутовым 21 года, т. е. полного гражданского совершеннолетия, улусное зарго своим постановлением прекратило попечительство над ним и принадлежащим ему имуществом, «предоставив ему право самостоятельно распоряжаться своим имуществом» [НА РК. Ф. И-9. Оп. 5. Д. 1814. Л. 20].

Через 2 года вдова нойона Ц.-Д. Ц. Тундутова Эльзята Бегалиевна подала прошение в УКН 5 октября 1911 г. в связи со сбором сведений о потомках участников войны 1812 г. к 100-летию юбилею славной войны следующего содержания: «Предок моего сына, корнета лейб-гвардии Гродненского гусарского полка князя Данзана Давидовича Тундутова, капитан князь Джембо-тайша Тундутов имел честь участвовать в войне 1812 г. в качестве командира Первого калмыцкого полка, сформированного им из подвластных ему калмыков. Желая получить сведения, относящиеся к службе и подвигам его, прошу Управление калмыцким народом дать мне следующие справки: 1) об участии в сражениях и о служебных переменах и наградах, удостоенных Тундутовым за период с 1811 по 1815 годы; 2) сведения о тех лицах из его полка, которые были произведены в офицерские чины и удостоились других наград. Адрес: станция Червленная Владикавказской железной дороги» [НА РК. Ф. И-9. Оп. 1. Д. 351. Л. 19]. К сожалению, в указанном деле мы не обнаружили ответа УКН на эту просьбу.

Выводы

Анализ конкретного материала о жизни и деятельности нойона Церен-Давида Цанджиновича Тундутова показал, что этот незаурядный человек, имевший лицейское образование, слушавший лекции в европейских университетах, депутат Государственной Думы, выходец из прославленной династии калмыцких владельцев, являлся знатоком калмыцкой действительности, надежд и чаяний своего народа. Эти качества позволили ему принимать самое активное участие в решении важнейших задач, связанных с земельным вопросом, политическим будущим народа, его правовым статусом, социальным и экономическим благосостоянием. Ревностный приверженец буддизма, он использовал свой авторитет и средства в деле укрепления и развития буддийской конфессии в калмыцких улусах. Будучи меценатом, он многое сделал для повышения образовательного и культурного уровня калмыков.

Источники

НА РК — Национальный архив Республики Калмыкия.

Sources

National Archive of the Republic of Kalmykia.

Литература

- Борисов 1926 — *Борисов Т. К.* Калмыкия. Историко-политический и социально-экономический очерки. М; Л.: Госиздат, 1926. 97 с.
- Бурчинова 1967 — *Бурчинова Л. С.* Калмыкия и Государственная Дума (1905–1907) // Ученые записки Калмыцкого НИИ языка, литературы и истории. Вып. 5. Серия историческая. Ч. 1. Элиста: КНИИЯЛИ, 1967. С. 54–63.
- Глухов 1927 — *Глухов К. К.* Очерк по истории революционного движения в Калмыкии. Астрахань: Калмиздат, 1927. 113 с.
- Государственная Дума 2008 — Государственная Дума Российской империи: 1906–1917: Энциклопедия. М.: РОССПЭН, 2008. 735 с.
- Джалаева 2009 — *Джалаева А. М.* Не быть в плену у времени... // Номто Очиров: жизнь и судьба. Элиста: Мин-во образования, культуры и науки РК, 2009. С. 31–72.

- Дорджиева 1980 — *Дорджиева Г. Ш.* Ламаистские хурулы (монастыри) и духовенство Калмыкии во второй половине XIX – начале XX в. // *Ламаизм в Калмыкии и вопросы научного атеизма.* Элиста: КНИИИФЭ, 1980. С. 23–43.
- История Калмыкии 2009 — *История Калмыкии с древнейших времен до наших дней.* В 3 тт. Т. 2. Элиста: Герел, 2009. 940 с.
- Команджаев 1983 — *Команджаев А. Н.* Изменения в социальной структуре калмыцкого общества (конец XIX – начало XX в.) // *Общественный строй и социально-политическое развитие дореволюционной Калмыкии.* Элиста: КНИИИФЭ, 1983. С. 122–142.
- Команджаев 1999 — *Команджаев А. Н.* Хозяйство и социальные отношения в Калмыкии в конце XIX – начале XX века: исторический опыт и современность. Элиста: АПП «Джангар», 1999. 262 с.
- Минкин 1968 — *Минкин Г. З.* Об общественном строе Калмыкии и колониальной политике царизма. Элиста: КНИИЯЛИ, 1968. 58 с.
- Наберухин 1987 — *Наберухин А. И.* Калмыкия в трех российских революциях. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1987. 159 с.
- Наберухин 2009 — *Наберухин А. И.* Номто Очиров (к 105-летию со дня рождения) // *Номто Очиров: жизнь и судьба.* Элиста: Мин-во образования, культуры и науки РК, 2009. С. 9–30.
- Островский 1892 — *Островский М. Н.* Всеподданейший доклад Министра государственных имуществ по поездке в Калмыцкую степь Астраханской губернии в 1891 г. СПб.: Тип. Я. И. Либермана, 1892. 72 с.
- Очерки истории 1967 — *Очерки истории Калмыцкой АССР в 2 тт. Т. 1: Дюктябрьский период / редкол.: Н. В. Устюгов (гл. ред.), И. Я. Златкин, Е. Н. Кущева и др.* М.: Наука, 1967. 479 с.
- Очиров 2006 — *Очиров У. Б.* Калмыкия в период гражданской войны (1917–1920 гг.). Элиста: Джангар, 2006. 448 с.
- Санджиев 1967 — *Санджиев Б. С.* К истокам народного движения в Калмыкии в начале XX в. // *Ученые записки Калмыцкого НИИ языка, литературы и истории.* Вып. 5. Сер. историческая. Ч. 1. Элиста: КНИИЯЛИ, 1967. С. 21–43.

References

- Borisov T. K. Kalmykia: Essays in History, Politics, Society, and Economy. Moscow, Leningrad: State Publ. House, 1926. 97 p. (In Russ.)
- Burchinova L. S. Kalmykia and the Imperial Duma: 1905–1907. In: *Scholarly Notes [Kalmykia Institute of Language, Literature and History].* Vol. 5. Series 'History'. Pt. 1. Elista: Kalmykia Institute of Language, Literature and History, 1967. Pp. 54–63. (In Russ.)
- Dordzhieva G. Sh. Kalmykia's Lamaist khuruls (monasteries) and clergy: Mid-19th to early 20th centuries. In: *Erdniev U. E. (ed.) Lamaism in Kalmykia and Issues of Marxist-Leninist Atheism.* Elista: Kalmykia Institute of History, Philology and Economics, 1980. P. 23–43. (In Russ.)
- Dzhalaeva A. M. Be not captive to time ... In: *Badmaev A. V. et al. (eds.) Nomto Ochirov: Life and Destiny.* Elista: Kalmykia Ministry of Education, Culture and Science, 2009. Pp. 31–72. (In Russ.)
- Glukhov K. K. Revolutionary Movement in Kalmykia: A Historical Essay. Astrakhan: Kalmyk Oblast Publ. House, 1927. 113 p. (In Russ.)
- Ivanov B. Yu., Komzolova A. A., Ryakhovskaya I. S. (eds.) *State Duma of the Russian Empire, 1906–1917: An Encyclopedia.* Moscow: ROSSPEN, 2008. 735 p. (In Russ.)

- Komandzhaev A. N. Economy and Social Relations in Kalmykia, Late 19th – Early 20th Century: Historical Experiences and Present-Day Conditions. Elista: Dzhangar, 1999. 262 p. (In Russ.)
- Komandzhaev A. N. Structural changes in Kalmyk society: Late 19th to early 20th century. In: Shovunov K. P. et al. (eds.) Pre-Revolutionary Kalmykia: Social System and Sociopolitical Development. Elista: Kalmykia Institute of History, Philology and Economics, 1983. Pp. 122–142. (In Russ.)
- Maksimov K. N., Ochirova N. G. (eds.) History of Kalmykia: From Earliest Times to Present Days. In 3 vols. Vol. 2. Elista: Gerel, 2009. 940 p. (In Russ.)
- Minkin G. Z. Revisiting Kalmykia's Social System and Tsarist Colonial Policies. Elista: Kalmykia Institute of Language, Literature and History, 1968. 58 p. (In Russ.)
- Naberukhin A. I. Kalmykia in Three Russian Revolutions. Elista: Kalmykia Book Publ., 1987. 159 p. (In Russ.)
- Naberukhin A. I. Nomto Ochirov: Celebrating the 105th birthday. In: Badmaev A. V. et al. (eds.) Nomto Ochirov: Life and Destiny. Elista: Kalmykia Ministry of Education, Culture and Science, 2009. Pp. 9–30. (In Russ.)
- Ochirov U. B. Kalmykia during the Russian Civil War: 1917–1920. Elista: Dzhangar, 2006. 448 p. (In Russ.)
- Ostrovsky M. N. Most Devoted Report of Minister of State Property on the 1891 Journey to Kalmyk Steppe of Astrakhan Governorate. St. Petersburg: Ya. Liberman, 1892. 72 p. (In Russ.)
- Sandzhiev B. S. At the beginnings of people's movement in early twentieth century Kalmykia. In: Scholarly Notes [Kalmykia Institute of Language, Literature and History]. Vol. 5. Series 'History'. Pt. 1. Elista: Kalmykia Institute of Language, Literature and History, 1967. Pp. 21–43. (In Russ.)
- Ustyugov N. V., Zlatkin I. Ya., Kushcheva E. N. et al. (eds.) Kalmyk ASSR: Historical Essays. In 2 vols. Vol. 1: Pre-October Era. Moscow: Nauka, 1967. 479 p. (In Russ.)

ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ

УДК / UDC 294.321+930.253+821.51
DOI: 10.22162/2500-1523-2023-2-206-222

О текстах Манджушри из Научного архива Калмыцкого научного центра РАН (по материалам коллекции Э. Б. Убушиева)

*Деляш Николаевна Музраева*¹

¹ Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. им. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)

доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник

 0000-0002-8619-9369. E-mail: deliash[at]mail.ru

© КалмНЦ РАН, 2023

© Музраева Д. Н., 2023

Аннотация. *Введение.* Изучение пантеона божеств с присущим ему корпусом текстов, имевших хождение в среде калмыцких буддистов, является еще недостаточно разработанной областью востоковедения. Одним из почитаемых образов для калмыков — последователей тибетского буддизма является бодхисаттва Манджушри. *Цель* статьи — дать описание, транслитерацию и перевод одного из образцов текстов, отражающих культ почитания бодхисаттвы Манджушри. *Материалы.* Этот текст является одним из письменных источников, поступивших от Э. Б. Убушиева (Агван Табдана). *Результаты.* В статье приводится перечень текстов, посвященных Манджушри, представленных в каноническом своде Ганджур, в списке переводов Зая-пандиты Намкай Джамцо, а также дается краткий обзор текстов Манджушри, сохранившихся в коллекциях Калмыкии. Выполненный перевод текста «Дхарани, клятвенно произнесенная Манджушри», а также второй текст, именуемый «Наказ (наставления) святого Манджушри» являются свидетельством почитания калмыками этого божества буддийского пантеона.

Ключевые слова: буддизм, письменные источники, «тодо бичиг», Манджушри, дхарани, Научный архив Калмыцкого научного центра РАН, Э. Б. Убушиев

Благодарность. Исследование проведено в рамках государственной субсидии — проект «Универсалии и специфика традиций монголоязычных народов сквозь призму кросс-культурных контактов и системы взаимоотношений России, Монголии и Китая» (номер госрегистрации: 123021300198-4).

Для цитирования: Музраева Д. Н. О текстах Манджушри из Научного архива Калмыцкого научного центра РАН (по материалам коллекции Э. Б. Убушиева) // Монголоведение. 2023. Т. 15. № 2. С. 206–222. DOI: 10.22162/2500-1523-2023-2-206-222

Manjushri-Related Texts at the Scientific Archive of KalmSC RAS: Revisiting Materials from the Collection of E. B. Ubushiev

*Deliaash N. Muzraeva*¹

¹ Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilshkin St., 358000 Elista, Russian Federation)

Dr. Sc. (History), Leading Research Associate

 0000-0002-8619-9369. E-mail: deliash[at]mail.ru

© KalmSC RAS, 2023

© Muzraeva D. N., 2023

Abstract. *Introduction.* The study of the pantheon of deities — along with the corpus of related texts once used by Kalmyk Buddhists — is still an underdeveloped field of Oriental studies. The image of bodhisattva Manjushri is a most revered one among Kalmyk followers of Tibetan Buddhism. *Goals.* The article aims to describe, transliterate and translate a sample narrative reflecting the cult of veneration of the mentioned bodhisattva. *Materials.* The text is one of the many written sources once donated by E. B. Ubushiev (Agvan Tabdan). *Results.* The article provides a list of texts dedicated to Manjushri in the Kangyur, in translations authored by Ven. Zaya Pandita Namkhai Jamtso, and also briefly reviews some Manjushri-related texts currently included in Kalmykia's collections. The completed translation of the Dhāraṇī Sworn by Manjushri, as well as another text to be mentioned (Instructions [Delivered] by Saint Manjushri), may serve as vivid evidence of the reverence this deity of the Buddhist pantheon is granted by the Kalmyks.

Keywords: Buddhism, written sources, *todo bičiq*, Manjushri, dhāraṇī, Scientific Archive of KalmSC RAS, E. B. Ubushiev

Acknowledgements. The reported study was funded by government subsidy, project no. 123021300198-4 'Universals and Specifics of the Traditions of the Mongolian-Speaking Peoples through the Prism of Cross-Cultural Contacts and the System of Relations between Russia, Mongolia and China'.

For citation: Muzraeva D. N. Manjushri-Related Texts at the Scientific Archive of KalmSC RAS: Revisiting Materials from the Collection of E. B. Ubushiev. *Mongolian Studies (Elista)*. 2023; 15(2): 206–222. (In Russ.). DOI: 10.22162/2500-1523-2023-2-206-222

Введение

Изучение региональных особенностей буддизма у монголоязычных народов является важным направлением в изучении историко-культурных проблем региона Центральной Азии. Для исследований последних десятилетий, посвященных описанию персонажей буддийского пантеона, характерным является междисциплинарный подход на основе методов анализа культовых изображений божеств в совокупности с письменными и устными текстами, в которых ведется повествование о божествах или упоминаются их имена [Сыртыпова 2003; Елихина 2010]. Изучение пантеона божеств с присущим ему корпусом текстов, имевших хождение в среде калмыцких буддистов, является еще недостаточно разработанной областью востоковедения.

Одним из почитаемых образов для калмыков — последователей тибетского буддизма является бодхисаттва Манджушри. Согласно данным буддийских энциклопедических изданий, Манджушри «считается воплощением мудрости (праджня), покровителем знания (джняна) и сутр Праджня-парамиты» [Андронов 2011: 277].

Тексты, посвященные Манджушри, в составе буддийского канона

Среди сочинений, вошедших в канонические своды на тибетском и монгольском языках, можно отметить довольно значительное количество произведений, посвященных Манджушри. Об этих текстах из состава канона мы можем судить по изданию монгольского Ганджура в серии «Шата-питака» [*Mongolian Kanjur 1973–1979*]. Это печатное издание хранится в Научном архиве Калмыцкого научного центра РАН (далее — КалмНИЦ РАН) в коллекции старописьменных памятников Тугмюд-гавджи (О. М. Дорджиева) (1887–1980). В нем представлены описания обрядов, ритуальные тексты, дхарани (тарни) и сутры. Ниже приведем титулы сочинений с указанием разделов и томов монгольского Ганджура.

В разделе «Тантра» (монг. Dandr-a):

- Mañjuśrī jñānasattva-yin ünemleküi ner-e-yi üneger ögülegči (т. 1);
- Qutuy-tu mañjuśrī-yin iḡayur ündüsün (т. 12);
- Iḡaju tegüs nögčigsen qurča mañjuśrī-yi mayṭaysan (т. 13);
- Vagindr-a mañjuśrī-yi naiman ökin mayṭaysan (т. 13);
- Qutuy-tu mañjuśrī-yi aman-ača nomlaysan neretü tarni (т. 13);
- Qutuy-tu mañjuśrī-yin sibiḡü belgedeküi neretü tarni (т. 13);
- Mañjuśrī-yin aman aldayṣan-u tarni (т. 13);
- Qutuy-tu mañjuśrī-yin-ner-e (т. 13);
- Getülgegči qutuy-tu mañjuśrī-yin oyun bilig-i nemegdülkü-yin neretü tarni (т. 13);
- Qutuy-tu mañjuśrī-yin tarni-yin nigen ür-e üsüg-tü-yin ḡang üile (т. 13);
- Qutuy-tu mañjuśrī-yin dörben üiles-ün kürdün-ü niyüča dandr-a (т. 21)
- Qutuy-tu ori mañjuśrī-yin ḡayun naiman ner-e-yin toyṭayal-un tarni-luy-a nigen-e (т. 23);
- Qutuy-tu mañjuśrī-yin aman-ača nomlaysan neretü tarni (т. 23)
- Qutuy-tu mañjuśrī-yin aman aldaqui neretü tarni (т. 23);
- Qutuy-tu mañjuśrī-yin ner-e (т. 23);
- Getülgegči qutuy-tu mañjuśrī-yin oyun bilig-i nemegdülkü-yin neretü tarni (т. 23);
- Qutuy-tu mañjuśrī-yin tarni-yin nigen ür-e üsüg-tü-yin ḡang üile (т. 23).

В разделе «Ратнакута» или «Груда драгоценностей» (монг. Erdeni dabqurliḡ): Qutuy-tu mañjuśrī burqan-u orun-u erdem ḡokiyaṣan neretü yeke kölgen sudur (т. 50).

В разделе «Собрание сутр» (монг. Eldeb):

- Qutuy-tu ḡögelen čoytu teyin böged čenggeküi neretü yeke kölgen sudur (Ārya-mañjuśrī-vikrīḡita nāma mahāyāna-sūtra) (т. 61);
- Qutuy-tu mañjuśrī-yin teyin böged qubilyaqui bölüg neretü yeke kölgen sudur (т. 61);
- Qutuy-tu mañjuśrī-yin öčigsen neretü yeke kölgen sudur (т. 76);
- Qutuy-tu mañjuśrī-bar üḡügülüḡsen kemekü yeke kölgen sudur (т. 76);
- Qutuy-tu mañjuśrī orusiṣan kemegdekü yeke kölgen sudur (т. 77).

Несмотря на то, что канонические своды, изданные разными монастырями, по сути имеют свой перечень текстов, определенная подборка текстов Манджушри остается неизменной, о чем и свидетельствует приведенный выше список сочинений монгольского Ганджура.

Тексты Манджушри на ойратском «тодо бичиг» («ясном письме»)

О круге текстов, отражающих культ почитания Манджушри, переведенных Зая-пандитой Намкай Дхамцо и его последователями с тибетского языка на ойратский, мы можем судить по краткому перечню, приведенному его биографом Раднабхадрой в составленной им биографии, известной под кратким названием «Лунный свет» [Biography 1967: 9a–11b; Норбо 1999: 53–63; Музраева 2021б: 249–267]. Среди них: «*Nama sanggadi* или *Xutuqtu Mañjuśrīyin nere sayitur ögüleküi*:» («Манджушри-нама-сангити» или «Истинное произношение имени Манджушри»); «*Manzuśiriyin бүтэл*» («Метод визуализации Манджушри»); «*Manzuśiriyin abişiq*» («Посвящение Манджушри»); «*Manzuśiriyin maqtāl*» («Восхваление Манджушри») [Музраева 2021б: 253, 260, 263, 264].

Работа монгольского ученого Х. Лувсанбалдана «„Ясное письмо“ и его памятники», ставшая классикой ойратоведения, содержит ценные сведения о переводах Зая-пандиты и его ближайших учеников. Среди таких произведений Х. Лувсанбалдан указывает на текст «Манджушри-нама-сангити» (ойр. «*Na-ma sangkadi*») [Лувсанбалдан 1975: 126, № 20]. Монгольский ученый приводит сведения о двух рукописях сочинения «*Xutuqtu Mañjuśrīyin nere sayitur ögüleküi*» («Истинное произношение имени Манджушри»), в колофоне которых упоминается имя Зая-пандиты как переводчика [Лувсанбалдан 1975: 240, № 0261]. Один из этих текстов был опубликован А. Г. Сазыкиным [Сазыкин 2003]. В монографии Х. Лувсанбалдана также имеются сведения о сочинении «Манджушри-нама-сангити», переведенном Зая-пандитой и включенном его учеником Эрх-цорджи в состав сборника «Сундуй» на ойратском языке [Лувсанбалдан 1975: 236].

Тексты Манджушри в коллекциях Калмыкии

Полевая археографическая работа в районах Калмыкии показала, что тексты Манджушри представлены в коллекциях буддийских книг, принадлежавших калмыцким буддийским священнослужителям, а также хранятся в библиотеках хурулов (буддийских храмов). Так, в коллекции Н. Д. Кичикова (Намки-гелюнга), которая хранится в Кетченеровском краеведческом музее, представлены два списка сочинения «Изречения Всеведающего (Манджушри)» (ойр. *Xamuq aldeqčın zareleq*) [Музраева 2012: 95, 99]. Транслитерация этих двух текстов на ойратском «ясном письме» и сводный комментированный перевод на русский язык был представлен автором статьи в одной из более ранних публикаций [Музраева 2021а].

Среди текстов библиотеки хурула пос. Ики-Бурул Ики-Бурульского района, ознакомиться с которой удалось благодаря настоятелю Равдану, представлен тибетский ксилограф одного из важнейших тантрийских текстов «Истинное произношение имени Манджушри» (санскр. Манджушри-нама-самгити, тиб. 'Phags pa 'jam dpal gyi mtshan yang dag par bjod pa bzhugs so) [Музраева 2012: 99].

В данной статье мы даем описание текста на ойратском «ясном письме» («тодо бичиг»), который является одним из источников, поступивших от Э. Б. Убушиева (Агван Табдана) (1906–1981). Это не первый текст из переданных им в дар КалмНЦ РАН (на тот момент Калмыцкому научно-исследовательскому институту языка, литературы и истории — КНИИЯЛИ). Большая

часть текстов сосредоточена в Фонде 8 (Фонде редких рукописей и документов) Научного архива КалмНЦ РАН. Несмотря на то, что эти источники не выделены в одну отдельную коллекцию в силу разных причин (тексты поступали на протяжении ряда лет, единично или по несколько единиц одновременно), мы можем рассматривать их как единую коллекцию. Описание отдельных источников дано в ряде публикаций автора [Музраева 2018а; Музраева 2018б]. В них, помимо того, что приводились титулы сочинений, давалась их краткая характеристика, затрагивались и такие моменты, как наличие дарственных записей, сделанных лично Э. Б. Убушиевым. В них нашло отражение его отношение к письменному наследию калмыков, беспокойство о сохранении письменных памятников для последующих поколений, пожелания об их изучении и переводе, адресованные ученым института [Музраева 2018а: 1209–1212].

В интересующем нас ойратском тексте [МТТ] отсутствует титульный лист, поэтому его название мы приводим по окончанию текста: «Mañjuširiin tangyüraqlüqsün toqtal tarni» («Дхарани Манджушри, произнесенная в клятве» или «Клятвенная дхарани Манджушри»). Кроме этого, имеется титул сочинения на современном калмыцком языке, указанный на конверте-обложке, в который был вложен текст: «Манжшрин таңһрлгсн тогтал тэрнь бө» («Дхарани Манджушри, произнесенная в клятве») [МТТ]. Описываемая рукопись хранится вместе с другим текстом, посвященным Манджушри. Он имеет название «Хутуqtu Mañjuširin zarliq» («Наказ (наставления) святого Манджушри») [МЗ]. Что касается второго источника, то в нем имеются утраты: отсутствует титульный лист и окончание.

Ниже мы приводим транслитерацию и перевод с ойратского на русский язык первого из указанных текстов — сочинения «Mañjuširiin tangyüraqlüqsün toqtal tarni» («Дхарани, клятвенно произнесенная Манджушри»).

Пояснения к тексту транслитерации и перевода

Характерной особенностью данного текста является отход от графики и орфографии «ясного письма», при этом примечательно, что автор-переписчик при воспроизведении текста руководствовался фонетическим звучанием, которое ему было наиболее близко, а оно в большинстве своем отходит от правил, присущих классическому «тодо бичиг». Последнее наводит на мысль, что данный текст, являющийся списком (копией) какого-то определенного первоисточника на «тодо бичиг», мог быть воспроизведен переписчиком по памяти. Этим объясняется отход от классического написания отдельных графем, слов (словоформ) и т. д. В тексте мы можем также наблюдать поправки, сделанные более поздним читателем-пользователем; не исключено, что им мог выступить сам Агван Табдан.

Еще одной особенностью исследуемого списка являются пропуски и даже местами полное отсутствие пунктуационных знаков в виде точки, соответствующей запятой в тексте перевода, и в виде двоеточия — эквивалента точки в конце предложения в русском переводе.

В приводимой ниже таблице параллельно представлены текст оригинала и наш перевод на русский язык. В первом столбце таблицы указаны номера листов и строк (цифры в круглых скобках указывают на номер строки на листе

рукописи), во втором столбце приводится транслитерация ойратского текста с комментариями, в третьем столбце — соответствующий ему перевод, также сопровождаемый комментарием.

В транслитерации в круглых скобках со знаком равенства приводятся более правильные написания слов, принятые в классическом «тодо бичиг», при этом подчеркиванием отмечены неверные написания отдельных графем или аффиксов. Косой чертой указаны границы строк. В фигурные скобки заключены слова, которые были вписаны более поздним читателем между строк, справа от основной вертикальной линии.

В русском переводе в круглых скобках даны варианты перевода слов (словосочетаний), в квадратных скобках — дополнительно вводимые слова, поясняющие перевод.

№ лл, строк	Транслитерация	Перевод
	Mañjuširiyin tangyüraqłüqsün toqtal tarni	Дхарани, клятвенно произнесенная Манджушри
[1a (1)]	Dēdū yurban erdenidū mörgümüi::	Поклоняюсь Трем высшим драгоценностям! ¹
(2)	orčixu xamuq töröldü nom-dü külcenggü (=külicenggüi) oltol	До тех пор, пока во всем круговороте перерождений не обрету терпение [в отношении] учения,
(3)	kēze (=kezē) čü yurban muü zayatin-dü ülü törön:	никогда не получая рождения в трех неблагоприятных перерождениях ² ,
(4–5)	öndör izuürtü kümüni töröldü töröküi ~ / boltuyai:	пусть получу рождение человеком высокого происхождения!
(5–7)	öndör izuürtü kümüni töröldü ~ / töröküdü čü kilence üyiledeqči xān-dü ülü / törön:	Но даже если и получу рождение человеком высокого происхождения, пусть я не получу рождение творящим грехи ханом, его сановником и военачальником, а также тем, кто вершит суд (судьей)!
(7–8)	töüni tüšimel kigēd cereyigin (=ceregiyin) noyon zaraya (=zaryu) / üyiledeqčiyin töröldü bi ülü töröküi boltuyai::	Пусть я не получу рождение совершенным действия [ради] наживы ⁷ , тем, кто помогает торговцам водкой (спиртным), а также вором, слугой и женщиной (женой).
(9–11)	aribidixan (=arbidixan) üyiledeqči arki xudalduqči del/nöüdöqči ³ (=demnöüdöqči) kigēd xulyačin ⁴ zaridüsün ⁵ kigēd nayi/jinariyin ⁶ töröldü bi ülü töröküi boltuyai::	

¹ Под Тремя драгоценностями подразумеваются Будда, его учение и сангха.

² Три неблагоприятных перерождения — это рождение животным, претой (бири-том) и существом ада.

³ В слове del/nöüdöqči, на наш взгляд, произошла подмена дополнительного штриха в графеме m на штрих, характерный для графемы l; более правильное написание основы: demne- ‘помогать, пособлять’ (см. [Позднеев 1911: 215; Krueger 1984b: 552]).

⁴ В классическом «тодо бичиг»: xulayaııči / xulaxayıči (см. [Позднеев 1911: 102]).

⁵ zaridüsün — калька п.-монг. jarudasun со значением ‘слуга, служанка’ [Ковалевский 1849: 2303–2304]. В классическом «тодо бичиг» слово со значением ‘слуга’ пишется как zargusa ‘прислуга, слуга’ [Позднеев 1911: 261].

⁶ Слово naujınaг в ойратских словарях имеет значения ‘подруга жизни у мужчины, жена’ [Позднеев 1911: 63], ‘жена, женщина’ [Krueger 1984a: 210].

⁷ Здесь букв. ‘тем, кто действует, наживаясь’.

(12–13)	ulan költe zaγasučin töröldü bi ülü / töröküi boltuγai::	Пусть я не получу рождение рыбаком с красными ногами!
[1a (13) – 1b (1)]	ulan γarta alačin töröldü / bi ülü töröküi boltuγai::	Пусть я не получу рождение убийцей с красными руками!
(1–4)	dgeslong-noγuüdtü / küčirken üyiledеqçi ezen kigēd üyile üyile/deqçi batü oron ¹ kigēd: dotorin zasuqčidü / bi ülü töröküi boltuγai::	Пусть я не получу рождение владель- цем (хозяином), проявляющим силу [в отношении] гелонгов ² , а также со- вершающим деяния стхавирой (ста- рейшиной), а также судьей по вну- тренним [делам].
(4–7)	buyani zakaraxui ³ zabsar / barildüleqçi ⁴ kigēd tangγaraqlün üyiledеqçi üyile / üyiledеqçi bodayüla ⁵ -nuγuüdtu bi ülü töröküi / boltuγai::	Пусть я не получу рождение совер- шающими деяния людьми (существа- ми), управляющими добродетелью, теми, кто зарождается (заполняет пустоту), а также действующими [со- гласно] данной клятве ⁶ .
(7–10)	kezēr ⁷ {kō}küšüün ⁸ (=köšöün) kigēd tētēr (=tetür ⁹) burudü / töröqsün kümün-nuγüüd kigēd γāni belge düle / balan kigēd nayidungγün tandu bi ülü törökü / boltuγai::	Пусть я не получу рождение [всеми] вами: неуступчивым (упрямым) кар- тежником, а также людьми, рожден- ными с неправедными [воззрениями], а также с признаками сумасшествия, глухоты, слепоты и ненависти (недо- брожелательства).

¹ Возможно, это эквивалент тиб. gnas brtan со значением ‘стхавира — старейшина; почтенный’, указывающим на 16 ближайших учеников Будды.

² Гелонг — калмыкизированная форма тиб. dge-slong (санскр. bhikṣu) ‘буддийский нищенствующий монах’ [Перих 1984: 154].

³ В написание данного слова внесены коррективы более поздним читателем (пользователем), оно получило написание zakaraxui со значением ‘управлять, распоряжаться, заведовать’ взамен zakaraqči [Позднеев 1911: 260], zak’agaхu ‘направлять, распоряжаться’ [Krueger 1984b: 663].

⁴ zabsar barildüleqçi (монг. ĵabsar barilduγuluγči, тиб. ’tshams-sbyur-ba) ‘уничтожить промежуток, наполнить пустоту; зародиться, войти в утробу матери’ (см. [Ковалевский 1849: 2265]).

⁵ Здесь, возможно, искаженное слово bodyaliq ‘человек, существо, душа’ во множественном числе (см. [Krueger 1984a: 351]).

⁶ Здесь букв. ‘действующими, дав клятву’.

⁷ Более правильное написание данного слова kezer ‘козырь (в картах)’ [Krueger 1984b: 723]; здесь речь идет, скорее, об игроке в карты.

⁸ В написании первого слога этого слова переписчиком сделаны поправки, но в то же время слева от него, между строк вписано правильное его написание: kō. Правильное написание этого слова köšöün со значением ‘неуступчивый, несговорчивый, упрямый, грубый’ [Позднеев 1911: 288].

⁹ Данное слово, скорее всего, соответствует слову tetür ‘ересь’ (см. [Krueger 1984b: 489]).

(10–12)	teris (=ters) buruü züyil-du birimini ayimiḡ-nuḡuüd kigēd muü izuürtü alačın töröldü bi / ülü töröküi boltuḡai::	Пусть я не получу рождение в среде брахманов, обладающих еретическими воззрениями, а также в роду убийц, обладающих низким происхождением ¹ .
(12–13)	bodhi oltol nasudiyin / bi nüültu būsüdiyin erker ülü bolün: dēdū <.....>	До обретения просветления (бодхи), весь срок жизни не стану жить (действовать) по воле [собственного] «я» и других грешников. Высшее <.....>
[2a–2b]	<.....> ²	<.....>
[3a (1)]	<...> nomḡoloqson šaḡiyin oroḡon töüni daxan oraḡu::	<...> основываясь на проповеданном учении ³ , буду следовать ему.
(2–3)	busüd nasüdiyin zürken-ēce daxan irküi: busudiyin / taban uçiral-luḡā töḡüsküi boltuḡai ⁴ ::	В других рождениях (сроках жизни) буду искренне ⁵ следовать. Пусть преисполнюсь пятью благами ⁶ , которые свойственны другим.
(3–7)	tamu birīd / aduüsün kigēd urtu nasutu tenggeri kigēd / teter (=tetür) buruü zöḡil kigēd bürxan-yēr xoḡsün (=xōsun) / kelegei (=kelekei) tede colo (=čölō) ügei nayimin-ēce tonilxu bol/tuḡai::	Пусть избавлюсь от таких «восьми, не имеющих свободы», как [рождение] в аду, претой (биритом), животным и тенгрием-долгожителем, а также тем, у кого несправедливые воззрения ⁷ , не имеющим представления о Будде, косноязычным (заикой).
(7–10)	suzüq kigēd öqligin öküi süzüq / sonosqu šaḡšabād kigēd biliq jiqšir / kigēd içir medeküi xütüqtüni dolan ede-/luḡā töḡüsküi boltuḡai::	Пусть преисполнюсь такими семью [признаками (качествами)] святых, как вера (набожность), а также вера совершать подношения, религиозный обет слушания, а также понимание того, что есть мудрость, стыд и отвращение.

¹ Здесь букв. ‘обладающих плохим происхождением’.

² В данной рукописи отсутствует л. 2.

³ Здесь ‘основываясь на проповеданной религии’.

⁴ Все слова данной фразы выделены цветом: вдоль каждого слова, справа, параллельно от основной вертикальной строки красным карандашом прочерчена линия.

⁵ Букв. ‘всем сердцем следовать’.

⁶ Пять благ — здесь речь идет о ‘пяти благах для себя’, а именно: рождение человеком, рождение в Магадхе, вера в святую религию и проч. (см. [Рерих 1986: 323]), которые соотносятся с ‘десятью благами’, к которым относятся следующие: ‘быть рожденным человеком, родиться в буддийской стране, иметь здоровые чувства, т. е. быть здоровым, быть свободным от экстремальных действий (поступков), вера в учение, явление (появление) Будды, проповедование Буддой дхармы (учения), расцвет учения, наличие последователей его учения, обладание сострадательными чувствами по отношению к другим’ [ТЭД 1993: 194].

⁷ Здесь букв. ‘у кого несправедливое направление’.

(10–11)	γurban ayımaq sabı (=saba) / kigēd dōrbūn ündūsūni nomnolxu::	Пусть повстречаюсь с ламами (учителями), проповедующими три сосуда ¹ и четыре основы (корня) ² , не допускающими ошибок в спорах, постоянно, непрерывно проявляющими милосердие.
(11–13)	temceküdü / endüürel ügei ürgīljidü tasral ügei niguüleskī / blama-nuyuüdluyā zolyoxu boltuγai::	
[3a (13) –3b (2)]	γurban sanvār / öbür tonilxu kigēd bodhi sadv uxa[n]i bariqči [3b (1)] taranei ³ suraxu ⁴ teriguüten-ni yampar (=yambar) abaqsūn metü / sakīn{:} dēre-ēce deqšen ürgūjiküi boltuγai::	Соблюдая в неизменном виде ⁵ три обета, свое собственное усмирение, а также заучивание тарни ⁶ -держателей мудрости бодхисаттв и проч., пусть с высокой [позиции] вознесусь еще выше.
(3–6)	üzüqdüküi xosun ilγül önggü-yēn ünen / todorxoi xosūn xoşülün üyileden. dēre / ügei amüγülüng xosūn-yēr xoyor todkir (=todxor) / abayas ⁷ arilxu boltuγai::	Реализуя (практикуя) попарно видимую (проявленную) пустоту, свои внешние признаки, истинную (явную) пустоту, благоденствием и пустотой, выше которых нет ничего, пусть избавлюсь от двух препятствий, привязанностей.
(6–9)	küsüil üčüüken-du / bolül ⁸ meden bodiyin sedkil tögösün buruü / tejlil (=tejlil) бүкүни тебечи́йн ⁹ nomiyin tējel-yēr / baxu (=bayixu) boltuγai::	Познав, что при малом желании <...>, преисполнившись мыслью о просветлении, отринув всю несправедную пищу, пусть буду жить пищей [в виде] учения.

¹ ‘Три сосуда, три корзины’ (ойр. γurban ayımaq saba, монг. γurban ayımaq saba, тиб. sde snod gsum, санскр. tripitaka) — ‘три больших раздела буддийских священных писаний, а именно, сутры, виная, и абхидхарма’ [MED 1960: 1159].

² ‘Четыре основы’ (ойр. dōrbūn ündūsūn, монг. dōrben ündūsūn, тиб. rgyud sde bzhi) — ‘четыре класса тантры, т. е. крйатантра, ачаратантра, йогатантра и аннута́райога тантра’ [Ковалевский 1849: 491].

³ На данной странице в текст внесены коррективы более поздним пользователем: в данном слове в конце дописан штрих, указывающий на графему п/а в конце слова.

⁴ Данное слово suraxu ‘обучаться’ с помощью двух дополнительных штрихов переправлено на suraγul со значением ‘учение, обучение’, но последнее отличается от написания в классическом «тодо бичиг» (surγūlil ‘учение’ [Позднеев 1911: 159]).

⁵ Досл. ‘в том виде, в каком принял’.

⁶ Тарни — монгольский эквивалент санскритского dharani ‘изречения, заклинания’ [Ковалевский 1837: 118].

⁷ От санскр. abhyāsa, монг., ойр. abiyas ‘склонность, наклонность, страсть к чему; привычка’ [Ковалевский 1849: 491; Голстунский 1895: 18; Позднеев 1911: 3], ‘привычка, склонность, влияние’ [Krueger 1978: 12].

⁸ Установить значение данного слова представляется затруднительным.

⁹ В данном слове произошла подмена суффикса слитного деепричастия -н окончанием род. падежа -γin (должно быть: tebčīn ‘воздерживаясь’).

(9–13)	ali dayini-yi daruqsün kigēd / ečige ekeyi alxu kigēd zokaldoqson / suvaraqqi xayaculūn üyiledün tegün-čilūn / boloqsoni beyē-ēce cusü yaryaxu taban / zabsar ügei-ēce ¹ tonilxū boltuγai::	Пусть спасусь от «пяти, не имеющих промежутка», [а именно]: убийства архата, родителей, а также от разрушения возведенной ступы (субургана) и пролития крови татхагаты.
[4a (14) – 4b (3)]	sübürγan / ebeden bodhi-sado-yi alxu dayini daruqsan [4a (1)] eke dgeslonggi künūqči söyirxoi: ali xüva/raqgi xoraxūn yo{ü}din (=yöüden) bolüqči šidir (=šidar, šider) taban-ēce / tonilxu boltuγai::	Пусть спасусь от «пяти близких» [неблаговидных поступков], приводящих к смене перерождения: от разрушения ступы (субургана), убийства бодхисаттвы, архата, позволения преследовать монахинь, убийства монахов.
(3–6)	alxū xūlaxu xudül kigēd küsel-/yin buruū yabudol {kigēd} olkiyin šürün üge xomγoj/zoxū (=xomγolzoxu) / sedkil kigēd xorata sedkil buruū üzül te/riguūten arban nüül-ēce tonilxū boltuγai::	Пусть спасусь от «десяти греховных деяний»: убийства, воровства, лжи, неправедных действий от желаний, своекорыстия, грубых слов, злобных мыслей, неправедных воззрений и проч.
(6–10)	čölö / ügei maši xaluūn kigēd xaluūn yekede orkiruūn ulxu (=uülixu) / kigēd orikiruūn ulxu xoro ebedeküi xara kimjiti / kigēd basün edgeküi teriguūten nayimin xaluūn / tamü-ēce tonilxu boltuγai::	Пусть спасусь от [перерождений в] «восьми горячих адах»: в очень горячем, в котором плачут, рыдают, а также в горячем [аду], где очень громко рыдают, где убивают по прочерченным линиям, а также в [аду], где подвергают поруганию и [вновь] исцеляют и др.
[4a (10) – 4b (1)]	cebertü / kigēd ceberuūn delberiküi šüüdün xabajingnaxū / tatu{-}ken ² kigēd xoxoi kemēküi ³ üdübali metü / yekede xayüraxu badama metü delberküi nayimin [4b (1)] tamü-ēce tonilxu boltuγai::	Пусть спасусь от [перерождений в] «восьми холодных адах»: в котором [покрываются] волдырями (пузырями), а также [в котором] волдыри, [лопаясь], растекаются, где стучат зубами [от холода], а также где произносят (взывают) «ах! (увы! горе!)», где [тела] сильно раскалываются (растрескиваются) подобно утпалам (голубым лотосам), лопаются подобно лотосам.

¹ taban zabsar üge — ‘пять не имеющих промежутка’, здесь речь идет о последствиях от неправедных действий.

² В данном случае более поздним читателем текста внесена правка: соединены две части слова tatu-ken. Подобрать его эквивалент на «тодо бичиг» представляется затруднительным.

³ xoxoi kemēküi ‘где произносят (взывают) «ах! (увы! горе!)»’ — так переводится данное междометие на монгольский язык (см. [Ковалевский 1846: 875]).

(1–5)	ḡimirdiq kigēd / burtuq {šabar}¹ ḡaliyin nūramin usūn xütüḡa{yin}² ḡim / teriguūten kigēd ulūm ügei mōrin³ šidir: / ori{č}iyin-nuyūüdiyin tamuḡin oron-ēce to/nilxu boltuḡai::	Пусть спасусь из смежных областей (преддверия) ада: возобновляемой, а также той, где нечистоты {грязь}, горячий пепел (зола) от огня, [острые] ножи, подобно волосу, а также река, наполненная горячим песком, и др.
(5–7)	ḡadana todkirtu iden undūni xoyor / todkirtu ḡaliyin nilči kūrīditu teriguūten / birdiyin oron-ēce tonilxu boltuḡai::	Пусть спасусь из страны прет (биритов) с внешними препонами (препятствиями), а также с внутренними препонами — едой и питьем, с воздействием огненного колеса (кюрге) и проч.
(8–11)	üyiledü orošiḡson kigēd tarxu ḡani belge / kigēd nige nigeyē ideküi alxū utulxu edāle/kūi deleden üyiledüküi teriguūten aduūsūni / oron-ēce tonilxu boltuḡai::	Пусть спасусь из страны (места рождения) животных, где погрязли в деяниях, где признаки сумасшествия, поедают один другого, убивают, расчленяют и [так] потребляют [в качестве пропитания], избивают и проч.
[4b (13) – 5a (2)]	tenggeriyin o/gui odon unūxui⁴ kigēd asurini bayilādūn / temecel kümūni töröküi: ükükü: ötölkü: ebe- [5a (1)] deküi: teriguūten zobolonggiyin oron-ēce to/nilxu boltuḡai::	Пусть спасусь из стран (мест) страданий, где тенгрии <...>, где [происходят] сражения с асурами, где люди рождаются, умирают, старятся, заболелают и т. д.
(2–4)	Mañjuširiḡin biliḡ Nideber / Üzüḡčiḡiyin öröšenggüi kigēd Očir-pani aḡuū / küčīn-yēr Sokavididu töröküi boltuḡai::	Пусть [в силу] мудрости Манджушри, милосердия Всевидающего оком⁵, а также величайшей силой Ваджрапани (Очирвани) получу рождение в Сукхавати⁶.
(4–7)	Šarin / köböün-ni surayūli Molon töüni {toyin-ni}⁷ iridiy xubilyan / kigēd nada sonosoḡson-yēr Sokavididu tö/rüküi boltuḡai::	Пусть, [благодаря] наставлениям Шарипутры⁸, способности перевоплощения Молон-тойна (Маудгальяяны), а также [благодаря] тому, что внимал мне⁹, получу рождение в Сукхавати.

¹ Данное слово вписано слева от строки более поздним читателем.

² В написание слова xutuḡa внесены коррективы: добавлено окончание род. падежа (xütüḡayin).

³ Здесь имеется в виду «Непроходимая река, наполненная горячим песком <...>, которая обтекает три области ада с мечами» [Ковалевский 1837: 139].

⁴ Перевод данного словосочетания представляется затруднительным. Скорее всего, зд. речь идет о звездах, на которых находятся жилища сыновей и дочерей тенгриев (см. [Ковалевский 1837: 127]).

⁵ Здесь имеется в виду Бодхисаттва Авалокитешвара.

⁶ Сукхавати — название райской области (Чистой Земли) Будды Амитабхи.

⁷ Молон-тойн — монгольский эквивалент санскритского «Маудгальяяна, который наряду с Шарипутрой является ближайшим учеником Будды» (см. [Яхонтова 1999: 9]).

⁸ Шарипутра — один из ближайших учеников и последователей Будды Шакьямуни.

⁹ Здесь Манджушри указывает на самого себя.

(7–9)	zürken Nayan-ĵana biliq Sarixabay/in ¹ / onol kigēd Marpeyin ² čidil küčiy {=küčin}-yēr Sokavididu / törüküi boltuĵai::	Пусть [благодаря] знаниям сердечного Нагарджуны ³ , теории Сарахи (Сарахапы), а также силе Марпы получу рождение в Сукхавати.
(9–12)	ĵürbün erdeniyin ünen burxan / bodhisadoyin adis-tīd xoyor čuülyin uryoto (=oĵoto) / töĵüsüqün aĵuü küčiy kigēd nomiyin činariyin / ünen-yēr bütüküi boltuĵai::	Пусть [все] осуществится [в силу] истинности качества сущности (истинного бытия), а также [благодаря] неимоверной силе [от того, что] всецело преисполнился двумя собраниями ⁴ , благословением Будды и бодхисаттвы, истиной Трех драгоценностей.
[5a (12) – 5b (2)]	tebečil onoliyin / müxürtü küröqsün burxan kigēd eše uxani / uü {=öün} ⁵ činar dēdū nom arban ĵazariyin [5b (1)] bodhi-sado xuvaraĵ teriguūten dēdū / ĵürbün o erdeniyin ölze irküi boltuĵai::	Да пребудет счастье (благословение) Трех высших драгоценностей во главе с Буддой, достигшим предела теории [относительно того, что следует] отринуть, а также возвышенного учения, [наделенного] широким качеством провидческого ума, а также бодхисаттв и монахов (сангхи) десяти стран ⁶ света.
(3–4)	tere metü üyiledeqsüni aĵuü küčin-yēr / bi bolbosürin getelküi boltuĵai::	Пусть [благодаря] огромной силе сотворенного подобно тому я усовершенствуюсь и спасусь.
(4–8)	buyani / mörtü sayitür külgülĵi iröliyin xazar-yēr / ürübülün (=urbulun) zalĵi kecenggui tašür-yēr / ötör küdülgeĵi tonilxu mörtü geltülküi / boltuĵai::	Встав ⁷ наилучшим образом на путь добродетели, уздами благопожелания повернув и направив [на правильный путь], кнутом старания (прилежания) быстро ускорив движение, пусть буду освобожден на спасительном пути.
(8–9)	coqtu itegel Nayan-ĵuna / o iröliyin šitüyin üyē kemeküi:	Сиятельное прибежище Нагарджуна, именуемый ступенью благословения.
(9–12)	öüni / ötör бүрē niĵēd üngšixüla mingyan / ĵalabatū xuraqsün kilince todkir / arilajĵ buraxan bolxu bolĵu::	Если каждый скорейшим образом прочитает это по одному [разу], то, очистившись от грехов и препон, накопленных за тысячу калп (кальп), может стать буддой.

¹ Sarixaba — Сарахапа (Сараха), так в ойратском тексте передается имя одного из 84 буддийских махасиддхов Индии; одним из его учеников является Нагарджуна.

² Marpe — здесь упоминается Марпа-лоцзава (1012–1097), знаменитый переводчик буддийских текстов с санскрита на тибетский язык (см. [Андросов 2011: 280]).

³ Нагарджуна — буддийский мыслитель II – нач. III в., основоположник мадхьямики (первой религиозно-философской школы махаяны), автор ее базисных текстов [Андросов 2000: 737].

⁴ «Преисполнился двумя собраниями» — здесь, скорее всего, под «двумя собраниями» (ойр. хоуор čuülyin) имеются в виду «два накопления» (тиб. tshogs gnyis): а) накопление познания и б) накопление благих заслуг [Рерих 1986: 282].

⁵ Слово öün (со значением указательного местоимения единственного числа) вписано справа от основной строки более поздним читателем (пользователем), очевидно, в качестве замены слову uü ‘просторный, широкий’, что представляется ошибочным.

⁶ Здесь досл. ‘десяти земель’.

⁷ Здесь букв. ‘отправившись верхом’.

[6a (1)–(3)]	xuvaraqqiyn manglai xütüqtu Nayan-jana / zokaqsün yurban xoronı dayisü daruxu / xurca mese:	Главный из монахов (сангхи) святой Нагарджуна, сотворивший острый меч, [призванный] подавить врага трех ядов ¹ ,
(3–4)	γürbün yertünciyn dala-/ēce getelküi {...} ongyoco:	лодка, спасающая из океана трех миров ² ,
(4–5)	γürbün külgüni / getelgeküi iröüliyin šatüiyn üyē:	период (ступень) благословения, освобождающий три колесницы ³ ,
(5–6)	öüni aqlaq-/ēce xüraqson arban saγān buyani:	неимоверной силой десяти белых деяний, собранных в этом уединении, прославившийся острым умом, ставший хозяином подношения учению,
(6–8)	aüyüü / küčiyn-yēr aldaršiqson sayin oyütü: / šajini öqgeligin ezen bolün:	
(8–9)	ašüüdin (=ašidayin) / kereqtei araya biliqqiyn mör kereqleq/čiy: ariün on süzüq-yēr burxani büü/teqsün sengge duradıqsün-du	использующий путь способа и знания, вечно необходимых (востребуемых), [благодаря] святой вере воссоздал [образ] Будды, когда Сентге попросил,
[6b (1)–(3)]	pavaridi [6b (1)] raqpa jampa zayā oročölüqsün buyani / aüyüü-bēr bi barin batu Sömör uūla / metü süzüq üüskeji	Павариدي Ракпа Джампа Зая перевел, неимоверной заслугой [от этого] удерживая [собственное] «я», пробудив веру, подобную горе Сумеру,
(3–6)	barimēd zurayan / mör kigēd dörbün züüyil xuraxui-bēr / sayitür dörbün šümnüšiyn darüji burxan / bolxu boltüyai::	благодаря тому, что собрал парамиты, шесть путей, а также четыре разновидности, наилучшим образом подавив четырех шимнусов (демонов), пусть стану Буддой!
(6)	tögüsbē[:] ⁴ sarvā man gi (gha) lam::	Завершилась [дхарани]. Да, пребудет благоденствие!
(7–8)	Mañjuširiyn tangyüraqlüqsün toqtal / tarni inu ene böi::	Это и есть дхарани, клятвенно произнесенная Манджушри.
		«Увшин Эрднэсе авлав. 1970.VIII. 16». [Подпись] ⁵

¹ Три яда — это ‘вожделение, гнев и омраченность (невежество)’ [Перих 1985б: 160; Перих 1985а: 340].

² Троемирие — это ‘небо, земля и преисподняя’ [Ковалевский 1846: 1041].

³ Под Тремя колесницами понимают ‘три способа отвлечь дух от материи’ [Ковалевский 1846: 1041], ‘а) шравакаяну или колесницу шравак (путь спасения монахов), б) пратьекабуддаяну или колесницу пратьекабудд’ и в) колесницу бодхисаттв; первые две относятся к хиньяне, последняя — к махаяне (см. [Перих 1985б: 62]).

⁴ Буддийские тексты, как правило, завершаются фразой об окончании сочинения с указанием его титула. В окончании данной рукописи от этой фразы осталось одно заключительное слово, при этом титул сочинения здесь не повторяется. Полное название сочинения представлено далее, в заключительной фразе: «Mañjuširiyn tangyüraqlüqsün toqtal tarni».

⁵ Данная запись на последней странице рукописи в правой части листа сделана А. В. Бадмаевым.

Выводы

Описанные тексты на ойратском «ясном письме» из коллекции Э. Б. Убушиева, один из которых представлен в транслитерации и переводе и которые отражают культ бодхисаттвы Манджушри, являются свидетельством почитания калмыками этого божества буддийского пантеона. Рассмотренные тексты не единичны, на это указывают две рукописи из коллекции другого известного калмыцкого гелюнга Н. Д. Кичикова.

Несмотря на то, что рукописи дошли до нас с некоторыми утратами, они все же были сохранены священнослужителями и сегодня дают возможность исследователям изучать историю распространения буддизма у калмыков в XX в.

Сокращения

монг. — монгольский

ойр. — ойратский

п.-монг. — письменный монгольский

санскр. — санскрит

тиб. — тибетский

Источники

МТТ — «Mañjuśiriyin tangyüraqłüqsün toqтал tarni inu» («Дхарани, клятвенно произнесенная Манджушри»). Рукопись на «тодо бичиг» («ясном письме»), поступившая от Э. Б. Убушиева (Агван Табдана) // Научный архив КалмНЦ РАН. Ф. 8. Оп. 1. Ед. хр. 13. 6 л. (текст не полн., отсутствует л. 2).

МЗ — «Xutuqtu Mañjuśirin zarlıq» («Наказ (наставления) святого Манджушри»). Рукопись на «тодо бичиг» («ясном письме»), поступившая от Э. Б. Убушиева (Агван Табдана) // Научный архив КалмНЦ РАН. Ф. 8. Оп. 1. Ед. хр. 12. 6 л.

Biography 1967 — Biography of Caya Pandita in Oirat Characters (Rabjamba Čay-a bandida-yin tuyuġi saran-u gerel kemekü ene metü bolai). Redigit acad. prof. Dr. Rinchen. (Предисловие, транслитерация, издание текста Ж. Цолоо) // Corpus Scriptorum Mongolorum. T. V. Fasc. 2–3. Ulanbator: Шинжлэх ухааны академийн хэвлэл, 1967. 101 х.

Mongolian Kanjur 1973–1979 — Mongolian Kanjur from the Collection of Prof. Raghu Vira. Ed. by Lokesh Chandra. Delhi: Jayyed Press, 1973–1979. Vol. 1–108. (Śata-piṭaka series. Indo-Asian Literatures. Vol. 101–208).

Sources

Biography of Caya Pandita in Oirat Characters (Oir. *Rabjamba Čay-a bandida yin tuyuġi saran-u gerel kemekü ene metü bolai*). Prof. Dr. Rinchen (ed.), J. Tsooloo (foreword, transliteration, etc.). Corpus Scriptorum Mongolorum. Vol. V. Fasc. 2–3. Ulaanbaatar: Mongolian Academy of Sciences, 1967. 101 p. (In Oir.)

Dhāraṇī Sworn by Manjushri (Oir. *Mañjuśiriyin tangyüraqłüqsün toqтал tarni inu*). Manuscript in Oirat characters donated by E. B. Ubushiev (Agvan Tabdan). At: Kalmyk Scientific Center (RAS), Scientific Archive. Call no. Ф-8. Cat. I. Item 13. 6 f. (text incomplete, folio 2r–v missing). (In Oir.)

Instructions [Delivered] by Saint Manjushri (Oir. *Xutuqtu Mañjuśirin zarlıq*). Manuscript in Oirat characters donated by E. B. Ubushiev (Agvan Tabdan). At: Kalmyk Scientific Center (RAS), Scientific Archive. Call no. Ф-8. Cat. I. Item 12. 6 f. (In Oir.)

Mongolian Kanjur. Lokesh Chandra (ed.). From the Collection of Prof. Raghu Vira. Delhi: Jayyed Press, 1973–1979. Vols. 1–108. (Śata-Piṭaka Series. Indo-Asian Literature. Vols. 101–208).

Литература

- Андросов 2000 — *Андросов В. П.* Буддизм Нагарджуны: Религиозно-философские трактаты. М.: Вост. лит., 2000. 799 с.
- Андросов 2011 — *Андросов В. П.* Индо-тибетский буддизм. Энциклопедический словарь. М.: Ориенталия, 2011. 448 с.
- Голстунский 1895 — *Голстунский К. Ф.* Монголо-русский словарь. Т. III. СПб.: Лито-гр. А. Иконникова. 491 с.
- Елихина 2010 — *Елихина Ю. И.* Культы основных бодхисаттв и их земных воплощений в истории и искусстве буддизма. СПб.: Филолог. фак-т СПбГУ; Нестор-История, 2010. 292 с.
- Ковалевский 1837 — *Ковалевский О. М.* Буддийская космология. Казань: Унив. тип., 1837. 167 с.
- Ковалевский 1846 — *Ковалевский О.* Монгольско-русско-французский словарь. Т. 2. Казань: Тип. Казанского ун-та, 1846. С. 595–1545.
- Ковалевский 1849 — *Ковалевский О.* Монгольско-русско-французский словарь. Т. 3. Казань: Тип. Казанского ун-та, 1849. С. 1546–2690.
- Лувсанбалдан 1975 — *Лувсанбалдан Х.* Тод үсэг, түүний дурсгалууд / ред. Ц. Дамдинсүрэн. Улаанбаатар: Шинжлэх ухааны академийн хэвлэх үйлдвэр, 1975. 356 х.
- Музраева 2012 — *Музраева Д. Н.* Буддийские письменные источники на тибетском и ойратском языках в коллекциях Калмыкии / отв. ред. Э. П. Бакаева, науч. ред. А. А. Бурыкин. Элиста: НПП «Джангар», 2012. 224 с.
- Музраева 2018а — *Музраева Д. Н.* Коллекция тибетских и монгольских письменных источников Калмыцкого научного центра РАН, поступившая от Э. Б. Убушиева. Штрихи к портрету фондообразователя по дарственным записям // Вестник архивиста. 2018. № 4. С. 1206–1216.
- Музраева 2018б — *Музраева Д. Н.* Из истории бытования сборника буддийских текстов «Сундуй» у калмыков (на материале коллекции Э. Б. Убушиева, хранящейся в научном архиве КалмНЦ РАН) // Oriental Studies (Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН). 2018. Т. 11. № 3 (37). С. 68–94. DOI: 10.22162/2619-0990-2018-37-3-68-94
- Музраева 2021а — *Музраева Д. Н.* О двух ойратских списках «Наказа Манджушри» из коллекции Н. Д. Кичикова (по материалам Кетченеровского краеведческого музея) // Oriental Studies. 2021. Vol. 14. Is. 2. С. 347–363. DOI: 10.22162/2619-0990-2021-54-2-347-363
- Музраева 2021б — *Музраева Д. Н.* Буддийские памятники на «тодо бичиг» («ясном письме») и тибетском языке как источники по истории письменности ойратов и калмыков XVII–XX вв. / отв. ред. Ц. П. Ванчикова. Элиста: КалмНЦ РАН, 2021. 508 с.
- Норбо 1999 — *Норбо Ш. Зая-Пандита (Материалы к биографии) / перевод со старописьменного монгольского Д. Н. Музраевой, К. В. Орловой, В. П. Санчирова / науч. ред. В. П. Санчиров; КИГИ РАН. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1999. 335 с.*
- Позднеев 1911 — *Позднеев А. М.* Калмыцко-русский словарь. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1911. 306 с.
- Рерих 1984 — *Рерих Ю. Н.* Тибетско-русско-английский словарь с санскритскими параллелями. Вып. II. М.: Наука, ГРВЛ, 1984. 407 с.
- Рерих 1985а — *Рерих Ю. Н.* Тибетско-русско-английский словарь с санскритскими параллелями. Вып. III. М.: Наука, ГРВЛ, 1985. 432 с.
- Рерих 1985б — *Рерих Ю. Н.* Тибетско-русско-английский словарь с санскритскими параллелями. Вып. IV. М.: Наука, ГРВЛ, 1985. 374 с.
- Рерих 1986 — *Рерих Ю. Н.* Тибетско-русско-английский словарь с санскритскими параллелями. Вып. VII. М.: Наука. ГРВЛ, 1986. 321 с.

- Сазыкин 2003 — *Сазыкин А. Г.* Ойратская версия «Манджушри нама сангити» // *Mongolica-VI*. Посвящается 150-летию со дня рождения А. М. Позднеева. СПб.: Петербургское востоковедение, 2003. С. 73–81.
- Сыртыпова 2003 — *Сыртыпова С.-Х.* Культ богини-хранительницы Балдан Лхамо в тибетском буддизме (миф, ритуал, письменные источники). М.: Вост. лит., 2003. 238 с.
- Яхонтова 1999 — *Яхонтова Н. С.* Ойратская версия «Истории о Молон-тойне». СПб.: Петербургское востоковедение, 1999. 200 с.
- Krueger 1978 — *Krueger J. R.* Materials for an Oirat-Mongolian to English Citation Dictionary. Part I. Bloomington: Indiana University, 1984. 204 p.
- Krueger 1984a — *Krueger J. R.* Materials for an Oirat-Mongolian to English Citation Dictionary. Part II. Bloomington: Indiana University, 1984. Pp. 205–464.
- Krueger 1984b — *Krueger J. R.* Materials for an Oirat-Mongolian to English Citation Dictionary. Part III. Bloomington: Indiana University, 1984. Pp. 465–816.
- MED 1960 — *Mongolian-English Dictionary* / comp. M. Haltod, J. G. Hangin, S. Kassatkin, F. G. Lessing (gen. ed.). Berkeley; Los Angeles: University of California Press, 1960. 1215 p.
- TED 1993 — *Tibetan-English Dictionary of Buddhist Terminology* by Tsepa Rigzin (2nd ed., rev. and enl.). Dharamsala: Library of Tibetan Works and Archives, 1993. 309 p.

References

- Androsov V. P. *Indo-Tibetan Buddhism: An Encyclopedic Dictionary*. Monograph. Moscow: Orientalia, 2011. 448 p. (In Russ.)
- Androsov V. P. *The Buddhism of Nagarjuna: Treatises in Religion and Philosophy*. Moscow: Vostochnaya Literatura (RAS), 2000. 799 p. (In Russ.)
- Golstunsky K. F. *Mongolian-Russian Dictionary*. Vol. 3. St. Petersburg: A. Ikonnikov. 491 p. (In Mong. and Russ.)
- Kowalewski O. *Dictionnaire mongol-russe-français*. Vol. 2. Kazan: Imperial Kazan University, 1846. Pp. 595–1545. (In Mong., Russ. and Fr.)
- Kowalewski O. *Dictionnaire mongol-russe-français*. Vol. 3. Kazan: Imperial Kazan University, 1849. Pp. 1546–2690. (In Mong., Russ. and Fr.)
- Kowalewski O. M. *Buddhist Cosmology*. Kazan: Imperial Kazan University, 1837. 167 p. (In Russ.)
- Krueger J. R. *Materials for an Oirat-Mongolian to English Citation Dictionary*. Part I. Bloomington: Indiana University, 1984. 204 p. (In Oir. and Eng.)
- Krueger J. R. *Materials for an Oirat-Mongolian to English Citation Dictionary*. Part II. Bloomington: Indiana University, 1984. Pp. 205–464 p. (In Oir. and Eng.)
- Krueger J. R. *Materials for an Oirat-Mongolian to English Citation Dictionary*. Part III. Bloomington: Indiana University, 1984. Pp. 465–816. (In Oir. and Eng.)
- Lessing F. G. (ed.), Haltod M. et al. (comps.) *Mongolian-English Dictionary*. Berkeley, Los Angeles: University of California Press, 1960. 1215 p. (In Mong. and Eng.)
- Luvсанбалдан Kh. *Clear Script and Its Monuments*. Ts. Damdinsüren (ed.). Ulaanbaatar: Mongolian Academy of Sciences, 1975. 356 p. (In Mong.)
- Muzraeva D. N. *Buddhist [Written] Monuments in Oirat ('Clear Script') and Tibetan as Sources on the History of Oirat and Kalmyk Writing Systems: 17th to 20th Centuries*. Ts. Vanchikova (ed.). Elista: Kalmyk Scientific Center (RAS), 2021. 508 p. (In Russ.)
- Muzraeva D. N. *Precepts of the Omniscient [Manjushri]: Two Oirat manuscript copies from the collection of N. D. Kichikov revisited (A case study of materials from Ketchenery Museum of Local History and Lore)*. *Oriental Studies*. 2021. Vol. 14. No. 2. Pp. 347–363. (In Russ.) DOI: 10.22162/2619-0990-2021-54-2-347-363
- Muzraeva D. N. *The collection of Tibetan and Mongolian written sources donated to the archive of the Kalmyk Scientific Center of the RAN by E. B. Ubushiev. Using donation*

- inscriptions to touch up the portrait of donator. *Herald of an Archivist*. 2018. No. 4. Pp. 1206–1216. (In Russ.)
- Muzraeva D. N. The gZungs ‘dus Buddhist texts collection: Excerpts from the history of its existence among the Kalmyks (A case study of E. B. Ubushiev’s Collection from the Archive of the Kalmyk Scientific Center of the RAS). *Oriental Studies*. 2018. Vol. 11. No. 3 (37). Pp. 68–94. (In Russ.) DOI: 10.22162/2619-0990-2018-37-3-68-94
- Muzraeva D. N. Tibetan- and Oirat-Language Buddhist Writings in Kalmykia’s Collections. E. Bakaeva, A. Burykin (eds.). Elista: Dzhangar, 2012. 224 p. (In Russ.)
- Norbo Sh. Zaya-Pandita: Biographical Materials. D. Muzraeva et al. (transl.), V. Sanchirov (ed.) [Kalmyk Humanities Research Institute (RAS)]. Elista: Kalmykia Book Publ., 1999. 335 p. (In Russ.)
- Pozdneev A. M. Kalmyk-Russian Dictionary. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences, 1911. 306 p. (In Kalm and Russ.)
- Rigzin Ts. Tibetan-English Dictionary of Buddhist Terminology. 2nd ed., rev. and enl. Dharamsala: Library of Tibetan Works and Archives, 1993. 309 p. (In Tib. and Eng.)
- Roerich Yu. N. Tibetan-Russian-English Dictionary with Sanskrit Parallels. Is. 2. Moscow: Nauka – GRVL, 1984. 407 p. (In Tib., Russ., Eng. and Sans.)
- Roerich Yu. N. Tibetan-Russian-English Dictionary with Sanskrit Parallels. Is. 3. Moscow: Nauka – GRVL, 1985. 432 p. (In Tib., Russ., Eng. and Sans.)
- Roerich Yu. N. Tibetan-Russian-English Dictionary with Sanskrit Parallels. Is. 4. Moscow: Nauka – GRVL, 1985. 374 p. (In Tib., Russ., Eng. and Sans.)
- Roerich Yu. N. Tibetan-Russian-English Dictionary with Sanskrit Parallels. Is. 7. Moscow: Nauka – GRVL, 1986. 321 p. (In Tib., Russ., Eng. and Sans.)
- Sazykin A. G. Mañjuśrī-Nāma-Saṃgīti: An Oirat version. *Mongolica*. 2003. Vol. VI. Pp. 73–81. (In Russ.)
- Syrtyanova S.-Kh. Cult of the Protector Deity Palden Lhamo in Tibetan Buddhism: Myth, Ritual, Written Narratives. Moscow: Vostochnaya Literatura, 2003. 238 p. (In Russ.)
- Yakhontova N. S. The Story of Molon Toyin: An Oirat Version. St. Petersburg: Peterburgskoe Vostokovedenie, 1999. 200 p. (In Russ.)
- Yelikhina Yu. I. Cults of Major Bodhisattvas and Their Earthly Emanations in the History and Art of Buddhism. St. Petersburg: St. Petersburg University (Faculty of Philology), Nestor-Istoriya, 2010. 292 p. (In Russ.)

ЭТНОЛОГИЯ И АНТРОПОЛОГИЯ

УДК / UDC 94(47)

DOI: 10.22162/2500-1523-2023-2-223-239

Место встречи и пространство обмена: роль постсоветского рынка в жизни городского сообщества (на примере г. Элисты)

Алтана Марковна Лиджиева¹

¹ Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. им. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)

аспирант, младший научный сотрудник

 0000-0003-3932-0354. E-mail: kulminova[at]gmail.com

© КалмНЦ РАН, 2023

© Лиджиева А. М., 2023

Аннотация. *Введение.* В статье рассматриваются место, функции и значение общественного рынка в пространстве города. *Цель* исследования — рассмотреть место, функции и значение рынка в общественном пространстве Элисты. *Материалы.* Исследование проводилось с использованием структурно-функционального метода и метода включенного наблюдения. *Результаты.* Центральный казачий рынок является важнейшим ресурсом для формирования рыночной экономики г. Элисты, прослойки малого и среднего бизнеса. Рынок значительно видоизменился на этапах своего существования в границах городского ландшафта, оказавшись наиболее подходящим местом для торговли и снабжения населения в различные периоды развития города. По месту в общественной жизни рынок формировал функцию единой территории и структуру транспортных потоков.

Ключевые слова: публичные рынки, город, Элиста, пространство, история, продавцы, ярмарки

Благодарность. Исследование проведено в рамках государственной субсидии — проект «Юго-восточный пояс России: исследование политической и культурной истории социальных общностей и групп» (номер госрегистрации: 122022700134-6)

Для цитирования: Лиджиева А. М. Место встречи и пространство обмена: роль постсоветского рынка в жизни городского сообщества (на примере г. Элисты) // Монголоведение. 2023. № 2. С. 223–239. DOI: 10.22162/2500-1523-2023-2-223-239

A Meeting Point and Space of Exchange: The Role of Post-Soviet Marketplaces in Urban Community Life (A Case Study of Elista)

Altana M. Lidzhieva¹

¹ Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilishkin St., 358000 Elista, Russian Federation)
Postgraduate Student, Junior Research Associate

 0000-0003-3932-0354. E-mail: kulminova[at]gmail.com

© KalmSC RAS, 2023

© Lidzhieva A. M., 2023

Abstract. *Introduction.* The article discusses the place, functions and significance of marketplaces in urban space. *Goals.* So, the paper particularly aims to consider the place, functions and significance of the marketplace in the public space of Elista. *Materials.* The study employs the structural-functional method and that of participant observation. *Results.* The Central Cossack Bazaar is an important resource for the shaping of Elista's market economy — small and medium-sized businesses. The marketplace has changed essentially through the stages of its existence within boundaries of the urban landscape, and would prove a most suitable place for trade and supply of the population in certain historical periods. Its place in public life formed the function of a common territory and shaped the structure of traffic flows.

Keywords: marketplaces, city, Elista, space, history, venders, fairs

Acknowledgements. The reported study was funded by government subsidy, project no. 122022700134-6 'The Southeastern Belt of Russia: Exploring Political and Cultural History of Social Communities and Groups'.

For citation: Lidzhieva A. M. A Meeting Point and Space of Exchange: The Role of Post-Soviet Marketplaces in Urban Community Life (A Case Study of Elista). *Mongolian Studies*. 2023; 2: 223–239. (In Russ.) DOI: 10.22162/2500-1523-2023-2-223-239

Введение

Современные процессы глобализации, сопровождающиеся цифровизацией всех сфер жизни и другими динамичными модернизационными трансформациями, оказывают сильное влияние на состояние спроса и предложения, виды организации и динамику деятельности современных товарных рынков. Однако рынки остаются «феноменом городской публичной культуры, частью „городской сцены“, средоточием общественной и культурной жизни, местом общения горожан» [Паченков Воронкова 2014: 136–137].

Как отмечают исследователи, «постсоветские рынки под открытым небом, в том числе и „этнические“, были важнейшей составной частью постсоциалистического транзита, возникая на огромном пространстве от Вьетнама до Германии и связанные активностью миллионов „челноков“ — торговцев, они были частью мировой системы, по которой шли огромные потоки товаров, денег, людей» [Дятлов 2015: 9].

Развитая инфраструктура, которая неизбежна вокруг различных торговых площадок, дифференцированная сеть торговых покупательских практик обращает каждый конкретный рынок в специфический объект, где зачастую встречаются различные этнические группы. Как справедливо утверждает Я. С. Гузей, «формат таких рынков позволяет обеспечить работой массу приезжих, ищущих заработка. И в этом случае рынки становятся как сферой приложения их деловой коммерческой активности, так и „удобной“ площадкой для их адаптации, а окружающими такие рынки этнически маркируются» [Гузей 2015: 159].

Современная отечественная этнология, замечают Ю. П. Шабаев, Ю. В. Поляков и В. Э. Шарапов, «сохраняет традицию изучения отдельных групп горожан

и специфических локусов городского пространства (рынков, где процветает этническое предпринимательство, цыганских предместий)» [Шабает, Поляков, Шарапов 2021: 129].

Специфика локусов пространства в городе, к которым, без сомнения, относятся и постсоветские рынки как явление городской жизни, в том, что они относительно недавно стали предметом научного интереса ученых. Малоизученность данной проблемы сохраняет свою актуальность, позволяя исследователям поставить множество интересных вопросов, среди которых такой: «действительно ли „этнические рынки“ являются лишь торговыми площадками, на которых действуют на свой страх и риск отдельные торговцы, или же там сложились устойчивые и эффективные внутренние механизмы регулирования, контроля и власти? Если да — то являются ли они этническими — или клановыми, но этнически маркированными?» [Дятлов 2015: 36].

Заметим, что постсоветские рынки как место этнокультурных различий играют значительную роль в жизни малого города, где представители титульного этноса, находясь в изоляции от родственников по происхождению этнических групп (на примере Калмыкии), сумели создать городские сообщества вопреки условиям и, что особенно важно, в окружении иных по происхождению этнических групп с иной культурой, являясь «местом встречи и взаимного привыкания людей различных культур <...> неотъемлемой частью городского пространства в качестве олицетворения не только торговли и рыночных отношений, но и особого культурного феномена» [Дятлов 2015: 37].

На примере рынка города Элисты в статье показано, как и когда актуализируется этничность в пространстве города. Центральный казачий рынок ориентирован на внешнюю и внутреннюю торговлю, обслуживая потребности и интересы покупателей. Рынок является самым популярным местом для шопинга в Элисте, особенно для туристов, прибывающих в республику из разных городов мира. Сегодня на рынке можно встретить как местных жителей, так и мигрантов. Следуя теоретической концепции микроурбанизма¹ как «близкого взгляда» на город с возможностью разглядеть его через мелочи и детали, в статье мы анализируем роль, структуру и значение этнического рынка в городской жизни.

Анализ постсоветских рынков как репрезентации локуса можно обнаружить в работах К. Гирца [Гирц 2004], К. Хэмфри, В. Сквирской [Хэмфри 2009]. Богатый материал можно обнаружить в трудах В. И. Дятлова, И. О. Пешкова, Е. Г. Трубиной, К. В. Григоричева и Ю. Н. Пинигиной, Д. О. Тимошкина, Д. Е. Брызгина [Дятлов 2015; Пешков 2015; Трубина 2010; Григоричев, Пинигина 2019; Тимошкин 2018; Брызгина 2019] и др.

¹ Микроурбанизм как теоретический подход в антропологии был предложен группой авторов (из Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики») — О. Е. Бредниковой, О. Н. Запорожец и др. Концепция микроурбанизма связана прежде всего с микросоциологией, предполагающей гуманистическую перспективу, которая заключается в приоритетном внимании к людям и их повседневности, а не к социальным группам и структурам. Кроме того, концепция микроурбанизма отсылает к особой оптике, позволяющей внимательно рассмотреть детали и мелочи, которые, складываясь в различные констелляции, во многом и составляют социальную жизнь городов [Бредникова, Запорожец 2014: 15].

Материалы авторов рассматривают особенности принимающего сообщества и организации этнических рынков «Шанхай» (г. Иркутск), «Маньчжурия» (г. Иркутск), «Русский рынок» (г. Пекин), «Китайский рынок» (г. Иркутск, г. Новосибирск), Черкизовского рынка (г. Москва). Наше же исследование направлено на частичное восполнение существующего пробела в области исследований и рассмотрение места, функций и значения рынка в общественном пространстве г. Элисты.

От колхозного до Казачьего: историческая основа рынка

Из истории рынка Элисты известно, что его основание относится к концу 1950-х – началу 1960-х гг. Это было время восстановления автономии Калмыкии и активного возрождения ее территории, особенно столицы автономной области, затем — республики.

Началось и строительство рынка, получившего название «колхозный рынок». Он был открыт в 1962 г. и представлял собой один крытый каменный павильон с небольшими магазинами, в которых осуществлялась торговля мясной продукцией (см. фото 1, 2, 3).

Вот как вспоминает о колхозном рынке наш собеседник: «Родители всегда заглядывали туда за мясом. Помню мясников в фартуках и с топорами, огромные пни с опилками для рубки мяса, а высоко под крышей летали ласточки. В помещении всегда было прохладно и темно. И немного не по себе. Если обойти здание слева под аркой, то можно было попасть в любимый отцовский магазин скобяных товаров, где продавались всякие инструменты, железки, а на весах с гирями лежали горкой гвозди. Чуть дальше слева принимали овечьи шкуры, иногда они сушились на солнце, а еще ниже продавали керосин. Между арками находились и магазинчики: справа книжный, слева — мебельный» [ПМА 2023: Инф. 2].

Или другой пример: «Очень хорошо помню крытый рынок, его прохладное помещение с очень, как казалось тогда в детстве, высоченными потолками, тоже часто родители заходили туда. Помню и магазинчик скобяных товаров, мебельный и книжный... Если не ошибаюсь, еще был мясной магазин в подвале в здании, где кафе „Спутник“. Когда родители приехали в Элисту по распределению, рассказывали, какое изобилие там было: мясо разных видов, какое хочешь, тушенка, и все это сравнительно недорого, говорили, что брали все, что душе было угодно» [ПМА 2023: Инф. 1].

В 1960–1970-е гг. центральный городской рынок оставался малоизменным, даже при размещении на его территории газетных киосков и пивных ларьков. Центральный рынок оставался местом обмена между торговцами и покупателями, местом работы для элистинцев, использования городского пространства и иных повседневных практик горожан.

Новая фаза развития рынка, начавшаяся не позднее начала 1980-х гг., характеризуется возведением новых зданий и сооружений территории рынка. В 1983 г. было построено новое здание рынка, с огороженной территорией, получившее, по словам респондента, название «Центральный казачий рынок» [ПМА 2023: Инф. 3].

В. И. Дятлов отмечает: «„колхозные рынки“ и „барахолки“ были не очень любимым и совсем не уважаемым феноменом социалистического общества, но вполне законным» [Дятлов 2015: 21].

Фото 1. Фото из газеты «Хальмг үнн» (1962. № 12). Перевод подписи под снимком на русский язык: «В Элисте откроется несколько продуктовых павильонов около рынка. На фото изображен продуктовый базар.

Фото В. Эрдниева»

[Fig. 1. Picture depicting the food bazaar. Legend: 'Elista to host several more outdoor food pavilions near the marketplace'. Published by the *Khalmg ünn* (no. 12, 1962).

Photo by V. Erdniev]

Фото 2. Фото из газеты «Советская Калмыкия» (1962. № 2).

Колхозный рынок в Элисте. Народная комиссия во главе с героем Советского Союза, участником Великой Отечественной войны Б. М. Басановым (справа) принимает колхозный рынок

[Fig. 2. Kolkhoz Bazaar in Elista. People's Commission headed by the Hero of the Soviet Union and WWII veteran B. Basanov (on the left) in charge of facility acquisition.

Photo published by the *Sovetskaya Kalmykia* (no. 2, 1962)]

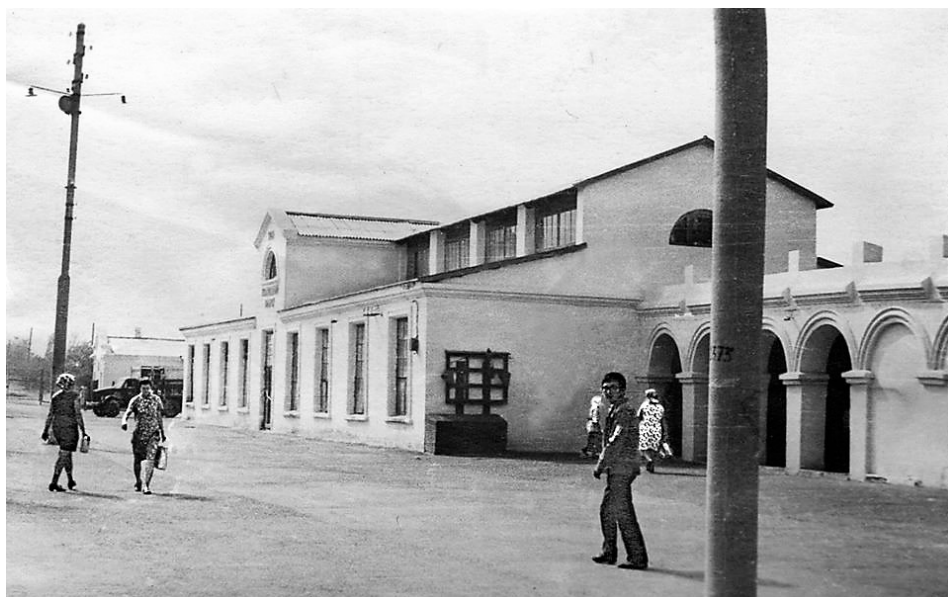

Фото 3. Фото из газеты «Советская Калмыкия» (1962. № 2)

Здание колхозного рынка в Элисте. 1962 г.

[Fig. 3. Building of the Kolkhoz Bazaar in Elista, 1962.

Photo published by the *Sovetskaya Kalmykia* (no. 2, 1962)]

Однако, как пишут О. В. Паченков, и Л. В. Воронкова на примере Санкт-Петербурга, отношение к рынкам изменилось «в последние десятилетия <...> появились группы горожан, способные воспринимать его иначе — в значительной степени благодаря опыту посещения европейских и американских барахолок» [Паченков Воронкова 2014: 136].

Описание рынка

Основанный в 1962 г., Центральный казачий рынок претендует на звание главного центрального рынка города. Центральный казачий рынок работает ежедневно с 9.00 до 18.00 часов. Свободного доступа к центральному как такового нет. Вместо этого покупатели должны прокладывать себе путь через узкие торговые ряды (см. фото 4).

У входов в рынок нет карты торговых павильонов и рядов, обозначающих виды товаров (посетителю приходится бродить более часа, для того, чтобы купить небольшой товар). Центральный казачий рынок — не торговый центр. Он не претендует на комфорт и удобство. Пространство рынка зажато между перерытыми подъездными путями улиц Горького и Республиканской, где располагаются шлагбаумы, за проезд к рынку приходится платить. Ограниченный улицами с четырех сторон рынок вытянут на четыре километра в длину, при этом ширина улиц не более двухсот шагов. Центральный казачий рынок не имеет дождевой канализации для эффективного отвода природных осадков, и, как следствие, после выпадения осадков и таяния снега во многих местах пространство заполнено водой. Перенасыщенность временными сооружениями рынка затрудняет выполнение правил благоустройства, пожарной безопасности. У центрального рынка имеются административное здание и полиция.

Он не окружен стеной и не защищен ничем, кроме металлического забора из профлиста — безопасность торговцев обеспечивается круглосуточной охраной. В настоящее время ситуация на рынке усугубляется большим скоплением беспорядочно припаркованных автомобилей.

Фото 4. Торговые ряды Центрального казачьего рынка в Элисте. 2023.
Фото автора

[Fig. 4. Rows of shopping stalls in the Central Cossack Bazaar of Elista, 2023.
Photo by author]

Каждый день торговля начинается в 9 утра. Центральный рынок торгует одеждой различных моделей, обувью, электротоварами, гигиеническими и чистящими средствами, товарами для дома и декора, продуктами питания (домашним маслом, сметаной, молоком, сыром, творогом, фруктами, свежей зеленью, овощами, а также сладостями и хлебобулочными изделиями) и мясной продукцией. Здесь, на рынке, также торгуют спортивным инвентарем, фото- и компьютерной техникой, косметикой, изделиями из кожи, запчастями для автомобилей и другой техники, сувенирами.

Отметим, что торговые палатки, расположенные на улицах, прилегающих к рынку, не имеют статуса потребительского рынка. Городское зеленое хозяйство формально отвечает за территорию в центре города, где предприниматели занимаются реализацией товаров народного потребления. Сегодня наиболее распространена аренда торговой площадки по договору. Как правило, владельцы рынка сдают отдельные места различной площади, от 20 м² до 358 м². Арендовать можно полностью или по отдельности. Арендная плата фиксированная, в среднем от 300 до 500 рублей в день, по словам респондентов, и она может меняться по результатам обсуждения с продавцами [ПМА 2023: Инф. 3].

Если горожане могут посещать рынок непродолжительное время за счет пешеходной доступности, то для сельских жителей посещение рынка обычно совершается в ситуации одно-двухдневной поездки, причем большинство из них

приезжает покупать как оптом, так и в розницу, чтобы затем продать товары в небольших районах и сельских поселениях. Выезжая в 6 утра на автомобиле или легковом такси в субботу или любой другой удобный день недели, жители села могут добраться до Центрального рынка к обеду, успеть на ранние распродажи, перекусить и уже к вечеру быть дома. В некоторых селах республики имеются собственные рынки, периодически пополняемые товарами, привозимыми из соседних южнороссийских городов.

В зимнее время структура и форма рынка незначительно меняются: многочисленные продавцы фруктов и овощей оккупируют крытые прилавки, чем вызывают недовольство арендаторов соседних прилавков с мясной продукцией и принадлежащей рынку парковки. На рынке имеются закусочные и кафе. Несколько доставщиков еды, которые готовят дома, продают пироги, чай и сублимированный кофе, а также традиционные мясные блюда, к примеру манты¹. Рынок закрывается около 18:00, после этого все машины разъезжаются, не остается ничего, за исключением опустевших павильонов и закрытых торговых рядов с валяющимися пустыми картонными коробками (см. фото 5).

Фото 5. Центральный казачий рынок в зимнее время. Элиста. 2023.

Фото автора

[Fig. 5. Central Cossack Bazaar in winter. Elista, 2023. Photo by author]

Покупатели и продавцы

В выходные дни пространство рынка полностью заполнено людьми — продавцами и покупателями. Торговля осуществляется продавцами. Подавляющее большинство из них — женщины разного возраста. Некоторым видам товаров

¹ Традиционное, преимущественно мясное блюдо народов Центральной Азии, Турции, Монголии, Кореи, России, Украины, Таджикистана, Киргизии, Казахстана, Узбекистана и Китая, состоящее из мелко нарубленного мяса в тонко раскатанном тесте, приготовленное на пару в мантоварке. Заимствованное русским языком из тюркских, это слово восходит предположительно к китайскому «маньтоу».

отведены свои торговые ряды, в частности одежде. Товары для торговли закупаются продавцами оптом. Особенностью этого процесса является то, что многие местные продавцы отслеживают рекламу поставщиков через социальные сети, а ассортимент моделей, привозимых на рынок, схожий как на самом рынке так и в магазинах, торговых центрах, модных шоурумах, однако в последних ассортимент моделей значительно дороже. Продавцы «закупают» одежду оптом на крупных вещевых рынках городов России. Самые популярные — это вещевой рынок «Садовод» (г. Москва), вещевой рынок г. Пятигорска. Как рассказывает наш собеседник, она «... ездила в Пятигорск, получается, можно ездить в Пятигорск, опять же первое время, когда ты открываешь магазин, ты едешь сама, выбираешь. ... Качество: нормальное, не нормальное. Потом, когда с поставщиком налаживается связь, просто ему заказываешь, и он тебе почтой все это присылает» [ПМА 2023: Инф. 1].

В период сезонных распродаж многие местные продавцы могут отправиться за пределы страны, в государства Западной и Восточной Азии, к примеру, в Турцию, ОАЭ, Китай. Покупка оптом из Китая особенно популярна среди местных продавцов. Так, наш информант сообщал, что знакомые утверждают: они все привозят с рынка «Садовод», причем в течение многих лет. Но есть и те, кто заказывает в Турцию товары [ПМА 2023: Инф. 2].

Еще одним направлением для закупки товаров становится Республика Корея. По нашему мнению, популярность корейских товаров связана с процессами адаптации зарубежных иностранных продуктов (музыка, кино, танцы, косметика) в Южной Корее по образцу Японии, которая с 1980-х гг. оказалась под сильным влиянием американской и европейской культуры. Сначала Япония, а затем и Южная Корея к 2000-м гг. смогли не только копировать и адаптировать продукты креативной сферы стран-доноров (США и европейских стран) под локальные стандарты, но и преобразовать их с включением национальной специфики.

Как и в любых товарно-денежных отношениях, на центральном казачьем рынке возникают случаи введения покупателя в заблуждение¹: «И я говорю, просто они [магазин] позиционируют себя, что они заказывают вещи из Кореи и продают эти „корейские“ вещи с китайскими бирками. И типа у них все только лучшее... Она посмеялась и говорит: „я ее видела и на Пятигорском рынке и в Москве, пусть не врет!“» [ПМА 2023: Инф. 2].

Немалое значение имеет торговля бижутерией и украшениями. В ассортименте магазинов на центральном рынке г. Элисты представлены товары более 60 популярных российских брендов, разрешенных к продаже в России, с которыми местные продавцы заключили официальные дистрибьюторские отношения. Это мера повысила уровень доверия у покупателей рынка, уверенных в качестве оригинальной продукции и отсутствии риска купить фальсифицированную продукцию. Этим видам товаров также отведены начальные торговые ряды у входа на рынок.

Мужчины, их гораздо меньше, также занимаются продажей различных товаров на рынке. Они продают, как правило, электросветовую технику, спортивный инвентарь, запчасти для автомобилей и иную технику. Как замечают

¹ Что преследуется административной и уголовной ответственностью ст. №14.7 Кодекса РФ об административных правонарушениях. — А. Л.

К. Хэмфри и В. Сквирская, «рынок не задает вопросов о гражданстве, визе или статусе убежища ни торговцев, ни покупателей» [Хемфри 2009].

Другое дело — российские таможенные органы. В период сезонных распродаж продавцы отправляются в Турцию, ОАЭ, Корею за покупками и товарами в надежде успеть как на специальные предложения и скидки для продавцов, так и воспользоваться системой «tax free», подразумевающей косвенный возврат налога.

Как нам рассказывали респонденты, они сталкивались с трудностями, когда им необходимо было доказывать соблюдение ограничений на беспошлинный ввоз товаров для граждан Российской Федерации. Согласно официальной информации Федеральной таможенной службы о правилах беспошлинного ввоза товаров физическими лицами, действующих с 1 октября 2022 г., отмечается, что «с конца апреля 2022 г. по конец сентября 2023 г. включительно (за исключением переходных периодов с 1 по 9 октября 2022 г. и с 1 по 9 апреля 2023 г.) норма беспошлинного ввоза товаров для личного пользования, ввозимых в сопровождаемом и (или) несопровожаемом багаже видами транспорта, отличными от воздушного, или в пешем порядке, установлена в размере 1 000 евро и 31 кг» [Информация о нормах 2022].

В других ситуациях продавцы платят комиссию, «размер единичной ставки таможенных пошлин налогов остался на действующем уровне (30 % от стоимости, но не менее 4 евро за 1 кг превышения)» [Информация о нормах 2022].

Безусловно, главная причина, которая побуждает продавцов Центрального казачьего рынка торговать на рынке, является экономическая, желание заработать. Однако не только из-за дохода люди находятся на рынке зимой и летом. Зачастую люди приходят для того, чтобы пообщаться, ощутить себя «своими», поскольку в обыденной жизни подчас не находится такой возможности. Поэтому вполне точным кажется суждение О. В. Паченкова и Л. В. Воронковой о том, что рынок «кажется уникальным пространством», где «бывшие-и-все-еще-советские люди» «среди новых ценностей, стилей и образов жизни, стилей потребления <...> организовали клуб по интересам» [Паченков, Воронкова 2014: 144]. «Здесь они окружены социально близкими и знакомыми вещами <...>, знакомыми звуками <...>, понятными разговорами на интересующие темы (разговоры про то, что „сахар раньше был слаще, а солнце ярче“...)» [Паченков, Воронкова 2014: 144]. Все это делает блошинный рынок ностальгическим феноменом. «Поход на „Удельную“ по выходным превращается для его завсегдатаев не просто в способ предаться ностальгии, но в своеобразный праздник, в ходе которого можно погрузиться в знакомую и потому приятную атмосферу, поболтать, увидаться, выпить и закусить с товарищами, обругать политиков, пожаловаться на семью и получить поддержку, понимание и сочувствие со стороны часто незнакомых, но близких по духу людей» [Паченков, Воронкова 2014: 144–145].

Покупатели

В исследуемом поле присутствуют покупатели различного возраста. Десятки и сотни школьников и студентов, доставщиков и сотрудников посещают Центральный казачий рынок каждый день: утром, днем и вечером и в перерывах между работой или в другом случае, когда и если им необходимо пойти в банк,

в кофейню, аптеку, пекарню — поскольку вблизи находится Центральный казачий рынок. Ежедневно покупатели борются за право пересекать пространство рынка с одной стороны, а водители — с другой стороны, поскольку, как было описано выше, ситуация на рынке усугубляется большим скоплением беспорядочно припаркованных автомобилей, которые не то чтобы не останавливаются, как того требуют правила ПДД, а проезжают и не пропускают покупателей, переходящих дорогу по улице Ю. Нейман. Местные продавцы рынка говорят, что «с этим беспорядком нужно что-то делать и решать» [ПМА 2023: Инф. 3].

Но с точки зрения пространственной организации на пересечении улиц Горького и братьев Алехиных нет ничего, нуждающегося в ремонте. Кроме того, никакой ремонт здесь не поможет. На рынке, безусловно, творится беспорядок и хаос, но этот беспорядок и хаос воспроизводится ежедневно и, по нашему мнению, необходим для поддержания порядка. При первом посещении может показаться, что перегруженный Центральный казачий рынок внушает чувство загрязненности и беспорядка, однако, несмотря на десятки нарушений, люди на центральном рынке достаточно хорошо разбираются в том, что происходит. Набор практик, который они совершают для этого, сложнее всех предписаний в общем и целом.

Покупатели разного возраста делают выбор в пользу качественного товара. На уровне первоначального наблюдения значительная масса покупателей имеет типичный вид. Большинство из них передвигаются по рынку быстро, кто-то может переговариваться между собой либо с другими лицами по телефону, а кто-то может держать несколько сумок и пакетов одновременно. Семантически внешний вид покупателей довольно однообразный. Наиболее характерный цвет одежды зависит от времени года. В летнее время можно встретить покупательниц, в основном женщин, одетых в белые или молочные тона. Мужчины также носят светлую одежду. В холодное время года элементом верхней одежды покупателей являются зимние куртки и пуховики.

Главные посетители центрального казачьего рынка — люди разных возрастных категорий и пола: женщины и мужчины, а также подростки и люди пожилого возраста. С точки зрения наблюдателя эти люди внешне не сильно отличаются от других посетителей, пользующихся рынком. Однако продавцы торговых палаток идентифицируют тех покупателей, кто проходит к прилавкам за товаром. Повседневность рынка следующая: действия покупателей соотносятся с определенными товарами. Так, например, женщина средних лет (согласившаяся стать нашим респондентом: [ПМА 2023: Инф. 4]) подходит к прилавку с цветочным медом. На ценнике указано, что стоимость 1 кг меда — 200 рублей, а привезли его из села Яшалта и г. Городовиковска (Калмыкия). Продавец показывает на баночки с медом. Покупательница обходит прилавков для того, чтобы подойти поближе к меду. «Это сказка», — говорит продавец. «Я гречишный всегда беру», — отвечает женщина. «Гречичка темная всегда. Вон она у меня стоит. Гречка дешевле всегда» — отвечает продавец. «А что это, чудо-мед какой-то?» — спрашивает другой покупатель. «Мне нравится, — отвечает продавец, — Когда фасую, я пробую». Дает покупательнице попробовать на вкус ложечку меда: «Ну как мед?». «Сейчас», — отвечает покупатель. «А Вы разбираетесь в меде, да?» — снова задает вопрос второй покупатель. «Вы зна-

ете, для меня критерий какой? Чтобы он не был приторно сладкий. Терпеть не могу, чтобы внутри чувствовался сахар», — отвечает покупательница. «Ну, этот как?». «Дайте мне еще гречишный для сравнения...».

Покупатели не рефлексиируют и не реагируют на проходящих людей. Иногда могут обернуться, останавливая взгляд на ком-то. Если в очереди рядом стоит еще один покупатель, может завязаться беседа (какой товар лучше, вкуснее или наиболее подходит, если запланировано торжественное мероприятие), разговор может завязаться также, если рядом подростки и люди пожилого возраста.

Власть: город и рынок

Рассмотрим подробнее особенности взаимодействия власти и рынка. В начале 2000-х гг. Центральный казачий рынок был местом ожесточенных столкновений между городскими властями и владельцами рынка. Этот вопрос широко освещался в местной печати [[Халгинова 2008](#); [Иванова 2004](#); [Антонова 2004](#)], особенно во время вмешательства городских властей, взявшихся устанавливать свои правила на центральном рынке. Как замечал экс-глава администрации города В. Шалтыков, «Центральный казачий рынок является лицом города, и он должен отвечать всем современным архитектурным, санитарным и гигиеническими требованиям. Эти требования мы предъявляем ко всем рынкам, но Центральный — главный рынок Элисты, поэтому мы решили навести порядок на нем, чтобы потом остальные подтягивались к его уровню» [[Шалтыков 2004: 2](#)].

Так городские власти развернули активную работу по наведению порядка на рынках города. С этой целью была организована проверка деятельности рынков из-за нехватки территории, перегрузки и городской тесноты на торговых палатках. На момент проверки выявили следующие нарушения: «специализация рынка и зонирование по группам реализуемых товаров не согласованы с администрацией города, указатели торговых зон имеются частично, места не пронумерованы, отсутствуют сведения о продавцах, государственной регистрации предпринимателей; перепродажа плодоовощной продукции осуществляется лицами без государственной регистрации, имеют место случаи использования продавцами в работе неисправных весов, облегченных гирь» [[Информация 2004: 6](#)].

В местах продажи говяжьих субпродукты хранились на земле в картонных упаковках. При продаже мяса, молока, рыбы, молочных продуктов, колбасных изделий не соблюдались требования санитарного регламента. Торговые места для реализации плодоовощной продукции не соответствовали санитарным и архитектурным нормам, рабочие места продавцов были захлаплены пустой тарой и посторонними предметами [[Информация 2004: 5](#)].

Серьезную озабоченность вызывала сложная криминогенная ситуация на рыночной территории. Никаких мер по оснащению окон склада решетками принято не было. Как следствие, комиссия выдала следующие предписания: администрация рынка должна была насчитывать торговые места и заполнять реестр продавцов, осуществляющих предпринимательскую деятельность в сфере сельскохозяйственной продукции, в режущем помещении должны были следить за санитарным состоянием блока, предписывалось при необходимости обрезать и спланировать блок, а также каждый месяц отправлять в Министерство по

налогам и сборам РФ полный список предприятий и индивидуальных предпринимателей, заключивших соглашения о торговле или оказании услуг с администрацией Центрального казачьего рынка с указанием торгового расположения. Вместе с этим следовало приобрести контейнеры для сборки мусора, заключить договор на его вывоз и исправить остальные нарушения [Информация 2004: 5].

Стремление контролировать рынки является характерной особенностью городских властей повсеместно. Сходные ситуации фиксируются исследователями, например, на городских рынках Владивостока. На базаре во Владивостоке, в частности, городские власти несколько раз передвигали площадку базара, не останавливаясь при этом и перед насильственными мерами [Григоричев и др. 2019: 49]. Первоначально они руководствовались соображениями городского планирования и санитарии, затем же на первый план выходит задача организации собственно рыночной жизни, административного контроля и сбора налогов. В конечном счете городские власти начали определять, когда и где будут располагаться базары, где, в каких помещениях и в каком порядке они должны располагаться. Власти города проводили торги на право строить такие помещения и вести постоянную торговлю, определять порядок и размеры налогов и сборов с продавцов, контролировали санитарное состояние, назначали администрацию [Григоричев и др. 2019: 49].

Возвращаясь к теме особенностей взаимодействия местной власти и центрального рынка г. Элисты, заметим, что администрация рынка в ответ высказывала свои претензии о предвзятом отношении к ее деятельности и вообще незаконности решения Элистинского городского собрания. Так владельцы рынка подали иск о признании незаконным решение Элистинского городского собрания № 21 от 16.07.2004 г. [Антонова 2004: 2].

Владельцы рынка утверждали, что Центральный казачий рынок — это частное предприятие, которое имеет право заключать договор аренды с любым предпринимателем [Антонова 2004: 2]. Согласно Конституции Российской Федерации, Гражданского кодекса РФ и закона «О местном самоуправлении в Республике Калмыкия», у депутатов муниципального образования нет законных оснований для принятия такого решения. Кроме того, «специализация рынка, его зонирование по группам реализуемых товаров определяется административной организацией, то есть администрацией рынка по согласованию с органами местного самоуправления, управлением Федеральной службы по надзору в сфере защиты прав потребителей по РК, инстанции по ветеринарному и фитосанитарному надзору [Антонова 2004: 2].

В результате для поддержания порядка и запросов покупателей владельцы рынка нашли свою стратегию выживания. По выводам «повторной проверки для удобства покупателей проведен косметический ремонт помещений для торговли цветами и рыбой, проведен подвод воды и канализации, в павильоне установлены раковины, бесплатный общественный туалет подключен к городским коммуникациям» [Антонова 2004: 2].

Как видим, административные ограничения, которые осложняют работу рынка, носят достаточно ограниченный характер, касаясь лишь отдельных кусков рынка. Были зафиксированы ситуации нарушений, в которых участвовали только отдельные группы торговцев. Так, торговцы участвовали в коллективных

обсуждениях, когда городские власти хотели перенести рынок на окраину города в 2004 г. В свою очередь, когда городские власти начали всерьез прорабатывать задачу закрытия рынка, и вокруг этого развернулась ожесточенная судебная борьба, активное участие в этой борьбе приняли владельцы и торговцы.

Заключение

«Формирование того или иного публичного пространства происходит по разным „сценариям“ в рамках единого развития городской среды» [Лиджиева 2020: 1402].

Прямым историческим предшественником центрального рынка г. Элисты служил так называемый «колхозный рынок», представлявший торговую площадку и в советское время специализировавшийся на мясной торговле, сбыте овечьих шкур непрофессиональными продавцами. По месту в публичной жизни рынок формировал функцию снабжения горожан продукцией первой необходимости, производимой в основном в сельской местности. Функциональность места формировала внутреннюю структуру потоков мобильности транспорта, организацию близлежащих пространств города. В период стабильного развития, в 1980–1990 гг. [Серебренникова 2009: 165], когда создавалась развитая и сложная система оптовой и розничной торговли, эта функция не отошла на второй план.

В постсоветскую эпоху рынок принял положение центра (места концентрации) рыночных отношений, прослойки малого и среднего бизнеса.

Изменился внешний вид и наполнение рынка, поэтому воспоминания тех, кто бывал на центральном рынке в период его основания, сильно отличаются от более современных.

Определился состав участников рыночной торговли (магазинов, ремонтных лавочек, кафе, сервисных центров и др). Покупатели различного возраста совершают выбор в пользу более качественного товара и тем самым формируют экономическую активность. В силу ограниченности пространства центральный казачий рынок существенно менялся на поздних стадиях своего существования, и это отразилось на его границах в общем городском ландшафте. Таким образом, рынок оказался наиболее подходящей формой торговли, снабжения населения. При этом система отношений городских властей и рынка осуществлялась через взаимодействие с владельцами рынка.

В настоящее время современный центральный рынок остается местом покупок, концентрации и повышения плотности потоков горожан, став определенным фактором развития этой части исторического центра города.

Полевые материалы автора

ПМА 2023: Инф. 1 — житель г. Элисты (1994 г. р.), запись 2023 г. в г. Элисте, Республика Калмыкия.

ПМА 2023: Инф. 2 — житель г. Элисты (1954 г. р.), запись 2023 г. в г. Элисте, Республика Калмыкия.

ПМА 2023: Инф. 3 — житель г. Элисты (жен. 1953 г. р.), запись 2023 г. в г. Элисте, Республика Калмыкия.

ПМА 2023: Инф. 4 — житель г. Элисты (1972 г. р.), запись 2023 г. в г. Элисте, Республика Калмыкия.

Author's Field Data

- Informant 1: resident of Elista, male, b. 1994. Rec. in Elista (Kalmykia, Russia), 2023. (In Russ.)
- Informant 2: resident of Elista, male, b. 1954. Rec. in Elista (Kalmykia, Russia), 2023. (In Russ.)
- Informant 3: resident of Elista, female, b. 1953. Rec. in Elista (Kalmykia, Russia), 2023. (In Russ.)
- Informant 4: resident of Elista, male, b. 1972. Rec. in Elista (Kalmykia, Russia), 2023. (In Russ.)

Литература

- Антонова 2004 — Антонова Л. Казачий рынок: особенности местной торговли [о коллективе Центр. рынка и о проблемах рынка] // Элистинская панорама. 2004. № 38. С. 2.
- Бредникова, Запорожец 2014 — Бредникова О., Запорожец О. Микроурбанизм. Ловушка для города // Микроурбанизм. Город в деталях / под ред. О. Бредниковой, О. Запорожец. М.: Новое литературное обозрение, 2014. С. 13–38.
- Брызгина 2019 — Брызгина Д. Е. «Этнические» рынки Иркутска: ментальная репрезентация пространства // Вестник Томского государственного университета. История. 2019. № 59. С. 122–129.
- Гирц 2004 — Гирц К. Базарная экономика: информация и поиск в крестьянском маркетинге (1978) / пер. с англ. Н. В. Глебовской, А. В. Тавровского // Журнал социологии и социальной антропологии. 2004. Т. 7. № 3. С. 153–160.
- Григоричев и др. 2019 — Григоричев К. В., Дятлов В. И., Тимошкин Д. О., Брызгина Д. Е. Базар и город: люди, пространства, образы. Иркутск: Оттиск, 2019. 288 с.
- Гузей 2015 — Гузей Я. «Русский рынок» в центре Пекина // Этнические рынки в России: пространство торгового и места встречи / науч. ред.: В. И. Дятлов, К. В. Григоричев. Иркутск: ИГУ, 2015. С. 159–170.
- Дятлов 2015 — Дятлов В. И. Этнические рынки в современной России — ускользающий объект исследовательского внимания // Этнические рынки в России: пространство торгового и места встречи / науч. ред. В. И. Дятлов, К. В. Григоричев. Иркутск: ИГУ, 2015. С. 16–41.
- Иванова 2004 — Иванова В. Центральный казачий: чужой среди своих? // Известия Калмыкии. 2004. № 144. С. 3.
- Информация 2004 — Информация о проведении комплексной проверки ООО «Торговый дом «Центральный казачий рынок» // Элистинская панорама. 2004. № 152. С. 6.
- Информация о нормах 2022 — Информация о нормах беспошлинного ввоза товаров физическими лицами, действующих с 1 октября 2022 года // Федеральная таможенная служба. 7 октября 2022 (послед. изм. 3 апреля 2023). URL: <https://customs.gov.ru/fiz/uplata-tamozhennykh-platzhej/informacziya-o-normax-besposhlinnogo-vvoza-tovarov-fizicheskimi-liczami-dejstvuyushhix-s-1-oktyabrya-2022-goda> (дата обращения: 10.04.2023).
- Лиджиева 2020 — Лиджиева А. М. Парк культуры и отдыха «Дружба» в г. Элисте: формирование публичных пространств в городской среде // Oriental Studies. 2020. Т. 13. № 5. С. 1389–1405. DOI: 10.22162/2619-0990-2020-51-5-1389-1405
- Паченков, Воронкова 2014 — Паченков О., Воронкова Л. Блошинный рынок как «городская сцена» // Микроурбанизм. Город в деталях / под ред. О. Бредниковой, О. Запорожец. М.: Новое литературное обозрение, 2014. С. 132–170.
- Пешков 2015 — Пешков И. О. «Восточный рынок» на постсоветском «Востоке»: анализ подходов к восточным моделям товарно-вещевых рынков Восточной Сибири и Дальнего Востока // Этнические рынки в России: пространство торгового и места встречи / науч. ред. В. И. Дятлов, К. В. Григоричев. Иркутск: ИГУ, 2015. С. 42–59.

- Серебренникова 2009 — *Серебренникова О. В.* Розничная торговля: исторический аспект развития // Актуальные вопросы экономических наук. 2009. № 6–3. С. 165–168.
- Тимошкин 2018 — *Тимошкин Д. О.* Выживание, экзотика, пустота: эволюция постсоветского открытого рынка в городских нарративах // Социологический журнал. 2018. Т. 24. № 4. С. 54–74.
- Трубина 2010 — *Трубина Е. Г.* Джунгли, базар, организм и машина: классические метафоры города и российская современность // Неприкосновенный запас. 2010. № 2. С. 223–243.
- Халгинова 2008 — *Халгинова Н.* Отмороженный рынок [Об истечении срока действия протокола о временном запрете деятельности коммерческого центра Центральный] // Известия Калмыкии. 2008. № 5. С. 4
- Шабаетов, Поляков, Шарапов 2021 — *Шабаетов Ю. П., Поляков Ю. В., Шарапов В. Э.* Символические пространства современного российского северного города в контексте городской антропологии // Человек. Культура. Образование. 2021. № 3 (41). С. 124–166.
- Шалтыков 2004 — *Шалтыков В.* Центральный рынок должен иметь цивилизованный вид // Элистинская панорама. 2004. № 39. С. 2. (беседа с зам. мэра Элисты В. Шалтыковым).
- Хемффри 2009 — *Humphrey C., Skvirskaja V.* Trading places: Post-socialist Container Markets and the City // *Focaal. European Journal of Anthropology*. 2009. N 55. P. 61–73.

References

- Antonova L. Cossack Bazaar: peculiarities of local trade. *Elistinskaya panorama*. 2004. No. 38. P. 2. (In Russ.)
- Brednikova O., Zaporozhets O. Micro-urbanism: A trap for the city. In: Brednikova O., Zaporozhets O. (eds.) *Micro-Urbanism: City in Detail*. Moscow: Novoe Literaturnoe Obozrenie, 2014. Pp. 13–38. (In Russ.)
- Bryazgina D. E. The “ethnic” markets in Irkutsk: Mental representation of urban space. *Tomsk State University Journal of History*. 2019. No. 59. Pp. 122–129. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/etnicheskie-rynki-irkutsk-mentalnaya-reprezentatsiya-prostranstva> (accessed: 17 March 2023). (In Russ.)
- Central Cossack Bazaar Ltd.: Comprehensive audit data. *Elistinskaya panorama*. 2004. No. 152. P. 6. (In Russ.)
- Dyatlov V. I. ‘Ethnic marketplaces’ in contemporary Russia — a vanishing object of research. In: Dyatlov V. I., Grigoriev K. V. (eds.) *Ethnic Marketplaces in Russia: Trading Spaces and Meeting Points*. Irkutsk: Irkutsk State University, 2015. Pp. 16–41. (In Russ.)
- Geertz C. The Bazaar Economy: Information and Search in Peasant Marketing (1978). N. Glebovskaya, A. Tavrovsky (transl.). *The Journal of Sociology and Social Anthropology*. 2004. Vol. 7. No. 3. Pp. 153–160. (In Russ.)
- Grigoriev K. V., Dyatlov V. I., Timoshkin D. O., Bryazgina D. E. Bazaar and City: Individuals, Spaces, Images. Irkutsk: Ottisk, 2019. 288 p. (In Russ.)
- Guzey Ya. ‘Russian Bazaar’ in the heart of Beijing. In: Dyatlov V. I., Grigoriev K. V. (eds.) *Ethnic Marketplaces in Russia: Trading Spaces and Meeting Points*. Irkutsk: Irkutsk State University, 2015. Pp. 159–170. (In Russ.)
- Humphrey C., Skvirskaja V. Trading places: Post-socialist container markets and the city. *Focaal. European Journal of Anthropology*. 2009. No. 55. Pp. 61–73. (In Eng.)
- Information on Norms of Duty-Free Imports for Individuals since 1 October 2022 (as amended on 3 April 2023). On: Federal Customs Service of Russia (official website). Posted on 7 October 2022. Available at: <https://customs.gov.ru/fiz/uplata-tamozhennykh-plat-zhej/informacziya-o-normax-besposhlinnogo-vvoza-tovarov-fizicheskimi-liczami,-dejstvuyushhix-s-1-oktyabrya-2022-goda> (accessed: 10 April 2023). (In Russ.)

- Ivanova V. Central Cossack [Bazaar]: Foe to friends? *Izvestiya Kalmykii*. 2004. No. 144. P. 3. (In Russ.)
- Khalginova N. Frost bitten bazaar. *Izvestiya Kalmykii*. 2008. No. 5. P. 4. (In Russ.)
- Lidzhieva A. M. Druzhba Park of Culture and Leisure (Elista): The shaping of public spaces in urban environment. *Oriental Studies*. 2020. Vol. 13. No. 5. Pp. 1389–1405. (In Russ.) DOI: 10.22162/2619-0990-2020-51-5-1389-1405
- Pachenkov O., Voronkova L. Flea market as a ‘city scene’. In: Brednikova O., Zaporozhets O. (eds.) *Micro-Urbanism: City in Detail*. Moscow: Novoe Literaturnoe Obozrenie, 2014. Pp. 132–170. (In Russ.)
- Peshkov I. O. ‘Oriental bazaar’ in the post-Soviet ‘Orient’: Analyzing approaches to Oriental patterns of goods and clothes marketplaces across Eastern Siberia and the Far East. In: Dyatlov V. I., Grigorichev K. V. (eds.) *Ethnic Marketplaces in Russia: Trading Spaces and Meeting Points*. Irkutsk: Irkutsk State University, 2015. Pp. 42–59. (In Russ.)
- Serebrennikova O. V. Retail: A historical perspective. *Aktual'nye voprosy ekonomicheskikh nauk*. 2009. No. 6–3. Pp. 165–168. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/roznichnaya-torgovlya-istoricheskiy-aspekt-razvitiya> (accessed: 1 April 2023). (In Russ.)
- Shabaev Yu. P., Polyakov Yu. V., Sharapov V. E. Symbolic spaces of a modern Russian northern city in the context of urban anthropology. *Human. Culture. Education*. 2021. No. 3(41). Pp. 124–166. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/simvolicheskie-prostranstva-sovremennogo-rossiyskogo-severnogo-goroda-v-kontekste-gorodskoy-antropologii> (accessed: 31 March 2023). (In Russ.)
- Shaltykov V. Central bazaar to look civilized: An Interview [with Deputy Mayor V. Shaltykov]. *Elistinskaya panorama*. 2004. No. 39. P. 2. (In Russ.)
- Timoshkin D. O. Survival, exotica and emptiness: The evolution of the post-Soviet open market in urban narratives. *Sotsiologicheskii Zhurnal (Sociological Journal)*. 2018. Vol. 24. No. 4. Pp. 54–74. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/vyzhivanie-ekzotika-pustota-evolyutsiya-postsovetskogo-otkrytogo-rynka-v-gorodskih-narrativah> (accessed: 17 March 2023). (In Russ.)
- Trubina E. G. Jungles, bazaar, organism, and machine: Classical urban metaphors and present-day life in Russia. *Neprikosnovennyy zapas*. 2010. No. 2. Pp. 223–243. (In Russ.)

ЭТНОЛОГИЯ И АНТРОПОЛОГИЯ

УДК / UDC 39

DOI: 10.22162/2500-1523-2023-2-240-252

В «образе Другого»: буряты в русской массовой литературе XXI в.

Сэсэгма Гэндэновна Жамбалова¹, Марина Цыбикиевна Цыренова²

¹ Институт монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения РАН (д. 6, ул. Сахьяновой, 670047 Улан-Удэ, Российская Федерация)

доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник

 0000-0002-2672-8126. E-mail: zhambalovas[at]yandex.ru

² Московский педагогический государственный университет (д. 1, стр. 1, ул. Малая Пироговская, 119991 Москва, Российская Федерация)

кандидат филологических наук, доцент

 0000-0003-0058-4491. E-mail: mts.tsyrenova[at]mpgu.su

© КалмНЦ РАН, 2023

© Жамбалова С. Г., Цыренова М. Ц., 2023

Аннотация. *Введение.* В современной русской массовой литературе прослеживается тенденция к изображению нерусских народов страны в качестве второстепенных отрицательных героев. Негативные черты нередко увязываются с расовой и этнической принадлежностью. *Цель* исследования — впервые провести анализ образа бурят в русской массовой литературе XXI в. *Гипотеза* исследования: отдельные продукты рассматриваемой литературы могут искусственно нагнетать ксенофобию в российском обществе. *Материалы и методы.* Статья базируется на литературных художественных и научных материалах, опубликованных полевых записях С. Г. Жамбаловой и Н. Игауэ и электронных источниках. В ней используются методы исторической имагологии и теории стигматизации. *Результаты.* Выявлено, что в рассматриваемом детективе В. Платовой четверо бурят и немец, второстепенные герои, предстают в «образе Других» с отрицательным имиджем. Помимо телесных описаний, вводятся в негативистском контексте сведения из мифологии, религии, этнографии бурят. В сочинении И. Стогова описаны негативные впечатления журналиста во время пребывания в Бурятии. Обе книги наполнены критическими оценками буддизма, буддистов, Иволгинского дацана. *Обсуждение.* Рассматриваемые книги отличает ксенофобия по отношению к бурятам, противоречащая объективной реальности, Конституции Российской Федерации, межэтническим отношениям, национальной политике страны. Буряты, неотъемлемая часть населения государства, успешно интегрированы в глобальный мир. Публичная негативная стигматизация одного из коренных народов — образец самостигматизации россиян, появившейся в постсоветское время. *Выводы.* Обе книги — продукты рассматриваемой литературы начала XXI в., характеризующегося кризисом идентичности. В них прослеживаются отголоски национализма, этноцентризма. Изображение бурят в «образе Других» субъективно и недостоверно, не отражает объективно существующих

в российском обществе реалий межэтнических отношений и национальной политики. Буряты, как и другие индигенные народы, успешно вписаны в современный мир. В книгах созданы негативные стигмы, которые могут негативно влиять на межнациональные отношения. Создание подобной продукции неприемлемо, равно как недопустима самостигматизация россиян в русской массовой литературе.

Ключевые слова: буряты, современная русская массовая литература, «образ Другого», ксенофобия, этнокультурный стереотип, имидж, историческая имагология, стигматизация, самостигматизация

Благодарность. Исследование проведено в рамках проекта государственного задания «Россия и Внутренняя Азия: динамика геополитического, социально-экономического и межкультурного взаимодействия (XVII–XXI вв.)» (номер госрегистрации: 121031000243-5).

Для цитирования: Жамбалова С. Г., Цыренова М. Ц. В «образе Другого»: буряты в русской массовой литературе XXI в. // Монголоведение. 2023. Т. 15. № 2. С. 240–252. DOI: 10.22162/2500-1523-2023-2-240-252

As an Image of the Other: Buryats in Russian Popular Literature of the Twenty First Century

Sesegma G. Zhambalova¹, Marina Ts. Tsyrenova²

¹ Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, Siberian Branch of the RAS (6, Sakhyanova St., 670047 Ulan-Ude, Russian Federation)

Dr. Sc. (History), Leading Research Associate

 0000-0002-2672-8126. E-mail: zhambalovas[at]yandex.ru

² Moscow Pedagogical State University (1/1, Malaya Pirogovskaya St., 119991 Moscow, Russian Federation)

Cand. Sc. (Philology), Associate Professor

 0000-0003-0058-4491. E-mail: mts.tsyrenova[at]mpgu.su

© KalmSC RAS, 2023

© Zhambalova S. G., Tsyrenova M. Ts., 2023

Abstract. Introduction. Contemporary Russian popular literature shows a trend to depict non-Russian citizens as minor and negative characters, the malign features proper being often somewhat attributed to race and ethnicity. *Goals.* The study provides an insight into the image of Buryats in Russian popular literature of the twenty first century, since some of the identified narratives can artificially ignite xenophobia in Russian society. *Materials and methods.* The article examines a variety of literary and research material, published field data collected by S. Zhambalova and N. Igaue, online sources. The employed methods comprise those of historical imagology and theory of stigmatization. *Results.* The considered detective novel (Taxi for an Angel) by V. Platova depicts four Buryats and one German as ‘othered’ — secondary and negative characters. Body-related portrayals are adversely supplemented with elements of Buryat mythology, religion, and ethnography. As for the work by I. Stogoff, he articulates therein some negative impressions of his stay in Buryatia. And both the literary compositions are abundant in critical accounts of Buddhism, Buddhists, and Ivolginsky Datsan. *Discussion.* The examined narratives are distinguished by xenophobia towards Buryats and basically contradict the state of the art, Russia’s Constitution, current nationalities policies of the Government, and may threaten interethnic relations. The bulk of Buryats are Russian

citizens successfully integrated into global contexts, and the negative public stigmatization of one indigenous people attests to rudiments of the post-Soviet self-stigmatization of Russia are still there. *Conclusions.* Both the books are products of early twenty-first-century literature characterized by identity crisis — and bear traces of nationalism and ethnocentrism. Images of the Other attributed to Buryats are toll opinion-based, questionable, and falsify the actual present-day interethnic agenda in Russia. Like other indigenous communities, Buryats are civilized members of the contemporary world, while the manifested stigmas may adversely influence intra-nation harmony. Such publications and nation-wide self-stigmatization in Russian popular literature are definitely inadmissible.

Keywords: Buryats, contemporary Russian popular literature, image of the Other, xenophobia, ethnocultural stereotype, image, historical imagology, stigmatization, self-stigmatization

Acknowledgements. The reported study was funded by government assignment, project no. 121031000243-5 ‘Russia and Inner Asia: Dynamics of Geopolitical, Socioeconomic, and Cross-Cultural Interaction, 17th–21st Centuries’.

For citation: Zhambalova S. G., Tsyrenova M. Ts. As an Image of the Other: Buryats in Russian Popular Literature of the Twenty First Century. *Mongolian Studies (Elista)*. 2023; 15(2): 240–252. (In Russ.). DOI: 10.22162/2500-1523-2023-2-240-252

Введение

В современных условиях изображение в русской массовой литературе взаимоотношений народов разных рас и культур приобретает новые нюансы, исследование которых весьма актуально. Полиэтничность России, где по данным 2010 г. проживает 193 народа, говорящих на 171 языке, как отмечает И. Р. Аминов, — «это не только залог прочности российской государственности, но и великое конкурентное преимущество» [Аминов 2015: 216].

В Российской Федерации ведется работа по повышению уровня общегражданской культуры и толерантности в обществе, в постсоветское время это одна «из фундаментальных проблем российской действительности» [Благодатских, Керимов 2017: 41].

Буряты вошли в число народов, представителей которых в XXI в. на бытовом уровне не раз притесняли по расовым признакам. Эти отдельные случаи находили отражение в СМИ, обсуждались на бурятских сайтах. Некоторые из них решались в судебном порядке [В Москве накажут 2021].

Однако в современной русской массовой литературе требования толерантности нередко не соблюдаются при изображении межэтнических отношений народов страны. В постсоветское время, особенно в первые два десятилетия, становится привычным использование негативных характеристик при описании индигенных нерусских народов страны, что ранее в советской литературе не практиковалось.

Негативные социальные стереотипы об отдельных народах вводятся в текст книг данного жанра, являющихся товаром для широкого потребления, в качестве внесюжетных элементов композиции. Они увлекательны для массового читателя и повышают спрос на литературную продукцию как обобщенные и эмоционально насыщенные образы повседневного окружения [Тимошкин 2013: 65]. Актуализирует проблему то обстоятельство, что книги для массового потребления переиздаются большими тиражами и, как одни из самых читаемых, косвенно пропагандируют заложенные в них негативные стигмы в отношении

отдельных народов страны. Они могут способствовать нагнетанию ксенофобии в государстве, национальная политика которой всецело направлена на консолидацию полиэтнического населения, воспитание самосознания и гражданского сознания, формирование патриотизма [Бугай 2017: 55].

Цель исследования — провести анализ образа бурят в русской массовой литературе XXI в.

Описанию индигенных народов в русской классической и массовой литературе посвящено достаточно научных работ. На исторических, фольклорных и литературных материалах изучено восприятие «Другого» путешественниками, колонизаторами, также исследованы способы конструирования «Другого» в советской и современной массовой литературе через описание тела, внешности и поведения [Белова 2003; Соколов 2010; Разувалова 2013; Тимошкин 2012; Тимошкин 2013; Тимошкин 2015].

Близка теме статья об имидже азиатов в русской популярной литературе XXI в. [Жамбалова 2018], а также тезисы доклада на XIV Конгрессе антропологов и этнографов России [Жамбалова 2021]. В настоящей статье тема исследуется на более широкой источниковой базе с новых методологических позиций.

Материалы и методы

В статье рассматриваются два произведения русской массовой литературы: детектив В. Платовой (В. Е. Соломатина) «Такси для ангела» (2001) и роман Ильи Стогоффа (И. Ю. Стогов) «Тринадцать месяцев» (2003)¹. Статья базируется на литературных художественных и научных источниках, опубликованных полевых материалах авторов и электронных ресурсах. Для компаративистского диахронного и синхронного анализов приведены материалы советской и российской массовой литературы. В работе используются методы исторической имагологии [Репина 2012: 12–14], междисциплинарного направления, исследующего «проблемы формирования и бытования национальных и инокультурных образов в сознании социальных и этнических общностей, отдельных индивидов и групп. <...> сюжеты по истории взаимовосприятия, проблематики „Другого“ и „Чужого“ в культуре» [Поршнева 2014: 126]. Статья также базируется на теории стигматизации и самостигматизации.

«Бурятская тема» в книгах В. Платовой и И. Стогова

В детективе В. Платовой «Такси для ангела» представлены образы четырех бурят, второстепенных героев, через восприятие Алисы, ведущей повествование. Алиса — русская, неудачливая в личной и профессиональной жизни безработная журналистка, зарабатывавшая на жизнь надомным шитьем, которую неожиданно приглашает работать помощницей королева детективного жанра Аглая Канунникова. Действие разворачивается под Санкт-Петербургом на загородной вилле богатого бизнесмена-буряты — «Чингисхана местного разлива» Дымбрыла Цыренжаповича Улзутуева, любителя детективов Канунниковой. Согласно сюжету, свою виллу писательнице он предоставил для проведения телевизионных съемок. Для участия в них приезжают четыре писательницы детективов, переводчик из Германии Райнер-Вернер, два телевизионщика, Фара

¹ Ссылки в статье даются на поздние издания этих книг.

и Чиж. Канунникова неожиданно убита. Сюжет разворачивается по схеме замкнутого пространства: телефон отключился, во дворе бегают злые собаки, не позволяющие покинуть виллу. Узкий круг подозреваемых — 11 человек. Хозяин в начале повествования уезжает, оставляет гостей на попечении трех бурят, своих помощников, «меднолобого» Ботболта, «плосколицых и плосконосых» Доржо и Дугаржапа, которых также нашли убитыми, но их смерть осталась «за кадром» [Платова 2006: 108, 259, 290].

В книге В. Платовой действительно нет, скорее всего, конкретного сходства с определенными людьми: здесь создается негативный этнокультурный стереотип народов — бурят и немцев. На них навешиваются оскорбительные ярлыки / стигмы, базирующиеся на расовых и других характеристиках, демонстрирующих бурят антиподами русских, подчеркивающих культурную дистанцию между народами, которая в XXI в. минимальна. Доказывает это приведенная здесь мизерная часть типичных примеров, которыми изобилует книга. Алиса пишет: *Нацмен являл собой полную противоположность аристократическому Фаре: плоское блинообразное лицо монгольского божка, узкие глазки и лоснящиеся черные волосы <...> Божок был облачен в лисью доху и снабжен четками из хорошо отшлифованного черного агата. <...> стоял молодой человек в черном смокинге и белых перчатках. <...> те же узкие глаза, тот же приплюснутый нос <...> пантеон монгольских божков не замечает подобных мелочей. <...> шахматы сделаны по специальному заказу в Тибете, что королем на доске выступает божество ясного неба Эсеге Малан-Тенгри. А роль ферзя играет Сахилгата Будал-Тенгри <...>. Остальные функции были возложены на Саган Себдега, желтую бешеную собаку Гуниг, бабушку Маяс Хара и быка Буха-Нойон Бабая, успешно заменившего коня. <...> Два бурята <...> чертовы отпрыски быка Буха-Нойон Бабая! <...> А я-то думала, что желтолицый бурдюк-Ботболт набит войлоком и по жилам у него течет кобылье молоко! <...> небольшая статуя Будды. Будда был молод и мосласт, и долговяз <...> мог сойти за дубинку <...> которой так сладко кроить черепа* [Платова 2006: 104, 107, 153–154, 172, 220].

Алиса о немецком переводчике, отец которого немец, а русская мать бросила его, когда ему было полтора года: *Райнер-Вернер был типичным немчуруй из культурфильма времен Третьего рейха „Наш вермахт“. <...> простой, как пачка маргарина, бунд два раза срыгнул, три раза испортил воздух и непрестанно чесал в паху <...> мюнхенский козлик <...> Жалкий тип. <...> Должно быть, мать Райнера была хамоватой потаскухой, склонной к бродяжничеству, алкоголизму и промискуитету* [Платова 2006: 74, 75, 79, 82, 84].

«Тринадцать месяцев» Ильи Стогова изданы как роман. Но известно, что первое издание книги вышло под названием «Десять пальцев (сборник рассказов)» [Стогоff 2004: 310]. Определение жанра как «рассказы», не говоря о следующем его определении как «роман», вызывает недоумение читателя. Иван Щеглов пишет: «Впрочем, рассказы — сказано громковато, на деле в книге представлены скорее журналистские очерки» [Щеглов 2022].

В небольшом тексте (13,65 усл. печ. л.) размещены впечатления журналиста во время поездок по России и за рубежом. Бурятии, где все вызывало отторжение, отводится глава «Ноябрь», в «Десяти пальцах» — глава «Шесть» [Стогоff

2004; Стогов 2003].

И. Стогов пишет о г. Улан-Удэ и бурятах: <...> нет достопримечательностей. Улица, параллельная центральной, была уже полностью деревянной. На следующей улице город заканчивается. <...> Национальным блюдом бурят считаются позы — огромные пельмени, внутри которых лежит не рубленое мясо, а целиковые куски говядины. <...> Позная <...> У входа висело объявление на незнакомом языке. Возможно, в нем сообщалось, сколько народу уже умерло, попробовав местных блюд. Посетителей внутри было битком. <...> В основном монголы. За каждым столом пьют водку. В крайнем случае — чай с молоком, слоем бараньего жира и солью. <...> На вкус позы оказываются чудовищны. Без приправы запихать в себя кусок холодного сырого теста у меня не получается [Стогов 2004: 267, 269–270].

Стоит отметить, что приведенное описание ни по одному пункту не соотносится с повседневной жизнью бурят в г. Улан-Удэ и Иволгинском дацане в XXI в. Об этом свидетельствуют многочисленные впечатления российских туристов о пребывании в Бурятии, размещенные в открытых источниках. Бурятия является одним из привлекательных туристических мест России.

Помимо гиперболизированных телесных описаний, в текст В. Платовой вводятся в саркастическом контексте сведения из мифологии, религии, этнографии бурят и монгольской истории. Описания образа бурят как «Других» в обеих рассматриваемых книгах выполнены стереотипно, ряд ключевых негативных стигматических позиций позволяет опознать их как Чужих / Других среди своих: бурят размежевать с русскими, азиатов отделить от европейцев, буддистов от христиан и т. п. Обе книги наполнены негативными сюжетами о буддизме, буддистах. И. Стогов пишет в таком же тоне о г. Улан-Удэ и об Иволгинском дацане.

Бурятия и буряты, ставшие в русской массовой литературе XXI в. по воле В. Платовой и И. Стогова отрицательными литературными персонажами, изображены в негативистском ключе, вызывающем ксенофобию. Они, как все плохие персонажи, скорее всего, могут вызвать у читателя насмешку и отрицательные эмоции. Во время чтения их, вероятно, будут ненавидеть — на подобную реакцию нацелена пропаганда такого рода [Орлов 2017].

Образы «своего Другого» в советской литературе

Традиция введения людей другой расы и национальности в канву художественного повествования в мировой литературе обусловлена полиэтничностью мира, многогранностью реальной жизни и наличием оппозиции «мы — они», рассматриваемых с толерантных и интолерантных ракурсов. Одним из примеров является образ еврея, отрицательного героя в романе Ч. Диккенса «Приключения Оливера Твиста». Советская многонациональная литература СССР издавалась немалыми тиражами и была адресована большой читательской аудитории. В своем роде она была массовая, обычно рассчитанная на идеологическое воздействие на широкий круг читателей, нацеленная на создание толерантных отношений между народами и воспитание патриотизма. Индигенные народы Сибири и Севера в основном выступали главными героями в произведениях национальных писателей своей республики. Другие авторы редко вводили их,

как правило, в качестве второстепенных героев, в описании которых, помимо телесных описаний, расовых характеристик, большое место занимали этнокультурные особенности, ментальность, «природность», речевые особенности и другое. Их показывали в развитии, прослеживали сложный путь интеграции в современное модернизирующееся общество.

Выдающийся советский и российский писатель В. П. Астафьев (1924–2001) создал образы «своего Другого» в рассказе «Тимкоуль», повести «Царь-рыба» и других произведениях, ввел новые ракурсы в его интерпретации. Его «Другой» не «Чужой», не антипод «всего русского» [Разувалова 2013: 106]. Кроме приведенных произведений, у В. П. Астафьева в нескольких рассказах есть прекрасные описания представителей других народов СССР.

Житель Красноярского края, где иконно проживают коренные малочисленные народы Севера (ненцы, эвенки, долганы, селькупы, кеты, нганасаны, долганы и др.), В. П. Астафьев создал не только сложные их образы в развитии, но и со временем сообразно трансформациям, происходящим в обществе и с людьми, менял отношение к ним [Разувалова 2013: 104–105, 106].

Обнаруживается диаметрально противоположный подход к изображению инородцев, в корне отличный от приемов В. Платовой и И. Стогова. А. И. Разувалова отмечает, что между писателем и северными народами сокращается культурная дистанция, образы коренных малочисленных народов Севера осмысляются им как элемент астафьевской версии сибирского мифа [Разувалова 2013: 100].

Образы бурят нашли небольшое, но объективное отражение в творчестве известного советского писателя И. К. Калашникова (1931–1980), уроженца Бурятии, автора романа о Чингисхане «Жестокий век». Они присутствуют в его романах и рассказах как данность реальной повседневной жизни: поселения бурят (улусы) и русских Забайкалья, включая старообрядцев (семейские), располагались чересполосно. В XX в. эти народы прошли один путь социалистической модернизации. При этом, конечно, сохранялись в определенной мере этнические особенности. Во время коллективизации и позднее стали строиться многонациональные поселения. В настоящее время в регионе выделяются следующие типы поселений: бурятские улусы, русские деревни и села, многонациональные села. В романе «Не поле перейти» писатель останавливается на характеристике этнических групп русских, проживающих в Бурятии («сибиряки», «чалдоны», «харануты», «семейские» и др.), обращает внимание на этнические и субэтнические особенности освоения ими поселенческого пространства. В повествованиях приводятся сюжеты, свидетельствующие о давней дружбе и социально-экономических связях бурят и семейских [Калашников 1999].

Приведенные материалы демонстрируют толерантный, диаметрально противоположный подходу рассматриваемых авторов В. Платовой и И. Стогова, уровень изображения народов как «своих Других».

Свидетельством распространенности в XXI в. в русской массовой литературе характеристики людей другой расы и национальности исключительно с помощью физиологических телесных характеристик являются и детективы писателя Эдуарда Власова, публикующегося под псевдонимом Кунио Каминаси и ведущего повествование от лица японца. Одним из примеров является

детектив «Допрос безутешной вдовы» из серии «Полиция Хоккайдо. Русский отдел». В нем постоянно проводится противопоставление японок и русских женщин в пользу последних [Каминаси 2004: 69–70, 75, 77–78, 110, 138–139, 281–282, 300–301]. Все книги русской массовой литературы так же, как и эта, находятся в открытом доступе.

Межэтнические отношения в Бурятии и образ бурят как «Других» в рассматриваемых книгах

Специально рассматриваемые здесь две книги, несмотря на претензии И. Стогова, в отличие от В. Платовой, быть представителем контркультуры, являются типичным продуктом массовой литературы XXI в., когда проблемы идентичности, в том числе «национализм, этноцентризм, расизм», снова становятся актуальными (цит. по: [Репина 2012: 9]).

В детективе В. Платовой навязчивый акцент на второстепенных персонажах — трех бурятах, национальная, расовая и религиозная принадлежность которых с отрицательной окраской присутствует по всему тексту, придает книге характер тяжелого для восприятия образованного читателя заказного антирекламного текста. Такое же впечатление оставляет при чтении книга И. Стогова «Тринадцать месяцев» [Stogoff 2004].

Сюжетная схема массовой литературы стереотипна: это разнообразные проявления отношений главного героя с второстепенными персонажами, которые реализуются «в «контексте четко ограниченной темы, обусловленной интересами и запросами читателей. <...> отражают типичные идеи, эмоции, поведенческие реакции того социального среза, на который они рассчитаны» [Щиrowsкая 2006: 14–15].

В первой половине XXI в. Платова и И. Стогов не входили в десятку самых тиражных авторов [Тимошкин 2012: 81]. Детективы В. Платовой не рассчитаны на образованного читателя, как например, произведения Б. Акунина, Ю. Латыниной, Э. Тополя. Ее аудитория — женская [Щиrowsкая 2006: 17].

Популярный в начале 2000-х гг. И. Стогов сам констатирует: в 2008–2009 гг. «интерес читателей к его творчеству резко и окончательно иссяк» [Щеглов 2022]. Тем не менее его книги изданы достаточным тиражом, доступны в интернете широкому кругу читателей.

Л. П. Репина отмечает историчность стереотипов, изменяющихся с течением времени: одни разрушаются, появляются другие [Репина 2012: 18].

Согласно решению властей и общественности, которое базируется на научно обоснованных датах, в 2011 г. состоялось празднование 350-летия вхождения Бурятии в состав Российского государства. Историческим обоснованием этой даты стало учреждение в 1661 г. при Ильинском остроге администрации для управления территорией Западного Забайкалья [Наговицын 2011: 5].

С имперских времен в Бурятии сложились устойчивые добрососедские межэтнические отношения. Об этом свидетельствуют архивные и полевые материалы. Бытовавшие несколько детских дразнилок и прозвищ вышли из употребления. Б. Базаргармаев (1926 года рождения из улуса Кусоты Мухор-шибирского района Республики Бурятия) рассказывал, что в 1940 г. в 5 классе, как и другие бурятские школьники из соседних улусов, учился в соседнем

с. Никольск и жил у семейских, питался вместе с ними, спал на полотах вместе с их детьми. Отец давал на его питание пуд муки и мясо. Семья стала родней, а дети — братьями и сестрами. Вначале он плохо говорил по-русски, а на улице ребяташки выкрикивали в его адрес дразнилку: «Бурят, штаны горят, рубаха сохнет, бурят сдохнет». Важно его утверждение, что после войны «Пошла мировая дружба» [Жамбалова, Игауэ 2010: 156–157]. Большинство современных людей среднего возраста никогда не слышали эту наиболее распространенную дразнилку, хотя она есть в открытом доступе в интернете. Бурятские дети отвечали русским соответствующей дразнилкой.

Информант Б.-Г. Б. Цыдыпов (1919 года рождения из улуса Дунда-Киреть Бичурского р-на Республики Бурятия) вспоминал о своем детстве в улусе, который располагался рядом с русским селом: «Половина буряты. Половина — русские. Бурятский Мухор и Русский Мухор. Русские умели говорить по-бурятски. <...> Мы вместе, русские, бурятские дети, играли. Мы шибко дружили» [Жамбалова, Игауэ 2010: 256–257].

У Д. Д. Манжеевой, 1914 г. р. из этого же улуса, записано: «Русские и буряты ходили друг к другу запросто» [Жамбалова, Игауэ 2010: 259].

С середины XX в., в результате индустриализации и коллективизации, которые привели к созданию крупных многонациональных производственных коллективов, межэтнические отношения становятся все более толерантными, в процессе общей советской модернизации создается советский социум. В постсоветское время в Республике Бурятия кризиса в межэтнических отношениях не наблюдалось, несмотря на всплеск этнических возрожденческих тенденций у бурят, у русских казаков и русских старообрядцев (семейских). В результате социологических исследований выявлено, что в XXI в. межэтнические отношения в Бурятии носят более позитивный характер по сравнению с Российской Федерацией в целом [Жалсанова, Бреславский, Бильтрикова 2017: 10].

Рассматриваемые продукты массовой литературы не отражают объективно существующие в Российской Федерации стереотипы межэтнических отношений, несмотря на имеющиеся проблемы частного бытового характера, которые находят отражение в СМИ. Ксенофобия жителей крупных российских городов, где имеются диаспоры бурят, отчасти вызвана, вероятно, неприязнью к наплыву мигрантов из Центральной Азии. Выявлено, что бурятская этническая группа в целом хорошо интегрирована в Москве, она сохраняет межэтническое общение и межнациональные контакты. В то же время в 2007, 2009 гг. имели место убийства бурят из-за их расовой принадлежности, вызвавшие широкий общественный резонанс среди бурят. По следам этих преступлений буряты направили открытое письмо В. В. Путину, где говорилось и «об ответственности президента России за безопасность этнических меньшинств» [Банаева 2011: 55, 46].

Негативная стигматизация бурят, как неотделимой части российского населения, может быть приравнена к самостигматизации всего народа страны. В. М. Капицын, доказавший, что стигматизация является угрозой национальной идентичности страны, дал определение ее крайней степени, назвав самостигматизацией: «стигма направляется против своего опыта, своей веры или убеждений, против истории и идеологии страны» [Капицын 2023: 53].

Субъективно представленные отрицательные образы бурят как Других —

пример негативной стигматизации одного из народов Российской Федерации, наносящий ущерб не только отдельному народу, но, главное, устойчивости многонациональной страны. Буряты — неотъемлемая часть российского народа, граждане Российской Федерации, где «государство гарантирует равенство прав и свобод человека и гражданина независимо от пола, расы, национальности, языка, происхождения <...> Запрещаются любые формы ограничения прав граждан по признакам социальной, расовой, национальной, языковой или религиозной принадлежности» [Конституция РФ 1993 (2020)].

В мировой массовой литературе нередко встречаются примеры отрицательных этнокультурных стереотипов при изображении азиатов как Других. Однако даже на этом фоне целенаправленное создание негативных образов Бурятии и бурят в рассматриваемых книгах представляется избыточным, превышающим допустимые в рассматриваемых жанрах этнокультурные стереотипы о соотечественниках иной расы и культуры.

Заключение

Представленные на рассмотрение детектив В. Платовой «Такси для ангела» и роман «Тринадцать месяцев» И. Стогова — продукты массовой литературы первого десятилетия XXI в., характеризующегося кризисом идентичности. В сочинениях прослеживается искусственно нагнетаемая, не соответствующая реальной повседневной культуре общения россиян ксенофобия, а также отголоски национализма, этноцентризма, расизма. В советской литературе прослеживается диаметрально противоположный подход к изображению коренных народов страны: не педалировались расовые характеристики и ксенофобия. Образы «своих Других» раскрывались с помощью описания этнокультурных особенностей, ментальности, «природности», речевых особенностей. Коренные народы страны — азиаты — не были антиподами русских. Субъективное изображение в двух исследованных сочинениях бурят в «образе Других» не отражает объективно существующей в российском обществе национальной политики и межэтнических отношений бурят с русскими и другими народами страны. Образы и картины, созданные в книгах — измышления, не имеющие под собой реальной основы, они не достоверны и интолерантны. Буряты, как и другие сибирские индигенные народы, достаточно успешно вписаны в современный глобальный мир. Приведенные материалы позволяют прийти к выводу о том, что в русской массовой литературе XXI в. имеются прецеденты создания негативных стигм, которые в целом являются примером самостигматизации россиян, угрожающей устойчивости многонациональной страны.

Литература

- Аминов 2015 — Аминов И. Р. Межнациональные и межъязыковые конфликты в современной России // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2015. № 6-2. С. 216–217.
- Банаева 2011 — Банаева М. Г. Буряты Москвы: миграции и опыт социокультурной адаптации // Этнографическое обозрение. 2011. № 6. С. 40–57.
- Белова 2003 — Белова О. В. О «жидах» и «жидовской вере» в народных представлениях восточных славян. // Свой или чужой? Евреи и славяне глазами друг друга / редкол.: О. В. Белова (отв. ред.), В. В. Мочалова, В. Я. Петрухин, Л. А. Чулкова. М.: Ин-т

- славяноведения РАН, 2003. С. 160–175.
- Благодатских, Керимов 2017 — *Благодатских В. Г., Керимов А. А.* Межнациональные отношения в современной России: проблемы и пути решения // Дискурс Пи. 2017. № 13. С. 40–47.
- Бугай 2017 — *Бугай Н. Ф.* Проблема межэтнических отношений Российской Федерации в современной историографии. 1990-е – 2017 гг. // «Белые пятна» российской и мировой истории. № 4–5. Ногинск: Аналитика РОДИС, 2017. С. 53–76.
- В Москве накажут — В Москве накажут расисток, оскорбивших девушек из Бурятии [электронный ресурс] // ИА «Байкал-Daily». 10.06.2021. URL: <https://www.baikal-daily.ru/news/20/415747/> (дата обращения: 09.04.2023).
- Жалсанова, Бреславский, Бильтрикова 2017 — *Жалсанова В. Г., Бреславский А. С., Бильтрикова А. В.* Межнациональные отношения в Республике Бурятия: оценки экспертного сообщества // Общество: социология, психология, педагогика. 2017. № 8. С. 10–16.
- Жамбалова 2018 — *Жамбалова С. Г.* Имидж азиатов в русской популярной литературе XXI века // Globalization and Modern Eurasia: History, Trends, Challenges for Change = Даяаршил ба өнөөгийн евразиа: түүх, хандлага, өөрчлөлтийн сорилт. June 30 – July 1, 2018, Ulaanbaatar, Mongolia 2018 оны 6-р сарын 30–7-р сарын 1. Улаанбаатар: Udam Soyol, Монгол Улс, 2018. С. 178–188.
- Жамбалова 2021 — *Жамбалова С. Г.* Образ азиата в русской популярной литературе XXI в. // XIV Конгресс антропологов и этнологов России: сб. мат-лов (г. Томск, 6–9 июля 2021 г.) / отв. ред. И. В. Нам. М.; Томск: ТомГУ, 2021. С. 781.
- Жамбалова, Игауэ 2010 — *Жамбалова С. Г., Игауэ Н.* Калейдоскоп: Этнографические картинки XX – начала XXI в. в устных рассказах народов Бурятии. Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 2010. 412 с.
- Калашников 1999 — *Калашников И. К.* Не поле перейти ... // Калашников И. К. Не поле перейти ... Роман. Рассказы, очерки, новеллы. Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 1999. С. 7–217.
- Каминаси 2004 — *Каминаси К.* Допрос безутешной вдовы. М.: Астрель; АСТ; КРПА «Олимп», 2004. 382 с.
- Капицын 2023 — *Капицын В. М.* Стигматизация как угроза национальной идентичности (уроки прошлого для настоящего) // Вестник Института социологии. 2023. Т. 14. № 1. С. 45–66.
- Конституция РФ 1993 (2020) — Конституция РФ 1993 (с изм. от 1 июля 2020 г.) [электронный ресурс] // Государственная дума ФС РФ. URL: <http://duma.gov.ru/legislative/documents/constitution/> (дата обращения: 09.04.2023)
- Наговицын 2011 — *Наговицын В. В.* 350 лет добровольного вхождения Бурятии в состав Российского государства // Власть. 2011. № 5. С. 5–8.
- Орлов 2017 — *Орлов К.* Пропаганда отрицательными персонажами [электронный ресурс] // Блог К. Орлова на блогспоте. URL: http://orkonsbook.blogspot.com/p/blog-page_2.htm (дата обращения: 09.04.2023).
- Платова 2006 — *Платова В. Е.* Такси для ангела: роман. М.: Астрель; АСТ, 2006. 477 с.
- Поршнева 2014 — *Поршнева О. С.* Историческая имагология в современной российской историографии // Урал индустриальный. Бакунинские чтения: Индустриальная модернизация Урала в XVIII–XXI вв.: мат-лы XII Всерос. науч. конф., посв. 90-летию проф. А. В. Бакунина. Т. 1 / гл. ред. В. В. Запарий. Екатеринбург: Изд-во УМЦ УПИ, 2014. С. 126–129.
- Разувалова 2013 — *Разувалова А. И.* Образ северного инородца в прозе В. П. Астафьева // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2013. № 4 (24). С. 96–109.
- Репина 2012 — *Репина Л. П.* Национальный характер» и «образ Другого» // Диалог со временем. 2012. № 39. С. 9–19.
- Соколов 2010 — *Соколов А. Б.* Тело как способ идентификации «Другого» // Культур-

- рологический журнал. 2010. № 1. С. 1–14.
- Стогов 2003 — *Илья Стогов*: Десять пальцев [электронный ресурс] // ЛитЛайф. URL: <https://litlife.club/books/26091> (дата обращения: 15.04.2023).
- Стогоff 2004 — *Стогоff И.* Тринадцать месяцев: роман. СПб.: Амфора, 2004. 311 с.
- Тимошкин 2012 — *Тимошкин Д. О.* Этнический стереотип в современном криминальном романе // Известия Иркутского государственного университета. Сер. «Политология. Религиоведение». 2012. № 2 (9). Ч. 2. С. 76–84.
- Тимошкин 2013 — *Тимошкин Д. О.* Образ «кавказца» в пантеоне злодеев современного российского криминального романа (на примере романа Владимира Колычева) // Диаспоры. 2013. № 1. С. 65–83.
- Тимошкин 2015 — *Тимошкин Д. О.* Этническое как маркер «врага» в современном российском криминальном романе // Вестник Томского государственного университета. История. 2015. № 5 (37). С. 91–98.
- Щеглов 2022 — *Щеглов И.* Неполный, но исчерпывающий путеводитель по творчеству Ильи Стогова [электронный ресурс] // Горький (GorkyMedia). 27.01–01.03.2022. URL: <https://gorky.media/context/nepolnyj-no-ischerpyvayushhij-putevoditel-po-tvorchestvu-ili-stogova/> (дата обращения: 15.04.2023).
- Щиrowsкая 2006 — *Щиrowsкая Т. Н.* Типология сюжетов в произведениях отечественной массовой литературы 1990–2000-х годов: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Армавир, 2006. 23 с.

References

- Aminov I. R. Ethnic and language conflicts in contemporary Russia. *Aktual'nye problemy gumanitarnykh i estestvennykh nauk*. 2015. No. 6-2. Pp. 216–217. (In Russ.)
- Banaeva M. G. The Buryat of Moscow: Migrations and an experience in sociocultural adaptation. *Etnograficheskoe Obozrenie*. 2011. No. 6. Pp. 40–57. (In Russ.)
- Belova O. V. About the 'zhyd' and their 'zhyd faith' in folk beliefs of East Slavs. In: Belova O. V., Mochalova V. V., Petrukhin V. Ya., Chulkova L. A. (eds.) *Us or Them? Jews and Slavs in Each Other's Eyes*. Moscow: Institute for Slavic Studies (RAS), 2003. Pp. 160–175. (In Russ.)
- Blagodatskikh V. G., Kerimov A. A. International relations in modern Russia: Problems and decision ways. *Discourse-P*. 2017. No. 2 (27). Pp. 40–47. (In Russ.)
- Bugai N. F. The problem of interethnic relations in the Russian Federation in modern historiography. The 1990s to 2017. *"White Spots" of the Russian and World History*. 2017. No. 4–5. Pp. 53–76. (In Russ.)
- Constitution of the Russian Federation (as amended on 1 July 2020). On: The State Duma (official website). Available at: <http://duma.gov.ru/legislative/documents/constitution/> (accessed: 9 April 2023). (In Russ.)
- Kalashnikov I. K. Not a bed of roses. In: Kalashnikov I. K. *Not a Bed of Roses*. Novel. Short stories, essays, novellas. Ulan-Ude: Buryat Scientific Center (SB RAS), 1999. Pp. 7–217. (In Russ.)
- Kaminasi K. *Interrogating the Inconsolable Widow*. Moscow: Astrel, AST, Olimp, 2004. 382 p. (In Russ.)
- Kapitsyn V. M. Stigmatisation as a threat to national identity (Lessons for the present from the past). *Bulletin of the Institute of Sociology*. 2023. Vol. 14. No. 1. Pp. 45–66. (In Russ.) DOI: 10.19181/vis.2023.14.1.3
- Moscow authorities to punish racists that insulted young women from Buryatia. On: Baikal Daily (news agency). Posted on 10 June 2021. Available at: <https://www.baikal-daily.ru/news/20/415747/> (accessed: 9 April 2023). (In Russ.)
- Nagovitsyn V. V. [Celebrating] the 350th anniversary of Buryatia's voluntary incorporation into the Tsardom of Russia. *Vlast'*. 2011. No. 5. Pp. 5–8. (In Russ.)
- Orlov K. Propaganda via negative characters. On: Personal blog of K. Orlov. Available at:

- http://orkonsbook.blogspot.com/p/blog-page_2.htm (accessed: 9 April 2023). (In Russ.)
- Platova V. E. Taxi for an Angel. Novel. Moscow: Astrel, AST, 2006. 477 p. (In Russ.)
- Porshneva O. S. Historical imagology as a branch of contemporary Russian historiography. In: Zapary V. V. (ed.) The Industrial Urals. Bakunin Readings: Industrial Modernization in the Urals, 18th–21st Centuries. Jubilee conference proceedings. Vol. 1. Yekaterinburg: Ural Institute of Technology (Ural State Technical University), 2014. Pp. 126–129. (In Russ.)
- Razuvalova A. I. Image of a north “inorodetz” in V. Astafiev’s prose. *Tomsk State University Journal of Philology*. 2013. No. 4 (24). Pp. 96–109. (In Russ.)
- Repina L. P. ‘National character’ and the ‘image of the other’. *Dialogue with Time*. 2012. No. 39. Pp. 9–19. (In Russ.)
- Shcheglov I. An incomplete (though detailed) guide to writings by Ilya Stogoff. On: Gorky (GorkyMedia). 27 January – 1 March 2022. Available at: <https://gorky.media/context/nepolnyj-no-ischerpyvayushhij-putevoditel-po-tvorchestvu-ili-stogova/> (accessed: 15 April 2023). (In Russ.)
- Shchirovskaya T. N. Russian Popular Literature, 1990s–2000s: Typology of Plots. Cand. Sc. (philology) thesis abstract. Armavir, 2006. 23 p. (In Russ.)
- Sokolov A. B. Body as a means to identify ‘the other’. *Journal of Cultural Research*. 2010. No. 1. Pp. 1–14. (In Russ.)
- Stogoff I. The Ten Fingers. On: LitLife (literary web portal). Available at: <https://litlife.club/books/26091> (accessed: 15 April 2023). (In Russ.)
- Stogoff I. The Thirteen Months. Novel. St. Petersburg: Amfora, 2004. 311 p. (In Russ.)
- Timoshkin D. O. Ethnic identity as an “enemy” marker in modern Russian crime fiction. *Tomsk State University Journal of History*. 2015. No. 5 (37). Pp. 91–98. (In Russ.)
- Timoshkin D. O. Ethnic stereotype in the contemporary Russian criminal novel. *The Bulletin of Irkutsk State University. Series Political Science and Religion Studies*. 2012. No. 2 (9). Pt. 2. Pp. 76–84. (In Russ.)
- Timoshkin D. O. The image of the “Caucasian” in the pantheon of villains of the contemporary Russian criminal novel. *Diaspory*. 2013. No. 1. Pp. 65–83. (In Russ.)
- Zhalsanova V. G., Breslavsky A. S., Biltrikova A. V. Interethnic relations in the Republic of Buryatia: Expert community’s assessment. *Society: Sociology, Psychology, Pedagogics*. 2017. No. 8. Pp. 10–16. (In Russ.)
- Zhambalova S. G. Images of Asians in twenty-first century Russian popular literature. In: Globalization and Modern Eurasia: History, Trends, Challenges for Change Conference proceedings (Ulaanbaatar, 30 June – 1 July 2018). Ulaanbaatar: Udam Soyol, Mongol Uls, 2018. Pp. 178–188. (In Russ.)
- Zhambalova S. G. Images of the Asian in twenty-first century Russian popular literature. In: Nam I. V. (ed.) Fourteenth Congress of Russia’s Anthropologists and Ethnologists. Proceedings (Tomsk, 6–9 July 2021). Moscow, Tomsk: Tomsk State University, 2021. P. 781. (In Russ.)
- Zhambalova S. G., Igaue N. The Kaleidoscope: Ethnographic Sketches in Oral Narratives of Buryatia’s Inhabitants, 20th to Early 21st Centuries. Ulan-Ude: Buryat Scientific Center (SB RAS), 2010. 412 p. (In Russ.)

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

УДК / UDC 821. 82-16.398

DOI: 10.22162/2500-1523-2023-2-253-270

Благопожелание чаю в современной калмыцкой лирике: фольклорный аспект

Римма Михайловна Ханинова¹

¹ Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. им. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)

доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник

 0000-0003-1239-5639. E-mail: [khaninova\[at\]bk.ru](mailto:khaninova[at]bk.ru)

© КалмНЦ РАН, 2023

© Ханинова Р. М., 2023

Аннотация. *Введение.* В статье рассматривается жанр благопожелания чаю в современной калмыцкой лирике сквозь призму фольклорной традиции. *Актуальность* работы определяется малоизученностью заявленной темы в данном ракурсе. *Целью* статьи является исследование фольклорного аспекта в стихах калмыцких поэтов, адресованных калмыцкому чаю. *Материалами* исследования стали репрезентативные стихи современных калмыцких поэтов, созданных представителями разных поколений на калмыцком и русском языках. *Источники* для изучения — фольклорные жанры: благопожелание чаю, пословицы, поговорки, триады. Основными методами, использованными в статье, являются историко-литературный, историко-функциональный, сравнительно-сопоставительный, метод описательной поэтики. *Результаты.* В современной калмыцкой лирике жанр благопожелания чаю нашел отражение в ряде репрезентативных стихотворений, адресованных национальной пище. Это тексты на калмыцком и русском языках, созданные поэтами разных поколений, старшего возраста и молодежью. Жанр благопожелания чаю, как и в фольклорном аналоге, у многих калмыцких поэтов может синтезировать так или иначе элементы разных жанров: часто йорял (благопожелание) и магтал (восхваление), иногда *цэгд тэвх йөрэл* («благопожелание чаю») и хаалһин йөрэл («благопожелание на дороге»). *Выводы.* У калмыцких авторов благопожелание чаю описывает подношение предкам, божествам, а также угощение гостям, подчеркивая тем самым главенство и первенство чая в ритуале, обряде, в выражении гостеприимства. Репрезентативные тексты, адресованные калмыцкому чаю в фольклорной традиции, созданы в основном поэтами старшего и среднего поколений, владеющих родным языком, знакомых с устным народным творчеством, обычаями и обрядами, верованиями предков.

Ключевые слова: фольклор, благопожелание, калмыцкий чай, калмыцкая поэзия, литературная традиция, трансформация, перевод

Благодарность. Исследование проведено в рамках государственной субсидии — проект «Универсалии и специфика традиций монголоязычных народов сквозь призму кросс-культурных контактов и системы взаимоотношений России, Монголии и Китая» (номер госрегистрации: 123021300198-4).

Для цитирования: Ханинова Р. М. Благопожелание чаю в современной калмыцкой лирике: фольклорный аспект // Монголоведение. 2023. Т. 15. № 2. С. 253–270. DOI: 10.22162/2500-1523-2023-2-253-270

Tea Well-Wishes in Contemporary Kalmyk Lyric Poetry: The Folklore Aspect Revisited

Rimma M. Khaninova¹

¹ Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilishkin St., 358000 Elista, Russian Federation)
Dr. Sc. (Philology), Leading Research Associate

 0000-0003-1239-5639. E-mail: khaninova[at]bk.ru

© KalmSC RAS, 2023

© Khaninova R. M., 2023

Abstract. *Introduction.* The article examines the genre of tea well-wishes in contemporary Kalmyk lyric poetry through the prism of folklore tradition. The fact that the theme has been somewhat understudied from the latter perspective makes the work relevant enough. *Goals.* The article aims to investigate the folklore aspect in Kalmyk poets' narratives addressing Kalmyk tea. *Materials and methods.* The paper analyzes related Kalmyk- and Russian-language poems by contemporary Kalmyk poets representing different generations. The study shall examine a number of folklore genres, such as tea well-wishes, proverbs, sayings, and three-part (ternary) poems. The main methods employed are historical-literary, historical-functional, comparative analysis ones, and that of descriptive poetics. *Results.* In modern Kalmyk lyric poetry, the mentioned genre is represented by a number of poems dealing with ethnic foods. These are texts in Kalmyk and Russian created by poets of different generations — elderly and young ones. In terms of genre, literary tea well-wishes — like the latter's folklore analogues — largely tend to synthesize different patterns: these often resemble *yöräls* (well-wishes) and *magtals* (praises), sometimes — tea well-wishes proper (Kalm. *цэд тэвх йөрэл*) and farewell well-wishes (Kalm. *хаалхин йөрэл*). *Conclusions.* Tea well-wishes authored by Kalmyk poets describe offerings to ancestors, deities, as well as treats to guests, which reveals the primacy and undeniable significance of tea in rituals, rites, and hospitality. In the folklore tradition, representative texts addressing Kalmyk tea have been created mainly by elderly and middle-aged poets fluent in mother tongue, familiar with oral folklore, customs, rituals, and beliefs of ancestors.

Keywords: folklore, well-wishes, Kalmyk tea, Kalmyk poetry, transformation, literary tradition, translation

Acknowledgements. The reported study was funded by government subsidy, project no. 123021300198-4 'Universals and Specifics of the Traditions of the Mongolian-Speaking Peoples through the Prism of Cross-Cultural Contacts and the System of Relations between Russia, Mongolia and China'.

For citation: Khaninova R. M. Tea Well-Wishes in Contemporary Kalmyk Lyric Poetry: The Folklore Aspect Revisited. *Mongolian Studies (Elista)*. 2023; 15(2): 253–270. (In Russ.). DOI: 10.22162/2500-1523-2023-2-253-270

Введение

Фольклорный жанр «Цэд тэвх йөрэл» («Благопожелание чаю») имеет разновидности, но сохраняет базисную основу с основными формулами и

словами-маркерами. Произносимые как в ритуалах обрядов, так и вне их, йорялы калмыцкому чаю манифестируют место и роль национального напитка в жизни народа на протяжении многих веков как одного из компонентов подношения, почетного угощения (*идэни дееж*), выражают философию и этнические ценности калмыков.

Одно из благопожеланий чаю «Цэһин йөрэл» звучало так: *Цэ шиңгн болв чигн, / Идэни дееж, / Цаасн нимгн болв чигн, / Номин кулг. / Кезэн кергт / Зул, Цаһаһан кезж, / Күмни олыг орулж-һарһж, / Көгидинь йөрәлинь авч, / Улан зандн цэәһәрн / Деежэн өргж, / Улан, хар эркәр цацлан цацж, / Алтн делкән амулң багтж, / Амулң эдлтн. / Өгсн улс өглһин эзн, / Мана уусн аришан болтха! / Йөрэл бүттхә!* 'Хоть и жидкий чай — почетное угощение, хоть и тонкая бумага — основа книги. Празднуя Зул, Цаган, встречая и провожая всех, получив благопожелание стариков, красно-сандаловым чаем совершив подношение, вином, водкой сделав кропление, живите благополучно. Пусть для хозяев, угостивших нас, выпитое нами станет аршаном (божественным напитком). Да исполнится благопожелание!' ¹ [Хальмг улсин йөрэл 2010: 16].

В монгольской триаде «Три из того, что желанно» (*Высохшие деревья о зеленых ветвях мечтают. / Лысая голова о густых волосах мечтает. / Чай сухой о воде, об огне, о дровах мечтает*) [Песни аратов 1973: 195] прием олицетворения соединяет основные средства для приготовления чая: вода, огонь, топливо.

В калмыцкой лирике начала XXI в. преемственность жанра благопожелания чаю продолжилась в ряде стихотворений поэтов разных поколений. Они созданы как на калмыцком, так и на русском языках. Речь идет не об упоминании калмыцкого чая в стихах, а о фольклорной и литературной традиции в калмыцкой поэзии нового столетия. Примеры подобных стихотворений предшественников — Санджи Каляева, Боси Сангаджиевой, Михаила Хонинова, Андрея Джимбиева, Тимофея Бембеева, Санджары Байдыева, Сергея Бадмаева, Эрнеста Тепкенкиева, Ивана Бадма-Халгаева, Айсы Бамбаевой — послужили своеобразным творческим ориентиром для последователей [Ханинова 2023: 457–470].

Заглавия репрезентативных стихотворений Веры Шуграевой, Владимира Нурова, Эрнеста Тепкенкиева, Ивана Убушаева, Ивана Бадма-Халгаева, Николая Хатуева, Осорин Утнасн, Николая Санджиева, Георгия Авджаева, Ольги Соломовой, Эрдни Бадмаева, Риммы Ханиновой, Татьяны Бадаковой, Василия Сухотаева повторяют те же ключевые маркеры: «Хальмг цэ» («Калмыцкий чай»), «Жомба» («Джомба»), в сочетании со словом *цэ*, в сочетании со словосочетанием *хальмг цэ*, а также с иными словами. Помимо озаглавленных стихотворений, есть тексты, названные по первой строчке.

Большинство стихотворений, в зависимости от языка оригинала, имеет русские или калмыцкие переводы, осуществленные различными поэтами в разные годы. В рамке всех произведений отсутствуют подзаголовки, эпиграфы, посвящения, в немногих текстах указаны место и время написания. Историко-литературный, сравнительно-сопоставительный и типологический подходы способствуют выявлению жанровой дифференциации стихотворений —

¹ Здесь и далее наш смысловой перевод. — Р. Х.

благопожелание чаю современных поэтов в фольклорном аспекте. Обращение к русским переводам оригинальных текстов калмыцких поэтов обусловлено необходимостью выявить соответствие авторскому замыслу и жанру.

Стихотворение Николая Санджиева «Жомба» в оригинале не удалось найти в просмотренных публикациях, поэтому к переводу Ю. Щербакова («Джомба», 2018) не обращаемся [Санджиев 2018: 35–36].

Предметом исследования указанная тема не была в фокусе внимания литературоведов и лингвистов за исключением недавних статей, в которых рассмотрены фольклорная традиция йоряла чаю в калмыцкой лирике прошлого века [Ханинова 2023], гостеприимство в калмыцкой, русской и английской лингвокультурах в семиотическом ракурсе чаепития [Сарангаева 2020], английский перевод стихотворений калмыцких поэтов о чае [Сарангаева, Голубева, Калыкова 2021], что определяет актуальность и новизну данной работы.

Благопожелание чаю в современной калмыцкой лирике: фольклорная традиция

Продолжая тему калмыцкого чая, начатую стихотворением «Хальмг цэ» («Калмыцкий чай», 1963), Эрнест Тепкенкиев написал стихотворение «Хальмг цэһэр тоонав» («Угощаю калмыцким чаем»), в переводе Валентины Лиджиевой («Приглашение на джомбу», 2000). С самого начала поэт перечислил первостепенные составляющие компоненты национального угощения для незнакомого гостя: *Харин гишч дууднав, / Хальмг цэһэр тоонав. / Боорцг, целвг тэвнэв, / Бордад гишчэн тавлунав* ‘Приглашу незнакомого гостя, угощу калмыцким чаем. Положу борцыки, круглую лепешку, накормлю гостя’ [Төвкнкин Э. 2007: 143]. Боорцг — мучные, жаренные в масле изделия разной формы. Поэт обозначил их вначале общим словом, а затем выделил одну из главных форм в виде круглой лепешки (*целвг*), символизирующей солнце. Он подчеркнул температуру напитка, от которого поднимается пар (*цэһин ур*), запах мускатного ореха (*зэтин үнрнь*), влияние чая на человека (*заядар көлс һарһна* ‘вызывает сильный пот’), цвет чая (*зандн улан цэ* ‘крепкий (или сандалового цвета) красный чай’), т. е. обозначил основные характеристики чаепития, как и его предшественники-поэты. В продолжение размышлений о пользе чая акцентировано: дает отдых и силу усталому телу, бодрость уму. За такой почетной едой разговор идет, радуя собеседника. Напоминая о другом компоненте напитка (соль), поэт также актуализировал чай как почетное подношение-угощение, используя формульное словосочетание (*хотын дееж*). Современный ракурс показан в противопоставлении национального напитка зарубежным — кока-колы и пепси (*кока-кола, пепси биш*) в том, что чай не только утоляет жажду, но и дает сытость, прибавляя силы. Поэтому *Хальмгин түрүн хот, / Хальмг цэ алтрна* ‘Калмыцкая первая еда, калмыцкий чай золотится’ [Төвкнкин Э. 2007: 144]. Глагол *алтрна* образован от существительного *алтн* ‘золото’. Таким неологизмом автор дает оценку чаю и в то же время обыгрывает его желтый (золотистый) цвет, связанный с маслом, еще одним компонентом напитка. В заключительном четверостишии звучит приглашение гостю — отведать горячий чай, а также уверение в том, что будет подношение всевышним, чтобы всегда светило солнце: *Хальмгт гишч иртн, /*

Халун цэ эдлтн! / Деедкст деежэнь бэрнэв, / Деертн нар урһанав! [Төвкнкин Э. 2007: 144]. Это одно из первых стихотворений современных калмыцких поэтов с включением сакрального (божественного) элемента. Восклицательные знаки передают эмоциональный настрой поэта-хозяина, соблюдающего ритуал чаепития и воздающего должное людям и божествам.

Неудачный в целом перевод В. Лиджиевой, начиная с заглавия, не передает жанр стихотворения Э. Тепкенкиева [Тепкенкиев 2000: 117–118]. Во-первых, у автора в тексте нет слова *жомба* ‘джомба’, а только *цэ* ‘чай’ в разных словосочетаниях. Как известно, калмыки выделяют эти виды напитка, подчеркивая, что джомба — чай лучшего приготовления по отдельному рецепту. Это нашло отражение и в стихах калмыцких поэтов, давших по-разному название своим произведениям. Во-вторых, содержание оригинала в переводе не отвечает жанровым особенностям, превращаясь просто в стихотворение на тему калмыцкого чая. Исчезли ключевые слова-коды (например, *түрүн хот, зандн улан цэ, зэтин үнрнь, хотын дееж, деедкст деежэнь бэрнэв*), введены детали, отсутствующие у автора (например, *белое облако, ковер, рай, лимонад, эликсир, мой друг*). В оригинале нет пояснения, кто приготовил чай, переводчик же наделяет этой ролью автора (*Чай варю и борцогн пеку*). Ср. в стихах Санджи Каляева («Кермнэ чансн цэ» = «Чай, сваренный Кермен») и Боси Сангаджиевой («Ээжин цэ» = «Бабушкин чай»). Та же небрежность у переводчика в форме стиха: нет четкого стихотворного размера.

Стихотворение «Хальмг цэ» («Калмыцкий чай», 2000) Ивана Убушаева, созданное в мае 2000 г., как указано автором, сразу начинается с определения, что это за чай: *Уух, идх тоотас, / Уурта, шимтэ хотас / Уул чинрэн даасн / Улан хальмг цэ* ‘Из всего, что можно пить и есть, из самой вкусной еды, дающей силы (букв. преодолевающей горы), — красный калмыцкий чай’ [Убушаев 2002: 45]. Ср. с «Цээһин йөрэл» («Благопожелание чаю»): *Мана уусн аршан болтха!* ‘Пусть выпитое нами станет божественным напитком!’ [Хальмг улсин йөрэлмүд 2010: 16], с эпической формулой божественного напитка — аршан: *Испил аршан, таивший в себе девяносто девять сил* [Джангар 1990: 276].

Улан хальмг цэ или *Улан зандн цэ* — одна из фольклорных формул чая [Хальмг улсин йөрэлмүд 2010: 16], часто встречаемая и в рассмотренных нами стихах калмыцких поэтов прошлого столетия. Во второй строфе стихотворения приведена вторая формула (*идэни дееж*): *Хальмг цэ — идэни дееж* ‘Калмыцкий чай — почетное подношение / угощение’ [Убушаев 2002: 45]. В таком сочетании или одним словом *дееж* дается в авторских образцах благопожелания чаю в калмыцкой поэзии. Во второй строке представлена и авторская формула: *Хальмг цэ — хотын ээж* ‘Калмыцкий чай — мать пищи’ [Убушаев 2002: 45]. Такой метафорой поэт акцентировал главенство чая в системе питания калмыков. Поэтому он выражает благопожелание этому напитку: *Ухандм йөрэл урһасн / Улан хальмг цэ* ‘Рождающий во мне йорял красный калмыцкий чай’ [Убушаев 2002: 45], т. е. автор актуализировал процесс создания стихотворения-благопожелания. Он объяснил: *Йөрэл өргх деернь / Йор-янзнь хээгднэ. / Утхта үгим батлсн / Улан хальмг цэ* ‘Всегда найдется повод / случай, чтобы произнести благопожелание. Суть моих слов закрепит красный калмыцкий чай’ [Убушаев 2002: 45]. Последующие две строфы традиционно передают пользу чая для

человека в сильный мороз (*хар-цоод кишнднь*) и в палящий зной (*һал-цог халунднь*). Завершает стихотворение повтор второй строфы. Рефреном всего текста становится формула *улан хальмг цэ*, которая повторяется шесть раз, заключая каждое четверостишие. Итого семь раз, включая заглавие. Это своего рода метатекст, показывающий создание авторского жанра, — йорял чаю.

Стихотворение Григория Авджаева «Өрүни цэвхэн чанад...» («Сварив утренний чай...», 2009) начинается, как и стихотворение Осорин Утнасун, с приготовления калмыцкого чая и его подношения: *Өрүни цэвхэн чанад, / Өөдлүжэ деежэ өргнэв* [Авджаев 2009а: 54]. Но в отличие от О. Утнасун поэт уточнил, кому он делает подношение: *Өвкнрин нердинь санад, / Өткн цэвхэр аршалнав* ‘Вспоминая имена предков, преподношу им густой чай’ [Авджаев 2009а: 54]. Неологизм-глагол *аршалнав* образован от существительного *аршан* — божественный напиток, автор так активировал сакральный статус чая. Последующие две строфы передают запах и цвет чая, сравнимого с сиянием солнца и степными травами-цветами, придающими силу человеку. В четвертой строфе тема почетного угощения чаем связана, как обычно, с гостями. Приведем цитату в другой редакции: *Идэни тоолгдсн деежэр / Иньгэн байрлжэ тоснав. / Ил дуран келсэр / Ирсн гишчэн тоонав* ‘Пищей, которая считается почетным подношением, радуясь, встречаю друга, угощаю гостя’ [Авджаев 2016: 39]. Подытоживая сказанное, поэт напомнил, когда выпьешь калмыцкий чай, жажда в дороге ослабевает, а когда потчуеть неразлучного друга, весна в сердце расцветает: *Хальмг цэ уухла, / Хаалһин ундн хэрнэ. / Халцдог иньгэн тоохла, / Хавр чееждэн жиргнэ* [Авджаев 2016: 39]. Метафора весны придает тексту дополнительную характеристику радости. В контексте, по нашему мнению, есть отсылка и к благопожеланию на дорогу («хаалһин йөрэл»).

В переводе Юрия Щербакова 25 строк оригинального произведения Г. Авджаева лишились строфической структуры, ключевых слов и фольклорных формул, характерных для данного жанра. Неточность есть в начале: *В чае моем — память светлая предков* [Авджаев 2009в: 55]. Добавлены детали, отсутствующие в первоисточнике, штампы (*с зарей обнимается ветер, трепет зарниц, синего неба бездонное море* и др.), определения чая как бальзама, эликсира, старинного волшебного напитка, в котором *солнечной страсти кипящее пламя* (!). Как в переводе стихотворения О. Утнасун, так и в конце перевода стихотворения Г. Авджаева риторическая декларация не соответствует авторским словам и данному жанру: *Братья-потомки, средь бурных событий / Верность калмыцкому чаю храните. / Чтобы остались в любом человеке / Наши добро и надежда навеки!* [Авджаев 2009в: 55].

В том же жанре благопожелания чаю написано другое стихотворение Г. Авджаева «Идэһэр элвг ширэһэр...» («Обильной пищей на столе...», 2009). В первых строках показано гостеприимство хозяина, встречающего друга обильной пищей на столе. Указание не случайно, поскольку калмыцкая пословица гласит: *Гишчэс хот бичэ хармн, бийдсн хувц бичэ хармн*. ‘Для гостей не жалея пищи, а для себя — одежды’ [КРС 1977: 143]. Последующие строки первой строфы уточняют первенство пищи, которой по традиции начинают чествовать гостя: *Каңкнсн хальмг цэвхэр / Күндтэ гишчэн тоонав* ‘Ароматным калмыцким чаем уважаемого гостя потчую’ [Авджаев 2009б: 32]. Во второй строфе часто

встречаемое у калмыцких поэтов сравнение цвета густого напитка с золотом, с солнечным светом: *Агта цээһин өңгнэ / Алтар нанд үзгднэ. / Хүврдго нарна һалнь / Халжэ зүркнд немгднэ* ‘Цвет крепкого чая видится мне золотом, огонь вечного солнца разгорается в моем сердце’ [Авджаев 2009б: 32]. Пожелание в конце стихотворения характерно для избранного жанра: *Цээһэн хамдан ууһад, / Цецн селвгэн хадһлый. / Урһсн һазран таасад, / Ухандан нар залый* ‘Вместе распивая чай, будем сохранять мудрые советы. Землю, на которой выросли, будем почитать, словно солнце’ [Авджаев 2009б: 32]. Эта строфа о мудрых советах предков отсылает к калмыцкой пословице о том, что мастер тот, кто чинит поношенную одежду, мудр тот, кто думает о будущем: *хуучан хатхсн урн, хөөткэн сансн — цецн* [КРС 1977: 634]. В этом стихотворении поэт использовал те же ключевые слова и словосочетания (*идэн, хальмг цэ, агта цэ, каңкнсн хальмг цэ, гиич, тоснав, тоонав, хамдан*).

У Ю. Щербакова перевод так же далек от оригинала, как и в предыдущем случае. Желая разнообразить, видимо, текст, он противопоставляет чай баранине, которой нет в первоисточнике, а чаю — разговор: *Но дороже всего — разговор, / Чай и мясо — приправа к нему* [Авджаев 2009г: 33]. Такое противопоставление противоречит авторскому замыслу и избранному им жанру, как и утверждение переводчика о том, что красноречию за калмыцким столом воздаются честь и хвала, что отражено в риторической концовке-штампе: *Мы сегодня беседу ведем, / Чтобы завтра вершились дела!* [Авджаев 2009г: 33]. Остается шаблонная декларация вместо задушевной интонации благопожелания.

Стихотворение Николая Хатуева обращено прежде всего к молодежи, чтобы она знала народные обычаи. Первые восемь строк повествуют о том, как нужно приготовить калмыцкий чай для подношения многим божествам, Белому Старцу. *Заңһта худгин усар / Зандрсн цээһэн нерэд, / Давсинь, усинь, тосинь / Дигләд тэвжэ чанад, // Деед олн бурхдтан, Делкэн Цаһан Аавд / Цаһан седкл бэрэд, / Цээһэрн деежэ өргтн* ‘Колодезной водой (букв. водой, взятой при помощи колодезного журавля), сварив крепкий/ красный чай, добавив соль, молоко, масло, многим всевышним, Белому Старцу, со светлыми помыслами обратившись, чаем преподнесите почетное угощение’ [Хатуха Н. 2014: 24]. Если у некоторых калмыцких поэтов есть общая адресация подношения божествам, то у Н. Хатуева в этот ряд включен и Белый Старец, в буддийских верованиях — хозяин земли-воды, божество местности, в буддийском пантеоне монголоязычных народов он хранит жизнь и долголетие, способствует плодородию и благоденствию. Ср. в благопожелании пище («Хотын йөрэл») обращаются и к Белому Старцу (*Делкэн Цаһан өвгндэн*) [Хальмг улсин йөрэлмүд 2010: 87]. Упоминание о колодезной воде обусловлено как воспоминанием автора о сельском детстве, так и о своей матери. *Халун уурта хотас / Хальмгудт цэ — деежэ, / Өдр болһн экм / Өргдг деежэнь — цэ* ‘Из всей горячей пищи для калмыков чай — почетное подношение. Каждое утро моя мама чаем делала подношение’ [Хатуха Н. 2014: 24]. Такая автобиографическая деталь подтверждала не книжное, а семейное следование обычаям и обрядам предков. Поэтому поэт признался, что в чужом краю вспоминает калмыцкий чай, как будто расстался с любимыми родителями. Эта преемственность проецируется на подношение духам предков, сохраняющим незримую связь с оставшимися в этом мире, оберегающим родственников.

Название стихотворения Ивана Бадма-Халгаева «Ээжин аршан» («Бабушкин божественный напиток», 2016) объединяет характеристику калмыцкого чая с мастерством его приготовления. Сюжет передает угощение бабушкой своих внуков джомбой и борцыками. Крепкая вкусная джомба заправлена мускатным орехом и гвоздикой: *Затяр, хальмпрар амтлад, / Зандрулад чансн жомба* [Бадм-Хаалһин И. 2016: 76]. Поэт подчеркнул, что джомба и борцыки являются калмыцким подношением пищи: *Хальмгудын хотын дееж* [Бадм-Хаалһин И. 2016: 76], тем самым подтверждается первенство калмыцкого чая в составе пищи-подношения. По замечанию поэта, современные дети вначале, как полагается по этикету, благодарят бабушку за угощение (*Ханжсанавидн, хэртэ ээж!* ‘Спасибо, любимая бабушка!’), а потом произносят обязательную фольклорную формулу: *Аршан болтха!* ‘Пусть станет божественной пищей!’ [Бадм-Хаалһин И. 2016: 76]. По обычаю же все должно быть наоборот: сначала формула, а потом благодарность. Концовка стихотворения структурирована диалогом бабушки и внуков. После того, как дети благодарят бабушку, она отвечает им в соответствии с обычаем: *Тиигтхэ!* ‘Да будет так!’ [Бадм-Хаалһин И. 2016: 76]. И старая женщина добавляет еще одно формульное пожелание: *Аньр уга шингртхэ!* (букв. ‘Пусть без помех усваивается!’), иначе говоря: «На здоровье!») [Бадм-Хаалһин И. 2016: 76].

В четверостишии молодого поэта Эрдни Бадмаева «Деедс минь, таанрт...» («Всевышние мои, вам...», 2019) обращение к всевышним, с одной стороны, соблюдение традиции фольклорного аналога, с другой — примета нового времени без цензуры в выражении верований народа: *Деедс минь, таанрт / Даңгин ханлтан өргхэр / Деежлсн цэгһэсм цацрж / Дуута неритн саннав...* ‘Всевышние мои, вам всегда благодарность воздаю, окропив моим чаем-подношением, вспоминаю ваши призывные имена’ [Бадмаев 2019: 41]. Здесь упоминается обряд «цацал» — кропление жертвенной пищей (чаем, кумысом, водкой), отсылая к другим благопожеланиям «Цацлын тавн йөрэл» («Благопожелание пяти кроплениям»), «Хотын йөрэл (Цацлмудын йөрэл)» («Благопожелание пище (Благопожелание кроплением)») [Хальмг улсин йөрэлмүд 2010: 59–60, 67].

Название стихотворения «Хальмг цэ — бурхна ундн» («Калмыцкий чай — напиток богов», 2017) Владимира Нурова декларирует божественный статус пищи, по ассоциации напоминая о калмыцких легендах происхождения чая с помощью молитвы. Размышляя о том, что среди еды на столе встречается вкусная, превосходная, легкая, поэт в исторической призме показал: *Улан зандн ундар иньгэн / Улан залата өөрд тосна* ‘Красным, сандалового цвета напитком краснокисточные ойраты встречают друга’ [Нуура В. 2021: 104]. Указывая на культурный код головного убора предков (красная кисточка на шапке в солярной символике), поэт также использует устойчивое фольклорное сочетание (*улан зандн ундн*), подчеркивая главенство этого напитка в угощении. Эпическая традиция проявляется во второй строфе о том, что соленый чай в зной, когда кровь высыхала в жилах, поднимал раненого воина. Когда дороже всех сокровищ мира жизнь предков, подобных божествам, подвергалась испытаниям, этот напиток, спасавший людей от голода, становился вечной святыней: *Делкэн зөөрэс үнтэ жирһл / Деедс эдл өвким сөрхлэ, / Олинх хэрүлсн ундн мөңкин / Өрин шүтэн болж үлднэ* [Нуура В. 2021: 104]. Заклучая свои размышления, автор подчер-

кнул, что у всех народов мира подношение божествам включает разную пищу, а у калмыков божественным напитком встречают и друзей: *Делкэн олн-келн улс / Деедсэн олн зүсн хотар тоона. / Хальмг улс бурхна ундар / Хар уга иньгэн тосна* [Нуура В. 2021: 104].

В переводе Владимира Сорокина-Ильинского «Калмыцкий чай — напиток богов» также встречаются неточности, например, нивелирующие исторический экскурс (нет названия предков — ойраты, нет этнического маркера — красные кисточки), характеризующие воина, которому чай возвращал, помимо силы, и *отвагу* (?!). Стилистические погрешности в переводе снижают авторский замысел: голод «людей доводил до предела» (?!), вместо подношения божествам у переводчика: «В мире каждый народ верен снеди своей. / И калмыцкий народ, в свою очередь» (?!) [Нуров 2017: 6], есть избыточные пояснения (*самые верные и желанные друзья*).

Благопожелание чаю в современной калмыцкой лирике: фольклорная традиция в гендерном ракурсе

Заглавие стихотворения Веры Шуграевой «Хальмг цэ» («Калмыцкий чай», 2008) отвечает его содержанию. Сюжет также построен по известной схеме: калмыцкий чай как угощение и подношение. В трех пятистишиях, структурированных рефреном со словом *цэ*, его формой *цээг* и словосочетанием *хальмг цэ*, его производным (*хальмг цээһар*) ключевые коды повторяются 7 и 8 раз соответственно. Краткий текст можно условно разделить на три мотива. Первая строфа — призыв к угощению гостя горячим (с паром) красным (крепким) чаем: *Халун уурта зандн цээг / Хээртэ гиичдэн бэрүлэд өгий: / Уутн, эдлтн / Цэ!* ‘Угостим незнакомого гостя горячим красным чаем: пейте, вкушайте чай!’ [Шугран В. 2008б: 245]. Ср. в переводе Р. М. Ханиновой добавление мускатного ореха: *Горячий чай с мускатным вкусом / Гостям почетным поднесем: / — Вкушайте, пейте...* [Шуграева 2015: 56]. Вторая строфа — посвящение подношения младшему сыну: *Далһа модн ааһар дүүргэд, / Деежһинь отхн көвүндэн нерэдий: / Уутн, эдлтн / Цэ!* ‘Наполнив широкую деревянную пиалу подношением, посвятим младшему сыну: пейте, вкушайте чай!’ [Шугран В. 2008б: 246]. Ср. в переводе Р. Ханиновой вместо конкретизации (младший сын) дано обобщение (наследник), пояснено слово *дееж* как «еда бурханам»: *Мы деревянной чашей предков / Наследника благословим / — Едой бурханам, чтобы крепок / Был чай калмыцкий всюду с ним* [Шуграева 2015: 56].

По традиции подношение в конце дня выпивали, съедали, давая младшим детям. Ср. в другом шуграевском стихотворении «Дееж бэрсн...» («Взяв подношение...»), где маленький внук Цецн, допивая пиалу с джомбой-подношением, надрывно заплакал, прося бабушку: *Ааһм чилжэһнэ, / Адһтн, ээж, / Цадад угав, / Цээһэһн кетн* ‘Чай кончается, поспешите, бабушка, не наелся, налейте чаю’ [Шугран В. 2008а: 109].

В третьей строфе первого стихотворения соединены два жанра благопожелания — на дорогу (*хаалһин йөрэл*) и чаю: *Хол хаалһд йовхиннь өмн / Хальмг цээһар йөрэл тэвий: / Уутн, эдлтн / Цэ!* ‘Перед дальней дорогой произнесем благопожелание чаем: пейте, вкушайте чай!’ [Шугран В. 2008б: 246]. Ср. в переводе: *И перед дальнею дорогой / Йорял, как встарь, мы говорим: / — Вку-*

шайте, пейте на здоровье! / Калмыцкий чай благодарим! [Шуграева 2015: 56]. Соединение двух йорялов как бы удваивало благотворный посыл пожеланий, поскольку и на проводах, и при встречах чаепитие было обязательным ритуалом, сопровождаемым вербальным компонентом, чтобы дорога была легкой, а возвращение — благополучным. Таким образом, в переводе текст стал свободен от рефрена «Калмыцкий чай!», сохранив авторский замысел.

Как у Боси Сангаджиевой, у Ольги Соломовой стихотворение названо «Ээжин цэ» («Бабушкин чай», 2016). Оно начинается с риторических вопросов: что может быть лучше дедушкиного йоряла, что может быть лучше бабушкиного чая? Напиток назван божественным аршаном: *Аршан болсн цэ* [Салмин О. 2016: 43]. Повторяя эту формулу, автор также указывает на полезные свойства чая, который лечит от болезней, придает силы слабому, умиротворяет нрав, успокаивает сердце, крепит тело. Перечисляя компоненты напитка, поэт называет молоко, масло, мускатный орех с благоухающим запахом, закрепляя фольклорной формулой: *зандн хальмг цэ* («крепкий, сандалового цвета калмыцкий чай»).

Благопожелание чаю в синьцзян-ойратской традиции

В стихотворении «Хальмг цэ» («Калмыцкий чай», 2006) калмыцкой поэтессы Осорин Утнасн, родом из Синьцзяна, гендерный аспект проявляется в подробном описании приготовления чая. *Өткн улан цээһэн / Өрүн болһн деежлнэв* «Каждое утро густым красным чаем делаю подношение» [Осорин 2006: 5]. Автор вводит неологизм: глагол *деежлнэв* от существительного *дееж* «подношение». Ср. в переводе: *Пиалу с густым калмыцким чаем, / На алтарь как подношение возлагаю* (перевод Владислава Багликова, Василия Чонгонова) [Осорин 2008: 98]. Как известно, первая порция сваренного чая была подношением, ставилась в пиале отдельно.

У ойратов Синьцзяна сохранились жанры благопожелания подношению, например, «Деежин йөрэл», благопожелание подношению и кроплению «Дееж бэрж, цацл өргх йөрэл» [Цацлын дееж 1997: 49, 57], в которых упоминается, помимо чая, и кумыс (*чигэн*).

Среди фольклорных определений чая, помимо красного цвета (*улан*), густоты (*өткн*), есть указание на его крепость (*агта*), а также на помешивание напитка (*самрх*). У Осорин Утнасн также: *Агта улан цээһэн / Амтын таарулж самрнав* «Крепкий красный чай помешиваю, чтобы придать ему приятный вкус» [Осорин 2006: 5]. Автор вводит неологизм: глагол *ааһлнав* от существительного *ааһ* «пиала», т. е. показывает действие (разливает чай в пиалы): *Өрмтэ цээһэн ааһлнав* «Разливаю чай со сливками в пиалы» [Осорин 2006: 5]. Ср. в переводе: «Как красиво золотятся сливки в чае, / Я его с любовью в чаши разливаю» [Осорин 2008: 98].

Вместо пиал здесь просто чаши. В конце каждой строфы поэтом произносятся пожелания гостям (читателям), чтобы прибавилась радость, звучал трогательный смех, чтобы было здоровье, чтобы дорога была счастливой, а жизнь благополучной, чтобы уважить родственников, старших и младших, угощая чаем: *Өдрин байсл немэд / Өкэр инэд шиңгэнэв. <...> Амрг седклэн уусхн / Амр менд сурнав. <...> Өлзэтэ хаалһ тосад, / Өмнэстн жүрһл дурднав. <...> Ах-*

нр-дүүнрэн кундлэд, / Ааһта цээһэн бэрнэв [Осорин 2006: 5]. Ср. в переводе: *Чтобы день грядущий всем принес успех, / Чтобы звучал повсюду нежный детский смех. <...> Я мешаю, от души желая всем, / День прожить без потрясений и проблем. <...> Чтоб о жизни душевный разговор / За столом не перешел в горячий спор. <...> Уважением людским я дорожу, / Чай калмыцкий всем пришедшим подношу. <...> Пусть легко даются людям их дороги, / Пусть в пути им покровительствуют боги [Осорин 2008: 98].*

Переводчики включают подробность, отсутствующую у автора (соль), с риторической сентенцией: *Чай без соли не сочтут калмыки чаем, / Жизнь без соли люди жизнью не считают [Осорин 2008: 98].* Нетрудно заметить, что в переводе допущены неточности, введены дополнения, которых нет в оригинале, стиль благопожелания нарушен современной лексикой. И если упомянут, как у автора, мускатный орех для придания вкуса чаю, то опущена другая важная фольклорная деталь (вяжущий вкус крепкого чая): *Келн ээдрм цээһэн / Күцэж амтын таарунав* ‘Завершая приготовление, привожу в соответствие вкус чая, вяжущего язык’ [Осорин 2006: 5]. Процесс чаепития отражен и в последней строфе: *Мокн улан цээһэн / Мелмлзсн седклэсн кенэв, / Мел хамдан уух / Мөңк зая дууднав* ‘Со светлыми помыслами наливаю красный чай, чтобы всегда его вместе пить, призываю судьбу’ [Осорин 2006: 5]. У переводчиков душевная интонация авторского благопожелания заменена громогласной декларацией: *Чай молочный — символ счастья и покоя, / Я варю его с молитвой и любовью. / Пусть промчатся над землей века и годы, / Чай калмыцкий — суть калмыцкого народа [Осорин 2008: 98].* Это подтверждает невнимание переводчиков к искомому жанру, требующему соблюдения иной лексики, стилистики и интонации, присущие народному благопожеланию чая.

В монгольской триаде «Три начала» говорится: *Чай для гостей — начало угощенья. / Хадак — вещей начало, без сомненья. / С рыб началось существование [Песни аратов 1973: 197].* Хадак у монголоязычных народов — шарф, подносимый гостям в знак уважения. В стихотворении У. Осорин «Таднан тоснав» («Встречу вас», 2006) соединены два первых начала: *Хээһэд ирсн таднан / Хадган бэржэ тоснав, / Халун седклтэ таднан / Хальмг цээһэрн тоонав* ‘Вас, явившихся издали, встречаю хадаком, от всего сердца вас калмыцким чаем угощаю’ [Осорин 2006: 4]. Ср. у переводчиков: *Вас, кого ждала издали, / С хадаком приветственным встречаю, / Подношу, держа на двух руках. Пиалу с густым калмыцким чаем [Осорин 2008: 65].* В чайном церемониале пиалу с чаем преподносят не на двух руках (?!), а двумя руками в знак уважения и почтения. В конце стихотворения звучит упоминание о традиционном благопожелании: *Бат йөрэлтэ таднан / Бас ирхитн күлэнэв* ‘Ждем вас снова с постоянным благопожеланием’ [Осорин 2006: 4]. Ср. у переводчиков: *Расставаясь, не скрываю слез, / С нетерпением снова ожидаю [Осорин 2008: 65],* т. е. йорял не упомянут.

В одном из четверостиший У. Осорин, включив пословицу о еде и одежде, высказала благопожелание: *Сэн хотан күүнд өг, / Сэн хувцан эврэн өмс». / Сэн шүлгэн күүнд нерэд, / Сэн заңган бийдэн бэр* ‘Лучшую пищу отдаю другому, лучшую одежду носи сам. Посвятив другому лучшее стихотворение, сохрани в себе лучший нрав’ [Осорин 2006: 13].

Характеризуя поэзию У. Осорин, Б. А. Бичеев подчеркнул: «Ее отличительное качество заключается в том, что она видит мир таким, каким во все времена своего существования видели и воспринимали наши предки. <...> Следует отметить, что в форме и содержании новых стихов наблюдается определенное влияние фольклорных традиций [Бичеев 2008: 6; 9].

Благопожелание чаю в современной калмыцкой русскоязычной лирике: фольклорная традиция

В современной русскоязычной калмыцкой поэзии два стихотворения Риммы Ханиновой адресованы чаю: «Джомба» (2008) [Ханинова 2011: 3] и «Чай и пиала» (2008) [Ханинова 2010: 3], они переведены на калмыцкий язык Эрдни Эльдышевым [Ханина Р. 2015а: 13; Ханина Р. 2015б: 13] и на английский язык Галой и Николаем Бурлаковыми [Khaninova 2015a: 69–70; Khaninova 2015b: 85–86].

Рассматривая стихотворение Р. Ханиновой «Джомба» в семиотическом осмыслении гостеприимства в разных лингвокультурах, Ж. Н. Сарангаева отметила: «Чай как главная еда (пища) в повседневной жизни калмыков-кочевников в поэтических текстах сравнивается с божественным напитком — аршан: „Сродни аршану он в божественной природе, / Хоть жидок, но первенствует в устах“ (Д., с. 3). Аксиологически данный концепт также сравнивается с различными образами — с образом матери („Джомба, как мать, среди калмыцкой пищи“), с солнцем („Пусть солнцем обернется чай, чтоб с кровью / Мешалось молоко и масло заодно“), с жизнью („Начало и конец в пиру или в миру“) (там же). Длительность чайной церемонии рассматривалась всеми народами как знак дружелюбия. В поэтическом дискурсе этот временной интервал подчеркивается в следующем изречении: „И десять раз меняется за чаем / Калмык с горячей пиалой в руках“ (там же)» [Сарангаева 2020: 100–101].

Исследуя этническую идентичность автора-билингва в литературе народов России, Е. Н. Кремер привела в качестве примера и ханиновское стихотворение о чае: «В поэзии Р. Ханиновой особое место занимает тема чая как важного концепта в этническом сознании калмыков. Для того чтобы создать адекватный образ в сознании русскоязычных читателей (не калмыков), в свое стихотворении „Джомба“ она добавляет авторские ремарки (сноски), объясняющие заимствованные слова из калмыцкого языка: джомба — лучший калмыцкий чай; аршан — божественный нектар; а также переводит народные пословицы калмыков и выносит их в сноски: Хотя чай и жидкий, он — первое угощение; Пить нечего, а любит джомбу; Пока выпьет чашку чая — десять раз изменится; Без воли силы нет, без соли вкуса нет» [Кремер 2015: 317].

Стихотворение Р. Ханиновой, начинаясь с утверждения о том, что чай *воспет своим народом / В пословицах, йорялах и стихах* [Ханинова 2011: 3], включает калмыцкие пословицы, поговорки, загадки о национальном напитке, передает особенности чайной церемонии, заканчиваясь благопожеланием чаю: ...*Чай, сохраненный предками, будь крепким, / Как легендарное его копьё в боях. / Чтоб род степной продлился, был нередким, — / пей чай калмыцкий вволю в пиалах!* [Ханинова 2011: 3]. То же в замечательном калмыцком переводе Э. Эльдышева: ...*Туужд өвкнр хадһлсн цэ, / Түүнэ жидиш, агта бол. / Алдр тохмчнь*

батрхин төлөд — / *Агч ааһд цээһэн эдл!* [Ханина Р. 2015a: 13]. На протяжении всего текста автором используются два обозначения напитка в общей его характеристике (чай) и персональной (джомба как чай лучшего приготовления), переводчик также придерживался такой стратегии.

«Чай и пиала» — полемические размышления поэта о роли калмыцкого чая в жизни современной молодежи, в основном предпочитающей иные напитки, не знающих и не соблюдающих обычаев.

Лингвокультурологические особенности английского перевода стихотворений Риммы Ханиновой о чае наряду с английскими переводами стихотворений Михаила Хонинова «Солнце, пьющее калмыцкий чай» и Веры Шуграевой «Калмыцкий чай» рассмотрены в статье Ж. Н. Сарангаевой, Е. В. Голубевой и Э. А. Калыковой [Сарангаева, Голубева, Калыкова 2021: 87–96].

Стихотворение Татьяны Бадаковой «Калмыцкий чай» (2021), не соотносясь с жанром благопожелания чаю, показательно с точки зрения риторического набора общих фраз. Начинается вроде бы с полемики: считать джомбу супом или нектаром, но содержит общие формулировки о том, что *джомбу в народе свято почитают, / заслуженно нектаром величают*, текст имеет штампы-сентенции (*Заправлен солью. Это соль земли; тепло души, словно бальзам*), стилистическую неоднородность (*Изюминка — лист лавра и мускат; зарядись, сорад (прихлебывая)* — русские и калмыцкие глагольные формы) и др. [Бадакова 2021: 13–14].

Такие же художественные просчеты по форме и содержанию наблюдаем в стихотворении Василия Сухотаева «Калмыцкий чай» (2016), которое тоже не соотносится с жанром благопожелания чаю. Здесь два обозначения напитка: чай и джомба, чай тоже назван божественным напитком, который и согреет, и утолит жажду, пахнет разнотравьем. При этом есть стилистические погрешности (например, «И аромат — нектар, что пригубил») [Сухотаев 2016: 41].

Заключение

В современной калмыцкой лирике жанр благопожелания чаю нашел отражение в ряде репрезентативных стихотворений, адресованных национальной пище. Это тексты на калмыцком и русском языках, созданные поэтами разных поколений, старшего возраста и молодежью. Названия стихотворений в традиционном плане или односоставны («Цэ» = «Чай»; «Жомба» = «Джомба»), или двусоставны («Хальмг цэ» = «Калмыцкий чай»), или многосоставны, например, «Хальмг цэ — бурхна ундн» («Калмыцкий чай — напиток богов»). В основном тексты имеют заглавия, некоторые из них озаглавлены по первой строчке (Г. Авджаев, В. Шуграева, Э. Бадмаев). В структурном отношении стихи написаны за некоторыми исключениями (В. Шуграева, Р. Ханинова) четырехстрочными строфами, не включают подзаголовки, посвящения, эпиграфы, редко датированы. Часть стихотворений, написанных русскоязычными авторами, переведена на калмыцкий язык (Р. Ханинова — Э. Эльдышев), часть переведена на английский язык (М. Хонинов, В. Шуграева, Р. Ханинова). Большинство стихотворений, созданных на калмыцком языке, переведены на русский язык разными поэтами-переводчиками, более или менее удачно по отношению к оригинальному тексту и жанру йоряла. Жанр благопожелания чаю, как и в фольклорном аналоге, у многих калмыцких поэтов может синтезировать так

или иначе элементы разных жанров: часто йорял (благопожелание) и магтал (восхваление), иногда «цээд тэвх йөрэл» («благопожелание чаю») и «хаалһин йөрэл» («благопожелание на дорогу») — В. Шуграева, Г. Авджаев, У. Осорин. Редкий случай в калмыцкой лирике прошлого столетия, когда совмещены благопожелание чаю и благопожелание ушедшему в иной мир человеку («Сээһэн хээсн күүнд нерэдсн хотын йөрэл»), например, у Андрея Джимбиева «Цээд йөрэл тэвх» = «Произнесут благопожелание чаем» [Жимбин А. 1984: 4].

В начале нового века репрезентативные стихотворения калмыцких поэтов имеют разный объем, малосюжетны по сравнению со стихами предшественников, сохраняют в той или иной степени связь с фольклорным жанром благопожелания: ключевые слова: *цэ* ‘чай’, *хальмг цэ* ‘калмыцкий чай’, *жомба* ‘джомба’, сигнальные маркеры: *йөрэл* ‘благопожелание’, *аршан* ‘божественный напиток’, *деедс* ‘всевышние’, формулы: *идэни дееж* ‘почетное подношение’, *хотын дееж* ‘почетное угощение-подношение’, *улан хальмг цэ* ‘красный калмыцкий чай’, *зандрсн хальмг цэ* ‘сандалового цвета калмыцкий чай’, *келн ээдрм цэ* ‘вяжущий вкус чая’, *бурхна ундн* ‘божественный напиток’. Среди фольклорных определений чая, помимо красного цвета (*улан*), густоты (*өткн*), есть указание на его крепость (*агта*), а также на помешивание напитка (*самрх*). У калмыцких авторов благопожелание чаю описывает подношение предкам, божествам, а также угощение гостям, подчеркивая тем самым главенство и первенство чая в ритуале, обряде, в выражении гостеприимства. В гендерном плане женщины готовят чай, а мужчины приглашают к чаю, те и другие перечисляют компоненты чая: молоко, сливки, масло, соль, приправы: мускатный орех, лавровый лист, гвоздика. Пословицы, поговорки о чае входят в состав некоторых текстов, подтверждая сказанное о сакральном статусе национального напитка (У. Осорин, Р. Ханинова). Упоминание божеств появляется в стихах современных поэтов (Э. Тепкенкиев, В. Нуоров, Н. Хатуев, Э. Бадмаев). Общее пожелание в произведениях калмыцких поэтов традиционное: пожелание благополучия, здоровья, дружбы, мира.

Часто фольклорное благопожелание чаю заканчивается формулой, выражающей веру в то, что сказанное сбудется: *Йөрэл бүттхэ* ‘Пусть сбудется благопожелание’ или *Тиигтхэ* ‘Да будет так’. В художественных текстах избранных поэтов такая формула есть в стихотворении И. Бадма-Халгаева «Ээжин аршан» (2016).

Среди художественных средств авторы использовали риторические фигуры, сравнения чая с солнцем, золотом, жизнью и т. д., рефрены. Глагольные неологизмы, образованные от существительных, встречаются в некоторых стихах, например: *аршалнав* от *аршан* = ‘божественный напиток’ (Г. Авджаев), *деежлнэв* от *дееж* = ‘подношение’, *ааһлнав* от *ааһ* = ‘пиала’ (У. Осорин). Система стихосложения остается традиционной в репрезентативных текстах калмыцких поэтов с сохранением анафоры, аллитерации, ассонанса, строфического деления (катрены).

Репрезентативные тексты, адресованные калмыцкому чаю в фольклорной традиции, созданы в основном поэтами старшего и среднего поколений, владеющих родным языком, знакомых с устным народным творчеством, обычаями и обрядами, верованиями предков.

Литература

- Авджаев 2009а — *Авджаев Г.* «Өрүни цээхэн чанад...» // Авджаев Г. Прикосновение луны (стихотворения на калмыцком и русском языках). Элиста: НПП «Джангар», 2009. С. 54.
- Авджаев 2016 — *Авджаев Г.* «Өрүни цээхэн чанад...» // «Пою степной нектар — пою калмыцкий чай» / сост., аппарат издания А. Т. Баяновой, П. Э. Алексеевой. Элиста: АУ РК «РИА «Калмыкия», 2016. С. 39.
- Авджаев 2009б — *Авджаев Г.* «Идэхэр элвг ширэхэр...» // Авджаев Г. Прикосновение луны (стихотворения на калмыцком и русском языках). Элиста: НПП «Джангар», 2009. С. 32.
- Авджаев 2009в — *Авджаев Г.* «Каждое утро свое я встречаю...» // Авджаев Г. Прикосновение луны (стихотворения на калмыцком и русском языках). Элиста: НПП «Джангар», 2009. С. 55.
- Авджаев 2009г — *Авджаев Г.* «Коль хозяин ты — гостя встречай...» // Авджаев Г. Прикосновение луны (стихотворения на калмыцком и русском языках). Элиста: НПП «Джангар», 2009. С. 33.
- Бадакова 2021 — *Бадакова Т.* Калмыцкий чай // Дар духовный: альманах: на калм. и рус. яз. / сост.: Э. А. Эльдышев, В. Б. Чонгонов, Е. Н. Решетникова. Элиста: [б. и.], 2021. С. 13–14.
- Бадмаев 2019 — *Бадмаев Э. Д.* Пылающий очаг: стихи на калмыцком языке. Элиста: АУ РК «РИА «Калмыкия», 2019. 64 с.
- Бадм-Хаалһин И. 2016 — *Бадм-Хаалһин И.* Ээжин аршан // Теегин герл. 2016. № 4. Х. 76.
- Бичеев 2008 — *Бичеев Б. А.* Стихи, наполненные жизнью // Осорин У. Зимний цветок. (Стихи на калмыцком и русском языках). Элиста: НПП «Джангар», 2008. С. 5–11.
- Джангар 1990 — Джангар. Калмыцкий героический эпос. На калмыцком и русском языках. М.: Наука, ГРВЛ, 1990. 475 с.
- Жимбин А. 1984 — *Жимбин А.* Цээд йөрэл тэвх // Хальмг үнн. 1984. Декабрин 5. Х. 3.
- Кремер 2015 — *Кремер Е. Н.* Этническая идентичность и национальное самосознание в пространстве художественного текста автора-билингва // Вестник Российского университета дружбы народов, 2015. № 5. С. 310–320.
- КРС 1977 — Калмыцко-русский словарь / под ред. Б. Д. Муниева. М.: Русский язык, 1977. 768 с.
- Нуров 2017 — *Нуров В.* Калмыцкий чай — напиток богов // Теегин герл. 2017. № 6. С. 6.
- Нуура В. 2021 — *Нуура В.* Хальмг цэ — бурхна ундн // Дар духовный: альманах: на калм. и рус. яз. / сост.: Э. А. Эльдышев, В. Б. Чонгонов, Е. Н. Решетникова. Элиста: [б. и.], 2021. С. 104.
- Осорин 2008 — *Осорин У.* Калмыцкий чай // Осорин У. Зимний цветок. Стихи на калм. и рус. яз. Элиста: НПП «Джангар», 2008. С. 98.
- Осорин 2006 — *Осорин У.* Хальмг цэ // Осорин У. Любимая. Стихи. Элиста: Джангар, 2006. С. 5.
- Песни аратов 1973 — Песни аратов. Из монгольской народной поэзии / сост. Г. И. Михайлов, вступ. ст. Ю. Б. Розенблюма. М.: Худож. лит., 1973. 215 с.
- Салмин О. 2016 — *Салмин О.* Ээжин цэ // «Пою степной нектар — пою калмыцкий чай» / сост., аппарат издания А. Т. Баяновой, П. Э. Алексеевой. Элиста: АУ РК «РИА «Калмыкия», 2016. С. 43.
- Санджиев 2018 — *Санджиев Н.* Джомба // Моя Россия, моя Калмыкия! Антология поэзии Калмыкии в 2-х т. Т. II / сост. Э. А. Эльдышев. Элиста: Нац. библ-ка им. А. М. Амур-Санана, 2018. С. 35–36.
- Сарангаева 2020 — *Сарангаева Ж. Н.* Семиотическое осмысление гостеприимства в калмыцкой, русской и английской лингвокультурах // Вестник Калмыцкого университета. 2020. № 3 (47). С. 97–104.

- Сарангаева, Голубева, Калыкова 2021 — *Сарангаева Ж. Н., Голубева Е. В., Калыкова Э. А.* Лингвокультурологические особенности художественного перевода современной калмыцкой поэзии // Вестник Калмыцкого университета. 2021. № 4(52). С. 87–96.
- Сухотаев 2016 — *Сухотаев В.* Калмыцкий чай // «Пою степной нектар — пою калмыцкий чай» / сост., аппарат издания А. Т. Баяновой, П. Э. Алексеевой. Элиста: АУ РК «РИА «Калмыкия», 2016. С. 41.
- Тепкенкиев 2000 — *Тепкенкиев Э.* Приглашение на джомбу // Тегин герл. 2000. № 2. С. 117–118.
- Төвкнкин Э. 2007 — *Төвкнкин Э.* Хальмг цээхэр тоонав // Төвкнкин Э. Цахан Сар. Шүлгүд. Элст: Жаңһр, 2007. Х. 143–144.
- Убушаев 2002 — *Убушаев И.* Хальмг цэ // Убушаев И. От души. Стихи, магталы и песенные переводы на калмыцком и русском языках. Элиста: АПП «Джангар», 2002. С. 45.
- Хальмг улсин йөрэлмүд 2010 — *Хальмг улсин йөрэлмүд* (Калмыцкие народные благопожелания) / сост., вступ. статья М. Э.-Г. Эрдни-Горяева. Элиста: КИГИ РАН, 2010. 160 с.
- Ханина Р. 2015а — *Ханина Р.* Жомба // Хальмг үнн. 2015. Мартын 12. Х. 13.
- Ханина Р. 2015б — *Ханина Р.* Цэ болн ааһ // Хальмг үнн. 2015. Мартын 12. Х. 13.
- Ханинова 2023 — *Ханинова Р. М.* Благопожелание чаю в калмыцкой лирике XX в.: фольклорный аспект // *Oriental Studies*. 2023. Т. 16. № 2. С. 457–470. DOI: 10.22162/2619-0990-2023-66-2-428-443
- Ханинова 2011 — *Ханинова Р.* Джомба // Байрта. 2011. 31 марта. С. 3.
- Ханинова 2010 — *Ханинова Р.* Чай и пиала // Калмыцкий университет. 2010. 8 апреля. С. 3.
- Хатуһа Н. 2014 — *Хатуһа Н.* Хальмг цэ // Хатуһа Н. Эцкин герэсн. Шүлгүд, келвр, үлгүрмүд, домгуд, орчуллһн. Элст: Жаңһр, 2014. Х. 24.
- Цацлын дееж 1997 — *Цацлын дееж.* Зүңһарин хальмгудын йөрэл, магталмуд болн хүрмин йосн (Заздравное слово) / Бүрдэгч Н. Содмон. Элст: Хальмг дегтр һарһач, 1997. 174 х.
- Шуграева 2015 — *Шуграева В.* Калмыцкий чай // *Dzhomba: Kalmyk tea*. Ossining, NY: AElita Press.org, 2015. P. 56.
- Шугран В. 2008а — *Шугран В.* «Дееж бэрсн...» // Шугран В. Мини дегтр. Элст: Хальмг дегтр һарһач, 2008. Х. 109.
- Шугран В. 2008б — *Шугран В.* Хальмг цэ // Шугран В. Мини дегтр. Элст: Хальмг дегтр һарһач, 2008. Х. 245–246.
- Khaninova 2015a — *Khaninova R.* Dhzomba // *Dhzomba: Kalmyk tea* / N. Burlakoff (ed.). Ossining, NY: AElitaPress.org, 2015. Pp. 69–70.
- Khaninova 2015б — *Khaninova R.* Tea and tea bowl // *Dhzomba: Kalmyk tea* / N. Burlakoff (ed.). Ossining, NY: AElitaPress.org, 2015. Pp. 85–86.

References

- Avdzhayev G. 'Being a host means to welcome your guest...'. In: Avdzhayev G. Touch of the Moon. Poems. Elista: Dzhangar, 2009. P. 33. (In Kalm.)
- Avdzhayev G. 'Every morning of mine I greet...'. In: Avdzhayev G. Touch of the Moon. Poems. Elista: Dzhangar, 2009. P. 55. (In Kalm.)
- Avdzhayev G. 'Making morning tea...'. In: Avdzhayev G. Touch of the Moon. Poems. Elista: Dzhangar, 2009. P. 54. (In Kalm.)
- Avdzhayev G. 'Making morning tea...'. In: Bayanova A. T., Alekseeva P. E. (comps.) 'Glorifying Nectar of Steppe — Glorifying Kalmyk Tea'. Elista: RIA Kalmykia, 2016. P. 39. (In Kalm.)
- Avdzhayev G. 'Plentiful food on the table...'. In: Avdzhayev G. Touch of the Moon. Poems. Elista: Dzhangar, 2009. P. 32. (In Kalm.)

- Badakova T. Kalmyk tea. In: Eldyshev E. A., Chongonov V. B., Reshetnikova E. N. (comps.) *The Gift of Spirit. Almanac*. Elista, 2021. Pp. 13–14. (In Russ.)
- Badmaev E. D. *The Flaring Hearth. Poems*. Elista: RIA Kalmykia, 2019. 64 p. (In Kalm.)
- Badma-Khalgaev I. (Badm-Khaalyin I.) The nectar [blessed] by Mother. *Teegin gerl*. 2016. No. 4. P. 76. (In Kalm.)
- Bicheev B. A. Poems full of life. In: Osorin U. *The Winter Flower*. Elista: Dzhangar, 2008. Pp. 5–11. (In Kalm. and Russ.)
- Dzhimbiev A. (Jimbin A.) Well-wishes to tea be recited. *Khalmg ünn*. 1984, December 5. P. 3. (In Kalm.)
- Erdni-Goryaev M. E.-G. (comp.) *Kalmyk Well-Wishing Verses*. Elista: Kalmyk Humanities Research Institute (RAS), 2010. 160 p. (In Kalm.)
- Jangar: A Heroic Epic of the Kalmyk [People]. Moscow: Nauka — GRVL, 1990. 475 s. (In Kalm. and Russ.)
- Khaninova R. (Khanina R.) Jomba. *Khalmg ünn*. 2015, March 12. P. 13. (In Kalm.)
- Khaninova R. (Khanina R.) Tea and bowl. *Khalmg ünn*. 2015, March 12. P. 13. (In Kalm.)
- Khaninova R. Dzhomba. In: Burlakoff N. (ed.) *Dzhomba: Kalmyk Tea*. Ossining, NY: AElitaPress.org, 2015. P. 69–70. (In Eng.)
- Khaninova R. Jomba. *Bayrta*. 2011, March 31. P. 3. (In Russ.)
- Khaninova R. M. Tea well-wishes in 20th-century Kalmyk lyric poetry: The folklore aspect revisited. *Oriental Studies*. 2023. Vol. 16. No. 2. Pp. 457–470. (In Russ.) DOI: 10.22162/2619-0990-2023-66-2-428-443
- Khaninova R. Tea and bowl. *Kalmytskiy universitet*. 2010, April 8. P. 3. (In Russ.)
- Khaninova R. Tea and tea bowl. In: Burlakoff N. (ed.) *Dzhomba: Kalmyk Tea*. Ossining, NY: AElitaPress.org, 2015. Pp. 85–86. (In Eng.)
- Khatuev N. (Khatuya N.) Kalmyk tea. In: Khatuev N. (Khatuya N.) [Leaving] Paternal Home. Poems, short story, proverbs, legends, [Russian] translations. Elista: Dzhangar, 2014. P. 24. (In Kalm.)
- Kremer E. N. Ethnic identity and national consciousness in the space of the text of bilingual authors. *RUDN Journal of Language Education and Translingual Practices*. 2015. No. 5. Pp. 310–320. (In Russ.)
- Mikhaylov G. I. (comps.) *Songs of the Arats: Collections from Mongolian Folk Poetry*. Yu. Rosenblum (foreword). Moscow: Khudozhestvennaya Literatura, 1973. 215 p. (In Russ.)
- Muniev B. D. (ed.) *Kalmyk-Russian Dictionary*. Moscow: Russkiy Yazyk, 1977. 768 p. (In Kalm. and Russ.)
- Nurov V. (Nuura V.) Kalmyk tea — nectar of Heaven. In: Eldyshev E. A., Chongonov V. B., Reshetnikova E. N. (comps.) *The Gift of Spirit. Almanac*. Elista, 2021. P. 104. (In Kalm.)
- Nurov V. Kalmyk tea — nectar of Heaven. *Teegin gerl*. 2017. No. 6. P. 6. (In Russ.)
- Osorin U. Kalmyk tea. In: Osorin U. *The Beloved One. Poems*. Elista: Dzhangar, 2006. P. 5. (In Kalm.)
- Osorin U. Kalmyk tea. In: Osorin U. *The Winter Flower. Poems*. Elista: Dzhangar, 2008. P. 98. (In Kalm. and Russ.)
- Salmin O. Tea made by Mother. In: Bayanova A. T., Alekseeva P. E. (comps.) ‘Glorifying Nectar of Steppe — Glorifying Kalmyk Tea’. Elista: RIA Kalmykia, 2016. P. 43. (In Kalm.)
- Sandzhiev N. Jomba. In: Eldyshev E. A. (comp.) *My Russia, My Kalmykia: Anthology of Kalmykia’s Poetry*. In 2 vols. Vol. 2. Elista: Amur-Sanan National Library of Kalmykia, 2018. Pp. 35–36. (In Russ.)
- Sarangaeva Zh. N. The semiotic description of hospitality in Kalmyk, Russian and English linguistic cultures. *Bulletin of Kalmyk University*. 2020. No. 3 (47). Pp. 97–104. (In Russ.)
- Sarangaeva Zh. N., Golubeva E. V., Kalykova E. A. Linguocultural characteristics of literary translation of modern Kalmyk poetry. *Bulletin of Kalmyk University*. 2021. No. 4 (52). Pp. 87–96. (In Russ.)

- Shugraeva V. (Shugran V.) Be offered as nectar. In: Shugraeva V. (Shugran V.) Kalmyk tea. In: Shugraeva V. (Shugran V.) My Book. Elista: Kalmykia Book Publ., 2008. Pp. 109. (In Kalm.)
- Shugraeva V. (Shugran V.) Kalmyk tea. In: Shugraeva V. (Shugran V.) My Book. Elista: Kalmykia Book Publ., 2008. Pp. 245–246. (In Kalm.)
- Shugraeva V. Kalmyk tea. In: Burlakoff N. (ed.) Dzhomba: Kalmyk Tea. Ossining, NY: AElitaPress.org, 2015. P. 56. (In Russ.)
- Sodmon N. (comp.) The Words of Sprinkle Offerings: Yöräls, Magtals, and Wedding Rites of Xinjiang Oirats (Kalmyks). Elista: Kalmykia Book Publ., 1997. 174 p. (In Russ.)
- Sukhotaev V. Kalmyk tea. In: Bayanova A. T., Alekseeva P. E. (comps.) ‘Glorifying Nectar of Steppe — Glorifying Kalmyk Tea’. Elista: RIA Kalmykia, 2016. P. 41. (In Russ.)
- Tepkenkiev E. (Tövknkin E.) Shall treat you to tea of Kalmyks. In: Tepkenkiev E. (Tövknkin E.) Tsagan Sar. Poems. Elista: Dzhangar, 2007. Pp. 143–144. (In Kalm.)
- Tepkenkiev E. Invitation for tea. *Teegin gerl*. 2000. No. 2. Pp. 117–118. (In Russ.)
- Ubushaev I. Kalmyk tea. In: Ubushaev I. Wholeheartedly. Poems, magtals and songs. Elista: Dzhangar, 2002. P. 45. (In Kalm.)

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

УДК / UDC 801.73

DOI: 10.22162/2500-1523-2023-2-271-286

Несколько замечаний о монгольских переводах с тибетского языка

Анна Дамдиновна Цендина^{1,2}

¹ Институт классического Востока и античности НИУ «Высшая школа экономики»
(д. 21/4, стр. 3, Старая Басманная ул., 105066 Москва, Российская Федерация)
доктор филологических наук, профессор

² Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. им. И. К. Илишкина, 358000 Элиста,
Российская Федерация)

доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник

 0000-0003-0909-6953. E-mail: annatsendina[at]gmail.com

© КалмНЦ РАН, 2023

© Цендина А. Д., 2023

Аннотация. *Введение.* В становлении монгольской литературы большую роль сыграли переводы с тибетского языка. Перевод как культурный феномен повлиял на формирование монгольского литературного языка, появление корпуса терминов в различных сферах письменной словесности: философии, медицины, астрологии и т. д. Принципы перевода, возникшие в период распространения в Монголии буддизма, частично продолжают быть продуктивными и в настоящее время в переводах с других иностранных языков. Переводы с тибетского языка сочинений исторической, агиографической, повествовательной и пр. литературы заняли в кругу чтения монголов большое место, повлияв на их собственное творчество. Таким образом, монгольская словесность вошла в литературную зону, образованную северной ветвью буддизма. *Цель* исследования: поставить вопрос о границах и особенностях национальной литературы монголов. При решении этого вопроса следует учитывать, что многие сегменты остались вне этой зоны, лишь в той или иной мере испытав ее влияние, — историческая словесность, книжный эпос, народная обрядовая литература и пр. *Результаты* исследования: совокупность различных традиций и определяет своеобразие средневековой монгольской литературы. Переводы же с тибетского языка могут быть рассмотрены как факт культуры монголов, как особая черта развития их письменной традиции, но не как часть собственно монгольской литературы.

Ключевые слова: теория о зональных литературных общностях монгольская литература, перевод, тибетский язык

Благодарность. Исследование проведено при финансовой поддержке РФ в рамках проекта «Параллельный корпус текстов на тибетском языке и ойратском „тодо бичиг“ („ясном письме“): разработка инструментария и текстологические исследования» (№ 23-18-00978).

Для цитирования: Цендина А. Д. Несколько замечаний о монгольских переводах с тибетского языка // Монголоведение. 2023. Т. 15. № 2. С. 271–286. DOI: 10.22162/2500-1523-2023-2-271-286

A Few Notes on Tibetan to Mongolian Translations

Anna D. Tsendina^{1,2}

¹ National Research University Higher School of Economics (Bldg. 3, 21/4, Staraya Basmannaya St., 105066 Moscow, Russian Federation)

Dr. Sc. (Philology), Professor

² Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilshkin St., 358000 Elista, Russian Federation)

Dr. Sc. (Philology), Leading Research Associate

 0000-0003-0909-6953. E-mail: annatsendina[at]gmail.com

© KalmSC RAS, 2023

© Tsendina A. D., 2023

Abstract. *Introduction.* Translations from Tibetan had been of great importance for the making of Mongolian literature. Translation as cultural phenomenon influenced the shaping of standard Mongolian, gave rise to terminological clusters in different spheres of written language, such as philosophy, medicine, astrology, etc. The principles of translation that had emerged in the period of Buddhism's dissemination in Mongolia still remain instrumental enough in performing translations from other foreign languages. Translations from Tibetan of historical, hagiographical, narrative and other compositions constituted an essential part in the reading agenda of Mongols to further influence the latter's culture at large. So, Mongolian literature entered the literary zone of northern Buddhism. *Goals.* The study seeks to raise a question on delineation — with certain frames and peculiarities — of Mongolian national literature. We should also keep in mind that some parts of literature stay beyond this zone and were only partially influenced by the examined phenomenon — historical literature, recorded (and published) epic narratives, folk ritual literature, etc. *Results.* Our insight into the complex of various traditions demarcates the originality of medieval literature of Mongols. So, translations from the Tibetan language can be considered as a fact of Mongolian culture, as a special feature in the development of Mongolian written traditions — but not as part of Mongolian literature proper.

Keywords: theory of literary zones, Mongolian literature, translation, Tibetan language

Acknowledgements. The reported study was funded by Russian Science Foundation, project no. 23-18-00978 'A Parallel Corpus in Tibetan and Oirat (Clear Script): Tools Development and Textual Studies'.

For citation: Tsendina A. D. A Few Notes on Tibetan to Mongolian Translations. *Mongolian Studies (Elista)*. 2023; 15(2): 271–286. (In Russ.). DOI: 10.22162/2500-1523-2023-2-271-286

Введение

История современного изучения монгольской литературы насчитывает более 200 лет. В течение этого времени исследователи занимались преимущественно введением в научный оборот различных письменных памятников монголов, установлением их источников, определением авторства и времени создания, сравнением версий и вариантов, анализом содержащихся в них сведений и их лингвистических особенностей. Такая работа продолжается и в настоящее время, будучи далекой от завершения. Именно это обстоятельство не позволило в прошлом, не позволяет и сейчас написать полноценную историю монгольской литературы. Попытки рассмотреть литературный процесс монголов на всем протяжении его существования неоднократно предпринимались [Владимирцов

1920; Лауфер 1927; Тубянский 1935; Дамдинсүрэн 1957; Damdinsürüng 1959; Зохиолын тойм 1977, II; Зохиолын тойм 1968, III; Heissig 1964; Михайлов 1969; Михайлов, Яцковская 1969; Неклюдов 1980; Цэрэнсодном 1987; Герасимович 2006], но они не выходили за рамки очерков, обзоров, материалов к лекциям, антологий, популярных или энциклопедических статей.

Наряду с задачами по выявлению новых сочинений монгольских авторов перед монголистами стоят и другие проблемы, которые необходимо решить не только для написания фундаментальной истории монгольской литературы, но и просто для понимания особенностей ее развития. В первую очередь мы должны ответить на вопрос: что является предметом нашего описания и анализа? Монгольская письменная словесность вплоть до начала XX в. носила все черты литературы средневекового типа — с широкими размытыми границами между письменными произведениями и записями устных текстов, между функциональными жанрами и жанрами, имеющими целью развлекать и доставлять эстетическое наслаждение, между различными локальными и этническими традициями и, наконец, между памятниками на разных языках, бытовавшими в Монголии. Все эти проблемы с типологической точки зрения в той или иной мере актуальны для всех литератур мира на определенных стадиях их развития. Однако в монгольской словесности каждая из них имеет свою специфику. Можно ли выработать более или менее четкие критерии для выделения в совокупности письменных сочинений, имевших хождение в Монголии, то, что мы вправе назвать монгольской литературой, даже в широком смысле понятия «литература»? Одна из фундаментальных проблем в этом ряду связана с переводами.

Цель исследования — поставить вопрос о границах и особенностях национальной литературы монголов XVII – начала XX вв. При решении этого вопроса следует учитывать, что при существовании огромного количества переводов с тибетского языка многие сегменты литературы — историческая словесность, книжный эпос, народная обрядовая литература и пр. — остались вне поля их влияния.

Роль перевода в монгольской литературе и его традиции

Об истории монгольской переводческой деятельности написано очень много — от обзоров [Бүрнээ, Энхтөр 2003; Sárközi 2010; Wallace 2013] до описаний переводов отдельных памятников, деятельности тех или иных литераторов-переводчиков¹. Однако никто из авторов не пытался ответить на вопрос: что из написанного монгольским письмом относится к монгольской литературе, а что — лишь к переводам и не входит в нее. Или переводы — это часть литературы?

Значение перевода в становлении монгольской литературной традиции огромно. Монголия, граничившая с культурными мирами тюрков, арабов, Китая, Персии, Индии, Тибета, России, не могла остаться вне контактов и взаимовлияния с ними. Это касается не только периода, когда монголы создали огромную империю, но и всего времени их существования. Будучи кочевым народом, они оказались исключительно гибкими и восприимчивыми к экономическим,

¹ Ввиду многочисленности таких работ, сноски на них опускаются.

политическим, религиозным и культурным достижениям соседей, использовали их, преобразуя и приспособлявая к своей жизни. Это касалось и словесного искусства. После создания своей письменности (XIII в.) на основе вертикального уйгурского письма монголы обратились к переводу как к феномену, раздвигавшему их цивилизационные возможности.

Ранний период (XII–XIII вв.) переводческой деятельности монголов связан с уйгурским языком. Далее поистине огромный пласт переводов был создан с тибетского языка в период широкого распространения в Монголии буддизма в его северной форме (XVII–XIX вв.) и вхождения Монголии в зону индийской и тибетской литературной традиции. Нельзя считать незначительным и роль переводов с китайского и маньчжурского языков (причем многие переводы китайских произведений были сделаны с маньчжурских переложений), интенсивное создание которых относится преимущественно к XIX в. XX век принес переводы с русского, а XXI в. — с европейских (главным образом английского) языков. Такое обилие переводов было обусловлено постоянным чередованием культурных общностей, в сферу которых втягивалась Монголия на протяжении своей истории — тюрко-монгольской, буддийской, китайской, советской и, наконец, мировой. Из всего этого ряда до XX в. главное место занимали переводы с тибетского языка буддийских и «околобуддийских» (имею в виду книги индийской литературы, хлынувшие в Тибет из Индии после принятия тибетцами буддизма) сочинений.

Первое, чему переводы с тибетского языка способствовали, это — становление монгольского литературного языка (см., например, [Владимирцов 1929: 21–22]). Именно переводы буддийских сочинений Ганджура (XVII в.) и не только Ганджура, огромной религиозно-философской, религиозно-дидактической, агиографической, астрологической, медицинской и пр. литературы с тибетского языка создали базу для этого. Немалую роль здесь сыграло появление ксилографирования, т. е. «тиражирование» текстов на монгольском языке. Сфера применения монгольского письменного языка расширилась неимоверно, охватив все стороны духовной и материальной жизни монголов — от проблем познания окружающего мира до описания полезных свойств кровопускания у животных. Благодаря переводу с тибетского языка возник монгольский понятийный аппарат буддизма, технологии, медицины и пр. Упорядочению его служил терминологический словарь «Источник мудрецов», составленный в 1741–1742 гг. [Пубаев, Дандарон 1968] по типу аналогичного индо-тибетского словаря IX в. «Махавьютпатти» [Rigzin Tsepak 1986].

В данный период времени были созданы принципы перевода с тибетского языка на монгольский. Монголы во многом следовали за тибетцами, переводившими почти 10 веков тому назад сочинения с санскрита. Так, в переводах буддийской литературы с тибетского языка XVI–XVIII вв. были разработаны приемы создания терминов и устойчивых выражений на монгольском языке главным образом путем калькирования по типу: *bilig-ün činadu kürügšen* (тиб. *shes rab kyi pha rol du phyin pa* ‘достижение пределов мудрости, или праджня-парамита’); *tegünčilen iregsen* (тиб. *de bzhin gshegs pa* ‘так прошедший, будда’). Гибкие и продуктивные средства словообразования монгольского языка, связанные с использованием суффиксов, например, *binvadčhin* (‘живущий подая-

нием', где *binvad* — от санскр. *vinayata* через уйг. *binvad* 'еда, полученная как подаяние'); парных конструкций на основе заимствованного и монгольского слов: *gidi qubilγan* ('чудо, перевоплощение', где *gidi* — от санскр. *riddhi* 'чудесное перевоплощение', *qubilγan* — монг. 'превращение') и многими другими особенностями, позволили создавать все новые и новые слова. Интенсивная переводческая деятельность привела к частым нарушениям в переводных текстах синтаксических норм монгольского языка. Так появились лексемы, где порядковые числительные находились после определяемых слов: *süm-e nige; blam-a nige-yi* вместо *nige sum-e; nige blam-a-yi* ('один храм'; 'одного ламу'). Постепенно сложились шаблонные приемы, например, использование в интересах сохранения аллитерации в начальных строках переводимых стихов таких слов, которые были не обязательны для содержания. Все это породило зажатый в рамках устойчивых приемов, клишированный перевод.

То, что было заложено переводами с тибетского языка в «буддийскую» эпоху, продолжало действовать и после нее. Сохранился прием калькирования. В 1960–1980-х гг. в Академии наук Монгольской Народной Республики (АН МНР) работала терминологическая комиссия, отделения которой занимались созданием монгольской терминологии в различных областях знаний. Было выпущено несколько терминологических словарей, принципами которых стало калькирование на монгольском языке тех или иных терминов. Многие из этой продукции оказались искусственной и в дальнейшем выброшенной из научной и общественной практики, но многое, как ни странно, прижилось. Принципы калькирования в некотором виде продолжают жить и в современном языке. При массированных заимствованиях из русского (1950–1980-е гг.), а затем английского (1990–2020-е гг.) языков, кальки и сейчас остаются продуктивным методом создания терминов и выражений. Монгольский — один из немногочисленных языков современности, в которых переводят слова фейсбук (*нүүр ном*), смартфон (*ухаалаг утас*) и т. д.

Нарушения синтаксиса языка в угоду русскому и английскому не так обильны и заметны в переводах на монгольский язык, как в переводах буддийских текстов с тибетского, но имеют место и в нашей действительности. Особенно это заметно в языке СМИ. Встречаются они и в обыденной речи. Один пример: слово *магадгүй*, означающее 'возможно' и располагающееся в монгольском предложении после сказуемого: *явсан байж магадгүй* ('возможно, уехал'), в современном языке все чаще ставится в начало предложения: *магадгүй тэр явсан*, что, на наш взгляд, является результатом влияния русского и других европейских языков, где это слово в качестве вводного ставится в начале предложения.

Другая черта переводов связана с их задачами. Как известно, не все переводы прошлого несли исключительно литературные цели. Во-первых, таковые не стояли перед переводами религиозно-философских, астрологических и медицинских трактатов. Во-вторых, переводы с тибетского языка первоначально предназначались для переложения на монгольский язык буддийской литературы, соответственно передача текстов Будды и буддийских философов на другом языке требовало точного копирования оригинала — священный текст не мог быть изменен своевольно. Таким образом, сформировалась традиция дословного перевода (см., например: [Яхонтова 1986; Цендина 2001a]).

Ярким представителем этой традиции можно назвать знаменитого Зая-пандиту Намкай Джамцо (1599–1662), ойратского религиозного деятеля, который вместе с учениками перевел на монгольский язык и записал ойратским письмом почти 200 буддийских сочинений. Здесь надо заметить, что монголы в этом вопросе были хорошими учениками тибетцев, которые именно таким образом переводили священные тексты с санскрита на тибетский язык. Кроме этого, перевод сочинений буддийских учителей считался религиозной заслугой (санскр. пунья, совр. монг. буян). Это послужило причиной появления многочисленных переводов одного текста, а кроме того, множества таких переложений, которые были предназначены вовсе не для чтения. Естественно, понимание их было трудным, а зачастую невозможным даже для образованного монгола.

Традиции внелитературного предназначения перевода оказались чрезвычайно устойчивыми. Они сохранялись в Монголии и в XX в., живы и в настоящее время. Перевод в эпоху социализма стал актом политическим. Критерий для перевода произведений был идеологическим, а потому часто для него выбирались не лучшие и не самые понятные монголам тексты, а также привлекались не самые профессиональные переводчики. В результате мы имеем горы книг, которые никто никогда не читал. Например, тома сочинений В. И. Ленина были переведены с русского языка в абсолютной верности принципам переводов текстов Будды: переводчики боялись отойти от слов, терминов, структуры предложения оригинала. В результате смысл содержания сочинений В. И. Ленина, часто не вполне прозрачный и на русском языке, напрочь терялся в переводе на монгольский.

В настоящее время мотивом к переводу на монгольский язык также часто служат далеко не эстетические и не литературные цели. Переводы Борхеса, Джойса, которые появляются в последние годы на полках в книжных магазинах Монголии, ориентированы на малочисленную группу монгольских интеллектуалов, которые в большинстве своем владеют иностранными языками и могут прочитать эти книги на языке оригинала. На наш взгляд, эти переводы призваны продемонстрировать встроенность Монголии в мировой культурный мир и ее цивилизационную «взрослость», претензии на высокий интеллектуальный статус переводчика и, возможно, что-то еще, но только не литературную востребованность в монгольском обществе.

Таким образом, при изучении монгольской литературы и роли в ее развитии перевода с тибетского языка, мне кажется, следует всегда иметь в виду его двойственную функцию и разделять те переводы, что служили литературным целям, и те, что существовали за рамками таковых. Перевод для монголов больше чем перевод.

О месте переводов в монгольской литературе

Роль переводных книг в монгольской письменной традиции стало с функциональной и типологической точек зрения особой, выходящей за рамки простого переложения иноязычных сочинений и знакомства с ними другого народа. Переведенные сочинения с тибетского языка превратились, начиная с XVII в., в неотъемлемую часть монгольского литературного процесса, подлинным его субъектом. Тибетская литература по отношению к монгольской стала, по

терминологии известного востоковеда В. И. Брагинского, «зонаобразующей» (так же, как индийская по отношению к тибетской) [Рифтин 1974; Брагинский 1991; Braginsky 2004].

Условием этого является в первую очередь число переводов. Вряд ли можно найти хоть одно значимое произведение на тибетском языке — будь то буддийский канонический трактат или художественные стихи — которое не было бы переведено на монгольский язык. Сочинения буддийского канона, агиографические трактаты дореформенного буддизма в Тибете (XV в.) («Маникамбум», «Падмакатан» и т. д.), исторические сочинения («Ясное зеркало царских родословных», «Пир молодежи» Пятого далай-ламы, 1617–1682, «История буддизма в Индии» Таранатхи, 1575–1634, и т. д.), медицинские сочинения («Джудши», «Лхантаб» и т. д.), биографии (*намтары* Цзонхавы Лубсандагвы, 1357–1419; далай-лам, панчен-лам и пр.), справочники (например, *гарчаки* печатен), дидактические сочинения («Субхашита» Сакья-пандиты Гунгаджамцо, 1182–1252; «Капля, питающая людей» Нагарджуны, II в. и т. д.), комментарии к ним, произведения обрамленной прозы («Волшебный мертвец», «Сказки попугая»), и т. д. и т. п.

Некоторые сочинения переводились «многожды», например, только хорошо известных переводов «Субхашиты» Сакья-пандиты — восемь [Субашид 1958; Дэмчигмаа 2013], «Джадамбы» — восемь [Yampolskaya 2018: 25–73].

Некоторые произведения переводились с тибетского и китайского языков независимо. Так произошло, на наш взгляд, с «Нефритовой шкатулкой». Этот сборник текстов о приметах и гаданиях явно китайского происхождения был переведен на монгольский с его тибетского перевода, а затем с китайского языка, став причиной возникновения двух ее версий [Цендина 2021].

Кроме того, переводы с тибетского языка породили собственно монгольские версии этих произведений. При доминировании дословного перевода, малопривлекательного для простых читателей, выработалась традиция смыслового перевода, которая функционировала в основном в сфере неканонической литературы. Ее представители стремились отойти от тибетского оригинала и сделать текст понятным для монгола. Например, знаменитый религиозный деятель, литератор и переводчик Ширэгэту-Гуши-цорджи (конец XVI – начало XVII в.) в переводе «Маникамбума» (1608), «Жизнеописания Миларэпы» (1618) избегал нарушения синтаксиса монгольского предложения. Постепенно эта линия словесного творчества привела к созданию отличных от тибетского оригинала сочинений, использовавших новые сюжеты, мотивы, темы и т. д. Так произошло с комментариями к дидактическим трактатам. Например, «Драгоценный кувшин» Ринчина Номтоева [Rasiyan-u dusul-un tayilburi 1964: 79–139], восходящий к комментарию к «Капле нектара, питающего людей» Нагарджуны, написанному на тибетском языке неизвестным автором [Дамдинсурэн, Цендина 1983: 5], является, по сути, монгольским сочинением. Монгольскими версиями можно считать и «Сказки Волшебного мертвеца», восходящие к индийскому сборнику «Рассказы Веталы» [Tibetan and Mongolian Tales 1962; Tibetan and Mongolian Tales 1964].

Монголы начали пользоваться в сочинительстве темами, идеями, жанрами, образами, сюжетами, мотивами, заимствованными из тибетской литературы [Хурэлбаатар 1985]. Здесь в первую очередь следует назвать дидактическую

поэзию. Несмотря на то, что монголы имели сравнительно богатые традиции в дидактической поэзии — устной и письменной, представленной такими памятниками, как «Ключ разума», «Поучения Чингис-хана», монгольская дидактика претерпела большие изменения с приходом буддизма. Изменились темы. Если раньше монголов интересовала доблесть воинов, верность хану, то теперь через всю поэзию красной нитью стала проходить идея неизбежности смерти, необходимости улучшения кармы, отказа от пороков и пр. Изменения касались не только тем и идей, но и образов и способов украшения. Поэзия наполнилась элементами стилистического канона тибетской литературы, восходящего к индийским эталонам [Цендина 1995; Цендина 1997; Цендина 20016]. На монгольском языке появляются жизнеописания религиозных деятелей: Зая-пандиты Намкай Джамцо (1599–1662), Нэйджи-тойна (1557–1653), Первого Джебдзундамба-хутухты Дзанабадзара (1635–1723), исполненные в канонах жизнеописаний тибетских учителей буддизма. Влияние тибетской литературы ощущается и в других жанрах. Эти общеизвестные факты говорят о том, что монгольская литература с приходом буддизма все больше и больше втягивалась в буддийскую литературную общность. И немалую роль в этом сыграли переводы.

Процесс расширения тибетского компонента в монгольской литературе шел дальше. В XIX в. с появлением многочисленных буддийских монастырей и, соответственно, значительной по численности монашеской общины, члены которой владели только тибетским письменным языком, тибетские сочинения и творчество на тибетском языке стали все больше и больше вытеснять монголоязычное писание. Сфера применения монгольского письменного языка сужалась, ограничиваясь историей, административными и юридическими документами, «низовой» обрядовой литературой. Например, в XIX в. практически исключалось появление на монгольском языке биографий. Это привело к зарождению такого феномена как «тибетоязычная литература монголов» [Ёндон 1981; Öljei 1996]. По данным, приведенным в знаменитом докладе Гомбожава, бывшего настоятеля монастыря Гандан, в Монголии насчитывалось более 200 лам, имевших собрания сочинения на тибетском языке [Гомбожаб 1959].

Вместо заключения. О границах монгольской литературы

Обилие переводов с тибетского языка и постепенное подключение монгольских книжников к потреблению и, в свою очередь, созданию трактатов на тибетском языке (XVIII–XIX вв.) породили проблему определения границ монгольской национальной литературы. Ею были озабочены все исследователи монгольской литературы, созданной до начала XX в. Они были единодушны с Б. Я. Владимирцовым, писавшим, что «для правильного представления о монгольской народной словесности, для правильного ее освещения, для того, чтобы можно было с полной уверенностью отделить национальные мотивы и сюжеты от заимствованных, необходимо основательное знакомство с книжной повествовательной... литературой Монголии и Тибета» [Владимирцов 1921: 40].

На пути исполнения этой задачи многие исследователи часто осознанно или неосознанно, полностью или частично рассматривали тибетскую и монгольскую письменные традиции как единый комплекс, или монгольскую — как

слепок с тибетской (см., например, [Heissig 1967]). Так появился термин «тибето-монгольская литература» (см., например, [Сазыкин 1990; Музраева 2013]). (Популярный в российском востоковедении, он практически не встречается в исследованиях западных ученых). В ряде работ дословные переводы тибетских сочинений стали рассматриваться как отдельные монгольские версии (см., например: [Орлова 1991]). Возникли обзоры и антологии, включающие переводы с тибетского языка (имеются в виду именно переводы, а не отошедшие от оригиналов монгольские версии произведений). Например, первоклассная, не утратившая до сегодняшнего дня своей ценности, антология «Сто образцов монгольской литературы» не обошлась без включения отрывков из переводов «Маникамбума» [Damdinsürüng 1959: 288–295], «Жизнеописания Миларэпы» [Damdinsürüng 1959: 279–283], гимнов Миларэпы [Damdinsürüng 1959: 283–288], «Моря притч» [Damdinsürüng 1959: 295–298]. Правда, они вошли в нее в качестве образцов перевода известных литераторов. Но вошли.

В последующие годы ученые стали стремиться выделять переводы в особые главы: «Сочинения, связанные со старой тибетской литературой» [Зохиолын тойм 1977, II: 500–579], «Переводная литературы XVII–XVIII вв.» [Цэрэнсодном 1987: 310–328].

Вопрос о характере тибето-монгольских литературных взаимосвязей, о единстве и границах этих литератур следует, вероятно, рассматривать в теоретической плоскости. Прежде всего, надо указать на то, что вхождение монгольской литературы в «зональную» буддийскую общность не было полным — она не зародилась внутри нее и не была полностью ею поглощена.

Во-первых, монголы продолжали писать на своем собственном языке своим собственным письмом — могучий фактор, сохранивший их литературу и шире — всю культуру в рамках собственного национального развития. Во-вторых, тибетская литература, переводы с тибетского языка и тибетоязычное творчество монголов не занимали всего поля письменной словесности монголов. Памятники теснимой со всех сторон историографии и агиографии продолжали создаваться на монгольском языке. Так, монгольская летопись «Хрустальное зеркало» Джамбадорджи, созданная уже в XIX в. (1825) и по своей структуре и содержанию приближающаяся к так называемым «историям религии в Монголии», или «хор-чойджунам» (тиб. *hog chos 'byung*), была написана на монгольском языке в традиции монгольских летописей. Продолжали бытовать списки жизнеописания Джебдзундамба-хутухты на монгольском языке [Bawden 1961], хотя появились таковые и на тибетском языке [Bareja-Starzynska 2015]. Был создан огромный пласт дидактических стихов. Распространялись списки книжного эпоса. Выше говорилось о монгольских версиях обрамленных повестей и комментариев к дидактическим трактатам. Огромным многообразием отличалась обрядовая литература, включающая еролы, магталы, цацал, воскурения, моления, гадания, приметы, сонники и пр. Таким образом, вовлеченность монгольской литературы в единый тибетский буддийский и «околобуддийский» круг творчества была не полной. За ее рамками оставалась большая часть словесности на монгольском языке и в традициях старого монгольского литературного творчества.

Во-вторых, монгольская письменная литература всегда находилась в тесной взаимосвязанности с устным творчеством. Процесс влияния был обоюдным.

Конечно, сюжеты и образы, пришедшие из индийской и тибетской словесности, проникали в монгольский фольклор. Такие мифологические персонажи, как *бодисад* (санскр. bodhisattva), *тийрэн* (тиб. the'u rang), мам (тиб. ma mo), *дагина* (санскр. dākinī), *оролон* (тиб. ro lang) превращались в героев монгольского фольклора. Сюжеты, пришедшие с *джатаками* и *аваданами*, становились обычными легендами или переосмысливались до неузнаваемости: например, в Монголии была чрезвычайно популярна повесть об Ушандаре, восходящая к «Вишвантара-джатаке», но утерявшая все признаки жанра. Однако важно то, что и письменная литература черпала немало идей, тем, сюжетов, образов и персонажей из национального фольклора (см., например, [Неклюдов 1988]).

Кроме того, не надо забывать, что монгольская литература не только находилась в пространстве действия буддийской культуры, но на протяжении своей истории так или иначе сосуществовала с другими цивилизациями, в частности с китайской. Например, именно с китайского было переведено большое число произведений повествовательной литературы [Рифтин, Семанов 1981: 234–279], и именно в поле действия этих традиций на монгольском языке появился первый роман [Скородумова 1981: 315–326].

Немаловажным аргументом против концепции единства тибето-монгольской традиции в словесности служит то обстоятельство, что оно актуально только для монгольской литературы. Что касается тибетской — существование монгольской литературы, в той или иной степени зависимой от тибетской, не является важным фактором для функционирования, развития и особенностей последней.

Так можно ли в массе сочинений, которые бытовали в Монголии, разделить тибетский и монгольский компоненты? Нам кажется, можно. И если речь идет о феномене национальной литературы, то компоненты эти разъединить не только можно, но и нужно.

Дефиниция «монгольская литература» относится к корпусу текстов, созданных на монгольском языке. Это не исключает сочинений, испытавших влияние тибетской литературы или написанных по канонам последней, но не позволяет рассматривать литературу монголов как часть, или полную реплику, тибетской. Термин «тибето-монгольская литература» может быть применен к той области монгольской словесности, которая состоит из переложений тибетских памятников, и то — весьма ограничено: ведь мы не называем аналогичные сегменты в других литературах, входивших в большие зональные общности, «китайско-вьетнамской» или «индо-тибетской». Переводы же с тибетского языка можно рассматривать как факт культуры монголов, как особую черту развития их письменной традиции, но не как часть собственно монгольской литературы.

Литература

- Брагинский 1991 — Брагинский В. И. Проблемы типологии средневековых литератур Востока. Очерки культурологического изучения литературы. М.: Наука, ГРВЛ, 1991. 397 с.
- Бүрнээ, Энхтөр 2003 — Бүрнээ Д., Энхтөр Д. Уламжлалт монгол орчуулгын судлалд (= Об изучении традиционного монгольского перевода). Улаанбаатар: Цээл-Эрдэнэ ХХК-ийн хэвлэх үйлдвэр, 2003. 303 с.

- Владимирцов 1920 — *Владимирцов Б. Я.* Монгольская литература // Литература Востока. Сб. ст. Вып. II. Пг.: Гос. изд-во, 1920. С. 90–115.
- Владимирцов 1921 — *Владимирцов Б. Я.* Монгольский сборник рассказов из *Pañcatantra*. Пг.: Академич. 12-я гос. тип., 1921. 162 с.
- Владимирцов 1929 — *Владимирцов Б. Я.* Сравнительная грамматика монгольского письменного языка и халхаского наречия. Введение и фонетика. Л.: Ленингр. вост. ин-т им. А. С. Енукидзе, 1929. 445 с.
- Герасимович 2006 — *Герасимович Л. К.* Монгольская литература XIII – начала XX вв. (материалы к лекциям). Элиста: КИГИ РАН, 2006. 361 с.
- Дамдинсүрэн 1957 — *Дамдинсүрэн Ц.* Монголын уран зохиолын тойм. I дэвтэр. XIII–XVI зууны үе (= Обзор монгольской литературы. Т. I. XIII–XVI вв.). Улаанбаатар: Улсын хэвлэлийн газар, 1957. 157 с.
- Дамдинсүрэн, Цендина — *Дамдинсүрэн Ц., Цендина А. Д.* Тибетский сборник рассказов из «Панчатантры». Улан-Батор: ШУАХ, 1983. 107 с.
- Дэмчигмаа 2013 — *Дэмчигмаа О.* «Субашид»-ын монгол орчуулгуудын галиг, үгсийн хэлхээ (= Транслитерация и индексы монгольских переводов «Субашиды»). Улаанбаатар: «Удам соёл» ХХК, 2013. 722 с.
- Ёндон 1981 — *Ёндон Д.* Монгольская тибетоязычная художественная литература // Литературные связи Монголии. М.: Наука, ГРВЛ, 1981. С. 208–227.
- Зохиолын тойм 1977, II — Монголын уран зохиолын тойм. II дэвтэр. XVII–XVIII зууны үе (= Обзор монгольской литературы. Т. II. XVII–XVIII вв.) / ред. Ц. Дамдинсүрэн, Д. Цэнд. Улаанбаатар: Шинжлэх ухааны академийн хэвлэл, 1977. 670 с.
- Зохиолын тойм 1968, III — Монголын уран зохиолын тойм. III дэвтэр. XIX зууны үе (= Обзор монгольской литературы. Т. III. XIX в.) / ред. Ц. Дамдинсүрэн. Улаанбаатар: Улсын хэвлэлийн хэрэг эрхлэх хороо, 1968. 236 с.
- Лауфер 1927 — *Лауфер Б.* Очерк монгольской литературы / пер. с нем. В. А. Казакевича; под ред. и с предисл. Б. Я. Владимирцова. Л.: Ленингр. вост. ин-т, 1927. 95 с.
- Михайлов 1969 — *Михайлов Г. И.* Литературное наследство монголов. М.: Наука, ГРВЛ, 1969. 174 с.
- Михайлов, Яцковская 1969 — *Михайлов Г., Яцковская К.* Монгольская литература. Краткий очерк. М.: Наука, 1969. 221 с.
- Музраева 2013 — *Музраева Д. Н.* Тибето-монгольская повествовательная литература XVII–XVIII вв. (Переводные письменные памятники на монгольском и ойратском языках). Элиста: Джангар, 2013. 150 с.
- Неклюдов 1980 — *Неклюдов С. Ю.* Пути сложения сюжетного повествования в монгольской традиционной прозе // Генезис романа в литературах Азии и Африки. М.: Наука, 1980. С. 179–213.
- Неклюдов 1988 — *Неклюдов С. Ю.* Устное предание в становлении исторической литературы монгольских народов // Роль фольклора в развитии литератур Юго-Восточной и Восточной Азии. М.: Наука, ГРВЛ, 1988. С. 48–56.
- Орлова 1991 — *Орлова К. В.* Ойратская версия «Комментария к „Книге примеров, собранию драгоценностей“»: дисс. ... канд. филолог. наук. Ленинград, 1991. 159 с. (в рук.).
- Пубаев, Дандарон 1968 — Источники мудрецов. Тибетско-монгол. терминологический словарь буддизма. В 5 вып. / АН СССР, Сиб. отд-ние, Бурят. филиал, Бурят. ин-т обществ. наук; подгот. текста, пер. и примеч. Р. Е. Пубаева и Б. Д. Дандарона. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1968. 1 т: Парамита и Мадхьямика, 166 с.
- Рифтин 1974 — *Рифтин Б. Л.* Типология и взаимосвязи средневековых литератур // Типология и взаимосвязи средневековых литератур Востока и Запада / отв. ред. Б. Л. Рифтин. М.: Наука, 1974. С. 9–116.
- Рифтин, Семанов 1981 — *Рифтин Б. Л., Семанов В. И.* Монгольские переводы старинных китайских романов и повестей // Литературные связи Монголии / редкол.: П. А. Гринцер, Ц. Дамдинсүрэн и др. М.: Наука, ГРВЛ, 1981. С. 234–279.

- Сазыкин 1990 — История Чойджид-дагини. Факсимиле рук., транслит. текста, пер. с монг., исслед. и коммент. А. Г. Сазыкина. М.: Наука, ГРВЛ, 1990. 253 с.
- Скородумова 1981 — *Скородумова Л. Г.* Китайские традиции в романе В. Инджина-ша «Одноэтажный павильон» // Литературные связи Монголии. М.: Наука, ГРВЛ, 1981. С. 315–326.
- Субашид 1958 — Эрдэнийн сан Субашид. Цахар гэвш Лувсанчүлтэмийн орчуулга ба тайлбар (= Драгоценная сокровищница Субашид. Перевод и комментарий Чахар-гэбши Лувсанчултима). Хэвлэлд бэлтгэсэн Ц. Дамдинсүрэн, Ж. Дүгэржав. Улаанбаатар: Улсын хэвлэлийн газар, 1958. 197 с.
- Тубянский 1935 — *Тубянский М. И.* Некоторые проблемы монгольской литературы дореволюционного периода // Современная Монголия. Улан-Батор, № 5, с. 7–30.
- Хурэлбаатар 1985 — *Хурэлбаатар Л.* Традиции индийской и тибетской дидактической поэзии в литературе монгольских народов // Специфика жанров в литературах Центральной и Восточной Азии. М.: Наука, ГРВЛ, 1985. С. 128–144.
- Цендина 1995 — *Цендина А. Д.* К вопросу о поэтико-стилистических направлениях в монгольской литературе XVII–XIX вв. // Теория стиля литератур Востока: сб. ст. М.: Вост. лит., 1995. С. 74–104.
- Цендина 1997 — *Цендина А. Д.* Монгольская новеллистика XVII–XIX вв. и индо-тибетские традиции // Монгольская литература. Очерки из истории XIII – первой половины XX в. М.: ИВ РАН, 1997. С. 177–208.
- Цендина 2001a — *Цендина А. Д.* Два монгольских перевода тибетского сочинения «Книга сына» // *Mongolica V*. Посвящается К. Ф. Голстунскому. СПб.: Петербургское востоковедение, 2001. С. 54–74.
- Цендина 2021 — *Цендина А. Д.* Собрание текстов даосских культов: «Нефритовая шкатулка» [электронный ресурс] // Восточные архивы и архивоведение в современном мире: проблемы и перспективы: тезисы докладов XIII Всерос. съезда востоковедов (г. Элиста, 5–8 октября 2021 г.). URL: <https://www.youtube.com/watch?v=CaQaY3JIQ9A> (дата обращения: 15.09.2023).
- Цендина 2000 — *Цендина А. Д.* К вопросу о типологическом описании монгольской литературы // Проблемы истории и культуры кочевых цивилизаций Центральной Азии. Материалы межд. науч. конф. История, философия, социология, филология, искусство. Т. IV. Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 2000. С. 202–208.
- Цендина 2001б — *Цендина А. Д.* Монгольская поэтика // Литературная энциклопедия терминов и понятий / гл. ред. и сост. А. Н. Николюкин. М.: НПК «Интелвак» 2001. С. 580–585.
- Цэрэнсодном 1987 — *Цэрэнсодном Д.* Монгол уран зохиол. XIII–XX зууны эхэн. Их дээд сургуулийн монгол хэл бичгийн ангид үзэх сурах бичиг (= Монгольская литература. XIII – нач. XX в. Учебник для курсов по монгольской филологии высших учебных заведений). Улаанбаатар: БНМАУ-ын Ардын боловсролын яамны Сурах бичиг, сэтгүүлийн нэгдсэн редакцын газар, 1987, 438 с.
- Яхонтова 1986 — *Яхонтова Н. С.* Влияние тибетского языка на синтаксис ойратских переводов // *Mongolica*. Памяти академика Бориса Яковлевича Владимирцова (1884–1931). М.: Наука, ГРВЛ, 1986. С. 113–117.
- Bareja-Starzynska 2015 — The Biography of the First Khalkha Jetsundampa Zanabazar by Zaya Pandita Luvsanprinlei: Studies, Annotated Translation, Transliteration and Facsimile by *A. Bareja-Starzynska*. Warsaw: Dom Wydawniczy, 2015. 300 p.
- Bawden 1961 — The Jebtsundamba Khutukhtus of Urga (Text, Trans. and Notes by *Ch. R. Bawden*) // *Asiatische Forschungen*. Bd. 9. Wiesbaden: O. Harrassowitz, 1961. 91 p.
- Braginsky 2004 — *Braginsky V. I.* The Comparative Study of Traditional Asian Literature: from Reflective Traditionalism to Neo-Traditionalism. London; N.Y.: Routledge, 2004 (First Publication 2001). 351 p.

- Damdinsüring 1959 — *Damdinsüring Će*. Mongyol uran jökiyal-un degeji jayun bilig orosibai (= Сто образцов монгольской литературы). Ulaanbaatur: Bögüde nayiramdaqu mongyol arad ulus-un sinjilekü uqayan ba degedü bolbasural-un küriyeleng-ün keblel, 1959. 599 c.
- Heissig 1964 — *Heissig W.* Mongolischen Literatur: // Handbuch der Orientalistik. Abt. 1: Der Nahe und der Mittlere Osten. Bd. 5: Altaistik. Abschn. 2: Mongolistik. Leiden; Köln: Brill, 1964. S. 228–274.
- Heissig 1967 — *Heissig W.* Tibet und Mongolei als literarische Provinzen. Wiesbaden: O. Harrassowitz, 1967. 31 S.
- Öljei 1996 — *Öljei M. S.* Mongyolčud-un töbed-iyer tuyurbiysan uran jökiyal-un sudulul (= Изучение литературы монголов, написанной на тибетском языке). (Begejing): Ündüsüten-ü keblel-ün qoriy-a, 1996. 307 c.
- Rigzin Tsepak 1986 — *Rigzin Tsepak*. Tibetan-English Dictionary of Buddhist Terminology. Introduction. Library of Tibetan Works and Archives, Dharamsala, H. P., India. 1986.
- Sárközi 2010 — *Sárközi A.* Translating the Buddhist Scriptures // *Mongolian Studies in Europe: Proceedings of the Conference held (November 24–25, 2008, Budapest)* / ed. by Birtalan Agnes. Budapest: Eötvös Loránd University, 2010. Pp. 101–109.
- Rasiyan-u dusul-un tayilburi 1964 — Rasiyan-u dusul-un mongyol töbed tayilburi. Mongolian and Tibetan stories from Panchatantra. With the introduction of and edited by Ts. Damdinsuren // *Corpus Scriptorum Mongolorum*. T. VII. Ulaanbaatur: ШИЯХ, 1964. 203 p.
- Tibetan and Mongolian Tales 1962 — Tibetan and Mongolian Tales of Vetala. Töbed mongyol siditü kegür-ün üliгер // *Corpus Scriptorum Mongolorum*. T. I. Ulaanbaatur: ШИЯХ 1962. 233 p.
- Tibetan and Mongolian Tales 1964 — Tibetan and Mongolian Tales of Vetala. Töbed mongyol siditü kegür-ün üliгер // *Corpus Scriptorum Mongolorum*. T. II. Ulaanbaatur: ШИЯХ, 1964. 382 p.
- Wallace 2013 — *Wallace V. A.* Rendering Buddhism into Mongolian Language // In *Vimalakīrti's House: A Festschrift in Honor of Robert A. F. Thurman on the Occasion of his 70th Birthday* / ed. by Christian K. Wedemeyer, John D. Dunne, Thomas Freeman Yarnall. New York: Amer. Inst. of Buddhist Studies, 2013. Pp. 53–73
- Yampolskaya 2018 — *Yampolskaya N.* Jadamba. Eight Mongolian Translations of the *Aṣṭasāhasrikā Prajñāpāramitā* sutra. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 2018. 284 p. (Asiatische Forschungen, Bd. 158).
- Gombojab 1959 — *Gombojab*. Mongyolčud-un töbed kele-ber jökiyaγsan jökiyal-un jüil (= Сочинения монголов, писавших на тибетском языке) // *Studia Mongolica*. T. I, fasc. 28. Улаанбаатар: ШУДБХ Эрдэм шинжилгээний хэвлэлийн газар, 1959. 40 c.

References

- Braginsky V. I. Medieval Literatures of the East and Issues of Typology: Culturological Essays. Moscow: Nauka — GRVL, 1991. 397 p. (In Russ.)
- Braginsky V. I. The Comparative Study of Traditional Asian Literature: From Reflective Traditionalism to Neo-Traditionalism. London, N.Y.: Routledge, 2004. 351 p. (In Eng.)
- Bürnee D., Enkhтör D. Investigating Traditional Mongolian Translation. Ulaanbaatar: Tseel-Erdene, 2003. 303 p. (In Mong.)
- Damdinsüren Ts. (ed.) A Review of Mongolian Literature. Vol. 3: 19th Century). Ulaanbaatar: State Committee for Publishing, 1968. 236 p. (In Mong.)
- Damdinsüren Ts. A Review of Mongolian Literature. Vol. 1: 13th–16th Centuries. Ulaanbaatar: People's Publ. House, 1957. 157 p. (In Mong.)
- Damdinsüren Ts. The One Hundred Pieces of Mongolian Literature. Ulaanbaatar: Committee of Science and Higher Education, 1959. 599 p. (In Mong.)

- Damdinsüren Ts., Tsend D. (eds.) A Review of Mongolian Literature. Vol. 2: 17th–18th Centuries. Ulaanbaatar: Mongolian Academy of Sciences, 1977. 670 p. (In Mong.)
- Damdinsüren Ts., Tsendina A. D. Collected Tibetan Stories from the Pañcatantra. Ulaanbaatar: Mongolian Academy of Sciences, 1983. 107 p. (In Mong.)
- Demchigmaa O. Subashid: A Transliteration and Indices of Mongolian Translations. Ulaanbaatar: Udam Soyol, 2013. 722 p. (In Russ.)
- Gerasimovich L. K. Mongolian Literature of the Thirteenth to Early Twentieth Centuries: Lecture Materials. Elista: Kalmyk Humanities Research Institute (RAS), 2006. 361 p. (In Russ.)
- Gombojab. Mongols Who Wrote in Tibetan. *Studia Mongolica* I. Fasc. 28. Ulaanbaatar: Committee of Science and Higher Education, 1959. 40 p. (In Mong.)
- Heissig W. Mongolischen Literatur. In: *Handbuch der Orientalistik*. Section 1: Der Nahe und der Mittlere Osten. Vol. 5: Altaistik. Pt. 2: Mongolistik. Leiden, Köln: Brill, 1964. Pp. 228–274. (In Germ.)
- Heissig W. Tibet und Mongolei als literarische Provinzen. Wiesbaden: O. Harrassowitz, 1967. 31 p. (In Germ.)
- Khurelbaatar L. Traditions of Indo-Tibetan didactic poetry in Mongolic literatures. In: *Genre Specifics in Central and East Asian Literatures*. Moscow: Nauka — GRVL, 1985. Pp. 128–144. (In Russ.)
- Laufer B. Essay on Mongolian Literature. V. Kazakevich (transl.), B. Vladimirtsov (ed., foreword). Leningrad: Yenukidze Institute of Oriental Languages, 1927. 95 p. (In Russ.)
- Mikhaylov G. I. Literary Heritage of Mongols. Moscow: Nauka — GRVL, 1969. 174 p. (In Russ.)
- Mikhaylov G., Yatskovskaya K. Mongolian Literature: A Brief Essay. Moscow: Nauka, 1969. 221 p. (In Russ.)
- Mongolian and Tibetan Stories from the Panchatantra. Ts. Damdinsüren (ed., introd.). *Corpus Scriptorum Mongolorum* VII. Ulaanbaatar: Mongolian Academy of Sciences, 1964. 203 p. (In Mong. and Tib.)
- Muzraeva D. N. Tibetan and Mongolian Narrative Literatures of the Seventeenth and Eighteenth Centuries: Mongolian and Oirat Translations. Elista: Dzhangar, 2013. 150 p. (In Russ.)
- Neklyudov S. Yu. Oral tradition in the shaping of Mongolic historical literatures. In: *Folklore and Its Impact on the Development of Southeast and East Asian Literatures*. Moscow: Nauka — GRVL, 1988. Pp. 48–56. (In Russ.)
- Neklyudov S. Yu. Plot building paths in Mongolian traditional prose. In: *Novel and Its Genesis in Literatures of Asia and Africa*. Moscow: Nauka, 1980. Pp. 179–213. (In Russ.)
- Öljei M. S. Investigating Tibetan-Language Works of Mongols. (Beijing): People's Publ. House, 1996. 307 p. (In Mong.)
- Orlova K. V. Comments to the Book of Examples, Collected Jewels: [Analyzing] an Oirat-Language Version. Cand. Sc. (philology) thesis. Manuscript. Leningrad, 1991. 159 p. (In Russ.)
- Riftin B. L. Medieval literatures: A typology of interrelations. In: Riftin B. L. (ed.) *Typology and Interrelations between Literatures of the East and the West*. Moscow: Nauka, 1974. Pp. 9–116. (In Russ.)
- Riftin B. L., Semanov V. I. Mongolian translations of old Chinese novels and stories. In: Grintser P. A., Damdinsüren Ts. Et al. (eds.) *Literary Ties of Mongolia*. Moscow: Nauka — GRVL, 1981. Pp. 234–279. (In Russ.)
- Rigzin Ts. Tibetan-English Dictionary of Buddhist Terminology. Dharamsala: Library of Tibetan Works and Archives, 1986. 479 p. (In Tib. and Eng.)
- Sárközi A. Translating the Buddhist scriptures. In: Birtalan A. (ed.) *Mongolian Studies in Europe*. Conference proceedings (Budapest, 24–25 November 2008). Budapest: Eötvös Loránd University, 2010. Pp. 101–109. (In Eng.)

- Skorodumova L.G. The One-Storey Pavilion by V. Injinash: [Tracing] Chinese traditions in the novel. In: Grintser P. A., Damdinsüren Ts. Et al. (eds.) *Literary Ties of Mongolia*. Moscow: Nauka — GRVL, 1981. Pp. 315–326. (In Russ.)
- The Jebtsundamba Khutukhtus of Urga. Ch. Bawden (text prep., transl., etc.). *Asiatische Forschungen* 9. Wiesbaden: O. Harrassowitz, 1961. 91 p. (In Mong. and Eng.)
- The Precious Treasury [of] Subashid. Chakhar-Gebshi Luvsanchultima (transl., comment.); Ts. Damdinsüren, J. Dügerjav. Ulaanbaatar: People's Publ. House, 1958. 197 p. (In Mong.)
- The Source of Sages: Monumental Buddhist Terminological Lexicon (Tib. dag yig mkhas pa'i 'byun gnas). In 5 vols. R. Pubaev, B. Dandaron (text prep., transl., etc.). Ulan-Ude: Buryatia Book Publ., 1968. Vol. 1: Pāramitā and Mādhyamaka, 166 p. (In Russ., Tib. and Mong.)
- The Story of Choyjid Dakini. A. Sazykin (translit., study, etc.). Moscow: Nauka — GRVL, 1990. 253 s.
- Tibetan and Mongolian Tales of Vetala (Töbed mongyol sidityükegür-ün üliḡer). *Corpus Scriptorum Mongolorum* I. Ulaanbaatar: Mongolian Academy of Sciences, 1962. 233 p. (In Mong. and Tib.)
- Tibetan and Mongolian Tales of Vetala (Töbed mongyol sidityükegür-ün üliḡer). *Corpus Scriptorum Mongolorum* II. Ulaanbaatar: Mongolian Academy of Sciences, 1964. 382 p. (In Mong. and Tib.)
- Tsendina A. D. Mongolian poetics. In: Nikolyukin A. N. (comp., ed.) *An Encyclopedia of Literary Terms and Concepts*. Moscow: Intelvak, 2001. Pp. 580–585. (In Russ.)
- Tsendina A. D. Seventeenth to nineteenth century Mongolian literature: Revisiting the issue of poetic styles and trends. In: *Theory of Style for Oriental Literatures*. Collected papers. Moscow: Vostochnaya Literatura, 1995. Pp. 74–104. (In Russ.)
- Tsendina A. D. Seventeenth to nineteenth century Mongolian novelistics and Indo-Tibetan traditions. In: Yatskovskaya K. N. (comp., ed.) *Mongolian Literature: Essays on Thirteenth to Mid-Twentieth Century History*. Moscow: Institute of Oriental Studies (RAS), 1997. Pp. 177–208. (In Russ.)
- Tsendina A. D. The Book of the Son (Tib. bu chos): Two Mongolian translations of the Tibetan composition. *Mongolica*. 2001. Vol. V. Pp. 54–74. (In Russ.)
- Tsendina A. D. The Jade Box: Collected Taoist texts. In: *Oriental Archives and Archival Studies in the Contemporary World. Challenges and Prospects*. Congress report abstracts (Elista, 5–8 October 2021). Available at: <https://www.youtube.com/watch?v=CaQaY-3JIQ9A> (accessed: 20 January 2023). (In Russ.)
- Tsendina A. D. Typological descriptions of Mongolian literature revisited. In: Bazarov B. V. et al. (eds.) *Nomadic Civilizations of Central Asia: Issues of History and Culture*. Conference proceedings. Vol. 4. Ulan-Ude: Buryat Scientific Center (SB RAS), 2000. Pp. 202–208. (In Russ.)
- Tserensodnom D. Thirteenth to Early Twentieth Century Mongolian Literature. Course book. Ulaanbaatar: Ministry of Public Education, 1987, 438 p. (In Mong.)
- Tubyansky M. I. Some issues of pre-revolutionary Mongolian literature. *Sovremennaya Mongoliya*. No. 5. Pp. 7–30. (In Russ.)
- Vladimirtsov B. Ya. A Comparative Grammar of Classical and Khalkha Mongolian: Introduction and Phonetics. Leningrad: Yenukidze Institute of Oriental Languages, 1929. 445 p. (In Russ.)
- Vladimirtsov B. Ya. Collected Mongolian Stories from the Pañcatantra. Petrograd: Twelfth Academic Printing House, 1921. 162 p. (In Russ.)
- Vladimirtsov B. Ya. Mongolian literature. In: *Literature of the East*. Collected papers. Vol. 2. Petrograd: State Publ. House, 1920. Pp. 90–115. (In Russ.)
- Wallace V. A. Rendering Buddhism into Mongolian language. In: Wedemeyer C. K., Dunne J. D., Yarnall T. F. (eds.) *Vimalakīrti's House: A Festschrift in Honor of Robert*

- A. F. Thurman on the Occasion of His 70th Birthday. New York: American Institute of Buddhist Studies, 2013. Pp. 53–73. (In Eng.)
- Yakhontova N. S. Impact of Tibetan on the syntax of Oirat translations. *Mongolica*. 1986. Vol. 1. Pp. 113–117. (In Russ.)
- Yampolskaya N. Jadamba: Eight Mongolian Translations of the Aṣṭasāhasrikā Prajñāpāramitā Sutra. Asiatische Forschungen 158. Wiesbaden: O. Harrassowitz, 2018. 284 p. (In Mong. and Eng.)
- Yondon D. Tibetan-language fiction of Mongols. In: Literary Ties of Mongolia. Moscow: Nauka — GRVL, 1981. Pp. 208–227. (In Russ.)
- Zaya Pandita Luvsanprinlei. The Biography of the First Khalkha Jetsundampa Zanabazar by Zaya Pandita Luvsanprinlei. A. Bareja-Starzyńska (studies, transl., etc.). Warsaw: Dom Wydawniczy, 2015. 300 p. (In Eng. and Mong.)

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

УДК / UDC 811.512.31+94(57)

DOI: 10.22162/2500-1523-2023-2-287-304

Историческая фонетика бурятского языка в русскоязычной документации XVII в. (к постановке проблемы). Часть 2

Владимир Владимирович Тишин^{1,2}, Баир Зориктоевич Нанзатов³

¹ Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (д. 6, ул. Сахьяновой, 670047 Улан-Удэ, Российская Федерация)

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник

² Бурятский государственный университет им. Д. Банзарова (д. 24а, ул. Смолина, 670000 Улан-Удэ, Российская Федерация)

магистрант

 0000-0001-7344-0996. E-mail: [tihiy-511\[at\]mail.ru](mailto:tihiy-511[at]mail.ru)

³ Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (д. 6, ул. Сахьяновой, 670047 Улан-Удэ, Российская Федерация)

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник

 0000-0001-8012-2515. E-mail: [nanzatov\[at\]yandex.ru](mailto:nanzatov[at]yandex.ru)

© КалмНЦ РАН, 2023

© Тишин В. В., Нанзатов Б. З., 2023

Аннотация. *Введение.* Основные фонетические характеристики бурятского языка, отличающие его от других языков монгольской группы и отраженные в его диалектах западного и восточного ареала, сформировались, по меньшей мере, во второй половине XVIII в. Начальный период формирования этих специфических характеристик остается недостаточно ясным. В статье предпринимается попытка показать возможность выделения ареальных фонетических особенностей бурятского языка среди локальных групп населения Прибайкалья уже в первой половине XVII в. на материале аутентичных источников. *Цель* исследования — анализ зафиксированной в русскоязычных документах XVII в. этнонимике и ономастике, относящейся к бурятскому населению, на предмет выявления специфических произносительных особенностей, отражающих диалектные различия, характерные для говоров бурятского языка. *Материалы и методы.* В исследовании привлечены данные об этнонимике и личной ономастике исторических сообществ бурятского круга, зафиксированные в записях российских служилых людей и казаков («отписки») XVII в. В качестве объекта анализа выбраны наименования, соотносимые с двумя территориальными группами бурятского населения на разных берегах р. Ангары, условно обозначенными авторами статьи как «правоангарская территориальная группа» и «левоангарская территориальная группа», безотносительно к номенклатуре диалектной классификации. *Результаты.* Результаты, полученные на основе проанализированных материалов, позволяют говорить о существовании среди двух условно выделенных территориальных групп бурятского населения отличающихся специфических произносительных черт, отражающих

разные этапы развития фонетического строя бурятского языка. *Выводы.* Выявление возможности существования среди бурятского населения уже к середине XVII в. в рамках двух широких территориальных ареалов различных с точки зрения стадильности развития бурятского языка специфических фонетических черт позволяет говорить о перспективах дальнейших лингвистических изысканий, способных помочь детализировать хронологию развития тех фонетических характеристик, которые в итоге привели к формированию специфических черт бурятского языка.

Ключевые слова: бурятский язык, бурятские диалекты, историческая фонетика, монгольские языки, этнонимика, ономастика

Благодарность. Работа выполнена в рамках государственного задания: проект «Историческое пространство монгольского мира: археологические культуры, общества и государства» (номер регистрации: 121031000241-1); проект «Россия и Внутренняя Азия: динамика геополитического, социально-экономического и межкультурного взаимодействия (XVII–XXI вв.), (номер регистрации 121031000243-5).

Для цитирования: Тишин В. В., Нанзатов Б. З. Историческая фонетика бурятского языка в русскоязычной документации XVII в. (к постановке проблемы). Часть 2 // Монголоведение. 2023. Т. 15. № 2. С. 287–304. DOI: 10.22162/2500-1523-2023-2-287-304

Buryat Historical Phonetics in Seventeenth-Century Russian-Language Documents: Problem Statement Approached. Part 2

Vladimir V. Tishin^{1, 2}, Bair Z. Nanzatov³

¹ Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, Siberian Branch of the RAS (6, Sakhyanova St., 670047 Ulan-Ude, Russian Federation)
Cand. Sc. (History), Senior Research Associate

² Banzarov Buryat State University, Institute of Oriental Studies, Department of Central Asia Philology (24A, Smolin St., 670000 Ulan-Ude, Russian Federation)
 0000-0001-7344-0996. E-mail: tihij-511[at]mail.ru

³ Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, Siberian Branch of the RAS (6, Sakhyanova St., 670047 Ulan-Ude, Russian Federation)
Cand. Sc. (History), Senior Research Associate
 0000-0001-8012-2515. E-mail: nanzatov[at]yandex.ru

© KalmSC RAS, 2023

© Tishin V. V., Nanzatov B. Z., 2023

Abstract. Introduction. It is in the mid-to-late 18th century at latest that the main phonetic characteristics of Buryat that distinguish the latter from other Mongolic languages — reflected in its western and eastern dialects — took shape. The initial period that had witnessed the formation of these specific elements still remains somewhat unclear. The paper analyzes authentic sources and attempts to show a possibility that the areal phonetic features of Buryat emerged within local population groups of Baikalia as far back as the early-to-mid 17th century. *Goals.* The article analyzes ethnonyms (and other onyms) relating to the Buryat population and recorded in seventeenth-century Russian-language documents to identify spelling (pronunciation) specificities characteristic of Buryat dialects. *Materials and methods.* The study examines ethnonyms and personal onyms across Buryat-related

historical communities contained in seventeenth-century documents (Rus. *otpiski*) of Russian servicemen and Cossacks. The work focuses on names traced in two territorial groups of the Buryat population on different banks of the Angara River conventionally be referred to as 'right-bank Angara territorial group' and 'left-bank Angara territorial group' — regardless of any dialect classification. *Results.* The conducted analysis attests to that the mentioned period was already characterized by the existence of certain spelling (pronunciation) features within the two identified territorial groups of the Buryat population, the ones to reflect different stages in the development of the Buryat phonetic system. *Conclusions.* The revealed possibility implying the phonetic features of the Buryat language inherent to different stages of the latter's development could have already existed as early as the mid-17th century in the population of two wide territorial areas of Baikalia makes it appropriate to outline further prospects of linguistic research to detail developmental chronologies for those phonetic characteristics that eventually led to the shaping of specific features in present-day Buryat.

Keywords: Buryat language, Buryat dialects, historical phonetics, Mongolic languages, ethnonymy, onomastics

Acknowledgments. The reported study was funded by government assignment, projects no. 121031000241-1 'Historical Space of the Mongolian World: Archaeological Cultures, Societies and States', and no. 121031000243-5 'Russia and Inner Asia, 17th–21st Centuries: Dynamics of Geopolitical, Socioeconomic and Cross-Cultural Interaction'.

For citation: Tishin V. V., Nanzatov B. Z. Buryat Historical Phonetics in Seventeenth-Century Russian-Language Documents: Problem Statement Approached. Part 2. *Mongolian Studies (Elista)*. 2023; 15(2): 287–304. (In Russ.). DOI: 10.22162/2500-1523-2023-2-287-304

Введение

В первой части настоящей статьи речь шла о дискуссии касательно хронологии фонетических изменений, приведших к формированию отличительных черт бурятского языка среди других языков монгольской группы. Наиболее яркими из них, характеризующими бурятские говоры восточного и западного ареала, являются отсутствие аффрикат и появление фарингального /h/ (< письм.-монг. /s/, в позиции не перед /i/). Проблемным остается вопрос выяснения нижнего хронологического рубежа, с которого следует вести отсчет этих изменений, что затрудняется недостатком источников. Другая проблема заключается в обосновании природы этих изменений.

Во второй части статьи, оставляя в стороне немаловажные для истории бурятского языка вопросы взаимодействия с носителями монгольских языков якутского и эвенкийского населения, а также тюркоязычных сообществ Саяно-Алтая, мы останавливаемся на русскоязычных источниках XVII в., являющихся самыми ранними письменными свидетельствами, в которых начинается достоверное упоминание бурят и в смысле адекватности обобщающего применения этого названия к конкретным группам населения, преемственность с которым не прерывается в последующем, и в лингвистической репрезентативности материала.

В русскоязычных документах, начиная с XVII в., фигурируют «брáты» или «брáцкие люди», первые сведения о которых были получены от самодийского населения верхнего Енисея в 1609 г., а первый непосредственный контакт с ними был осуществлен, по меньшей мере, в 1629 г., в районе нижней Оки [СДИБ 1960: 6, 9, 10; Будаев 1992: 40]. Само написание *братъ отражает, вероятно, произносительный вариант *br'ād ~ bar'ād < bur'ād*, восходящий

к **buriyad* (т. е. *-ā- < -iya-*, с палатализацией предшествующего согласного *-r-*) и характерный для бурятских говоров западного ареала (нижнеудинский, аларский, окинский и др.), следуя присущему им явлению редукции гласного первого слога [Будаев 1978: 31, 214–215; Поппе 1938: 21; Рассадин, 1982: 8]. Если такая интерпретация верна, значит, бурятский язык уже предстает на стадии существования определенных характерных для него особенностей.

Мы хотим показать потенциал этих текстов на предмет исследования бурятской исторической фонетики, однако более точно (чем, например: [Будаев 1992: 30]). Ограниченность объемов публикации не позволяет нам широко развернуть свою аргументацию, и мы обойдемся некоторыми иллюстративными примерами.

Источники позволяют нам выделить особенности звукового строя двух территориальных групп бурят, которые столкнулись с русскими землепроходцами. Чтобы не вносить путаницы в классификационную терминологию и не изобретать новой, мы можем условно назвать эти выделяемые группы *левоангарской* и *правоангарской*, не подразумевая их непосредственного соотнесения ни с какими-либо классификациями современного состояния бурятских говоров, ни с классификациями групп бурятского населения, привязанными к административно-территориальным подразделениям.

Материалы и методы

Тексты русскоязычной документации в какой-то степени опубликованы [ДАИ 1846; ДАИ 1848; КПМГЯ 1936; Окунь 1936; Миллер 1941 (прилож.); Миллер 2005 (прилож.); СДИБ 1960]¹, некоторые архивные материалы цитируются в работах исследователей [Окладников 1937; Токарев 1939; Долгих 1960; и др.].

Оценка потенциала использования этих документов в качестве источника по истории бурятского языка вызывала различные мнения. Г. Д. Санжеев располагал ограниченным материалом, однако решился на ответственные построения на его основе². Среди его оппонентов даже после публикации сборника документов под редакцией Г. Н. Румянцева и С. Г. Окуня [СДИБ 1960] высказывались скептические взгляды на возможности адекватной лингвистической интерпретации их материала, представленного преимущественно именами собственными [Kara 1972: 433]. Л. Кларк, отметивший дискуссионный характер построений других исследователей о хронологии развития бурятской фонетики на основе русскоязычных документов XVII в., высказал сдержанную оценку относительно их потенциала, хотя назвал работу по выявлению в них бурятского лингвистического материала «неблагодарным и утомительным занятием» (“a thankless and tedious task”) [Clark 1976: 61]. Тем не менее в разной степени последовательные и удачные попытки использования этих документов в качестве лингвистического источника исследователями принимались [Цыдендамбаев 1976: 14–19; Митрошкина 1987: 4, 36, 38–42, 51; Будаев 1992: 6, 30, 47, 49].

¹ Здесь и далее мы ограничиваемся ссылками на работы, непосредственно задействованные в данной статье, опуская другую многочисленную литературу, полезную по теме исследования.

² См. в первой части статьи: [Тишин, Нанзатов 2023].

При интерпретации материала этих документов мы, безусловно, должны учитывать некоторые методические сложности.

(1) Иноязычные имена и названия могли быть получены служилыми людьми и казаками через толмачей, что могло оказать влияние на искажение оригинального звучания (ср.: [Токарев 1939: 105; Долгих 1953: 45]). Когда енисейские служилые люди, столкнувшись окинскими бурятами, определили, что «брацкие люди говорят по калмацки», из Тары был выписан толмач [Долгих 1960: 214]. При этом известно, что в определенных случаях в функции толмачей выступали «тунгусы», т. е. эвенки, на тот момент уже более знакомые русскоязычным деятелям (см., например: [ДАИ 1846: 250, 251–252, 255; КПМГЯ 1936: 227; Окунь 1936: 174; СДИБ 1960: 51–52, 88, 158, 164; Миллер 2005: 177, 178; и др.]), в других случаях — «новокрещены», видимо, из самих бурят (см., например: [ДАИ 1848: 32; КПМГЯ 1936: 230, 236; СДИБ 1960: 30, 56, 66, 103; и др.]).

(2) На искажение звукового облика иноязычных имен и названий могло оказать влияние субъективное восприятие русскоязычного слушателя или возникающие в связи с этим ассоциации, исходя из возникающих созвучий и мнимых аналогий с более привычными его среде словами.

(3) Регистрировавшиеся русскими писцами иноязычные имена и названия могли передаваться в искаженной форме в результате ошибок или описок переписчиков (см., например: [Токарев 1939: 111 (примеч. 7); Долгих 1960: 133, 317, 353, 516 и др.]).

Многие из опубликованных документов дублируют друг друга в сообщаемой информации, часто повторяя события слово в слово, но с различной передачей некоторых иноязычных имен собственных. Мы основывались на тех, которые, исходя из установленной издателями хронологии создания, являются более ранними.

Конкретные фонетические явления бурятского языка в русскоязычных записях XVII в.

1. Переходы *-s > -d* и *-s- > -h-* и сопутствующие процессы

Л. Кларк аргументировал, что изменение *-s > -d* произошло, по меньшей мере, не позднее 1620 г. (начало контактов бурят с русскоязычными людьми), в подтверждение чего приводит следующие примеры бурятских заимствований из русского языка: Rus' > orod 'Russian', rož' > orōd 'rye' (бур. бох.), peskar' > pedger 'gudgeon-fish; gobio gobio' (бур. мухорш.) [Clark 1979: 19–20].

В. И. Рассадин убедительно обосновал, что процессы развития *s > h* (между гласными) и *-s > -d* (в конце слова) являются однопорядковыми и оба вторично возникших звука выступают как позиционные аллофоны /s/ [Рассадин 1982: 74, 77–85]: *-h-* проявляется в позиции перед любым гласным, кроме /s/ (/si/ уже должен был перейти в /ši/), *-d* проявляется в конце слов или основ. Хотя в разных говорах эти явления отражены со своей спецификой, но именно это разнообразие случаев показывает общность тенденции. Как предположил В. И. Рассадин, оба варианта развития произошли через промежуточную ступень, которой был апикальный спирант: *s > *ś* [Рассадин 1982: 159–160, 170].

Заслуживает внимания наблюдаемая контаминация /h/ с /χ/ в байкало-кударинском говоре и спорадически в ряде других западных говоров (по Унге, Алар-ри, Иде, Куде, Качугу), спорадическая замена /h/ на /k^х/, /χ/, /g/ в нижеудинском говоре, в хучин-баргутском диалекте и некоторых монгольских языках, чем, по мнению В. И. Рассадина, это явление объясняется как закономерное общемонгольское, при этом в бурятских говорах такая ассоциация носителями языка звука /h/ не с /s/, а с /χ/ (< */q/, */k/) говорит о давности его появления [Рассадин 1982: 78–79].

Остановимся на привлеченных Л. Кларком примерах.

Первый пример, *ород* (Pl. *ородууд*), нельзя рассматривать как форму множественного числа от *орос* (< */рус/), чтобы объяснить изменение *-d* < *-s*. У.-Ж. Ш. Дондуков относит слово к ранним заимствованиям и упоминает формы *орос*, *ород* вместе [Дондуков 1974: 23–24]; употребляемое в бурятских летописях *ros*, заимствованное непосредственно из книжной традиции [Цыден-дамбаев 1972: 544].

В записях речи балаганских бурят XIX в. (И. Родионов) встречается параллельное употребление форм *орос* и *ород* ‘русский’ [Будаев 1992: 48], у них же отмечено (Gen.) **ороһии* (рукописн. *ороһи*) ‘русский (о губернии)’ [Будаев 1992: 46], указывающее на исходное (Nom.) **ород*; у идинских бурят тогда же отмечено (Instr.) **оросоор* (рукописн. *оросор*) ‘по-русски’, восходящее к исходному (Nom.) **орос* [Будаев 1992: 46]. Еще в середине XX в. жители долины р. Иды произносили *-d*- там, где остальные носители боханского говора употребляли *-h*-, в том числе при склонении имен множественного числа в орудном падеже (Instr.) — в позиции, предшествующей аффиксу *-оор*: *хонидоор* — *хониһоор* ‘овцами’, *нохээдоор* — *нохээһоор* ‘собаками’ [Хомонов 1965: 43].

В своем втором примере Л. Кларк ссылается на бур. бох. *ороод* (по: [Хомонов 1965: 64, 65, 67]), которое может быть дополнено такими примерами: бур. *род* ‘рожь’ (Г. Ф. Миллер, Ф. П. Аделунг), *ороот* ‘рожь’ (И. Родионов) [Будаев 1992: 147, 188], *род* ‘зерно’ (Ф. П. Аделунг, бур. 2) [Будаев 1992: 213], бур. эх.-бул. *ороод* ‘зерно’ [Матхеев 1968: 34; Митрошкина 1968: 65], *ороот* ‘рожь’ (Булуса (бур. эх.-бул.), Улзетуй (бур. алар)), ‘зерно озимой ржи, озимая рожь’ (Улзетуй (бур. алар)), ‘зерно’ (Цолга (бур. мухорш.), Булуса (бур. эх.-бул.)), ‘озимь после колосования, спелая озимая рожь’ (Алят (бур. алар.), Улзетуй (бур. алар.), Нельхай (бур. алар.)), ‘спелая озимая рожь’, (Алят (бур. алар.), Нельхай (бур. алар.), Тангут (бур. унг.)), *ороот* ‘озимь’ (Цолга (бур. мухорш.)), ‘зерно, хлеб в зернах’ (Булуса (бур. эх.-бул.)) [Бертагаев 1961: 61, 79, 115, 120–121], но также *орооһо* ‘яровой хлеб’, ‘зерно’ (Цолга (бур. мухорш.)), *обоотэ орооһон* ‘куча сена’ (Зангин (бур. мухорш.)), *гултхалаатай ороод* ‘куча сена’ (Булуса (бур. эх.-бул.)) [Бертагаев 1961: 79–80], *орооһо* ‘зерно’ (Цолга (бур. мухорш.)), *орооһон* ‘зерно’ (Зангин (бур. мухорш.)), *ороот* ‘зерно’ (Булуса (бур. эх.-бул.)) [Бертагаев 1961: 56].

У.-Ж. Ш. Дондуков относит *орооһон* ‘зерно’ к ранним заимствованиям [Дондуков 1974: 23, 26]. Он объясняет происхождение формы *орооһон* как закономерное производное от незарегистрированной формы **ороос* ‘рожь — ярица’, где долгота объясняется акцентуацией, конечный *-с* < рус. *-ж* [Дондуков 1974: 69–70, 90]. Типологическим примером в его видении выступает сло-

во *заалис* ‘залежь’ < рус. *залежь*, где конечный -с < рус. -ж [Дондуков 1974: 69]. Заимствование обоих слов отнесено к фонду сельскохозяйственной лексики, проникшей в бурятскую среду в первой половине XVIII в. [Дондуков 1974: 26].

В действительности, следуя В. И. Рассадину, образование формы *орооһон* непосредственно от *ороод* объясняется реализацией /h/ как рефлекса исконного /s/, позиционно предстающего в исходной основе в виде слабого /d/: ср.: *буряад* ‘бурят’ > зап.-бур. (Pl.) *буряаһар* ‘буряты’, *морид* ‘кони’ > зап.-бур. (Gen.) *мориһы* ‘коней’, *хонин* ‘овца’ > зап.-бур. (Pl.) *хониһууд* ‘овцы’, зап.-бур. (Gen.) *хониһой* ‘овец’ (примеры по: [Рассадин 1982: 74]). Такая ассимиляция финального -d подтверждается в калмыцком языке, где при добавлении к производящей основе аффикса -sun (ср. бур. *+һон > +һан), в результате регрессивной ассимиляции -d уподобляется последующему -s-, часто выпадая [Ропе 1955: 107].

Что касается приводимого Л. Кларком в качестве третьего примера слова *pedger*, здесь опора на зафиксированное *нуурай пэдгэр* ‘рыба из породы карасей’ (Зангин (бур. мухорш.) из материалов Т. А. Бертагаева [Бертагаев 1961: 77]. Этот пример как раз демонстрирует реализацию /s/ > /d/ в конце основы перед согласным.

Примеры гипотетичны; мы можем дополнить их на основе результатов собственных изысканий.

1.1. -s > -d

Бурятское название племени *ekired* (в русскоязычной адаптации *экирит*, ср. ср.-монг. *ikires*) встречается в русскоязычных документах с 1641 г., когда после постройки Верхоленского острога сообщается о сборе ясака с бурят «Икереженского роду» [Токарев 1939: 116]. Среди более поздних упоминаний обращают на себя внимание именованья «икиреженские» и «Икириженцы», вложенные писцами в уста представителей этого сообщества [Токарев 1939: 116], обращение в 1645 г. «...у васъ у Икирежанъ, въ вашемъ улусъ...» [ДАИ 1848: 32]¹. В других случаях в качестве производящей основы выступает исходная форма *икиреж*: например, формы винительного падежа (Acc.), приведенные на 1642 г. как *икиреж* (орфогр. *Икирежъ*; ср.: [ДАИ 1848: 30; СДИБ 1960: 46]) и *икирежей* [СДИБ 1960: 76], частные формы именительного падежа (Nom.) *икирежи* (Pl.), *икирежский* (Pos.) и др. (см., например: [СДИБ 1960: 453 (указатель)]).

Форма *икиреж-ен-ский* может быть рассмотрена как неправильная с точки зрения русской морфологии, разговорная (ср.: *наш-ен-ский*). Образование формы *икиреж-ский* отвечает нормам образования прилагательных от названий народов. Это показывает, что слово *икиреж(ъ)* воспринималось уже как цельная форма (без осознания множественности, заложенной в морфологическом показателе)². Если бы в качестве производящей основы была форма, оканчи-

¹ Здесь и ниже мы развиваем наблюдения, озвученные ранее: [Нанзатов, Тишин 2022: 53].

² Ср., в особенности, «на братцких людей на икиреж» (уп. 1645 г. касательно 1642/1643 г.) (Acc.) [СДИБ 1960: 46], «к братцким людям в Икирежи» (1645 г.) [СДИБ 1960: 51], «...итти на тех твоих государевых изменников на икиреж...» (1646 г. касательно 1644 г.) [СДИБ 1960: 76], «...пошли на тех государевых изменников на икиреж и на сипугат...» [СДИБ 1960: 91], «...пошли на тех государевых изменников на икиреж, на сипугат...» [СДИБ 1960: 162]; а также между собой выражения «братцкие люди

вающаяся на -d или -t, следовало бы ожидать смягчение согласного /д/ или /т/ перед суффиксом -ск-, что дало бы закономерное -цк- [Буслаев 1858: 121, 61], как это в случаях типа *бра(т)цкий, инкина(т)цкий* и т. п. Однако смягченный /д/ в русском языке парадигматически переходит в /ж/ [Буслаев 1858: 58, след.]. Отсюда следовал бы вывод, что написание *икиреж-* передает звучание с конечным звуком, который не соответствует по тембру /д/, /т/, а, вероятно, является слабым или палатализованным звуком, близким к */d'/ или даже */ʝ/.

Косвенным признаком того, что среди бурят правоангарской территориальной группы еще во второй четверти XVIII в. сохранялась форма финального -s, является употребление у Я. И. Линденау при изложении версии генеалогической легенды, почерпнутой в окрестностях Качуга, наряду с формой *Ikirit* (sic!) еще именований *Atschebagas*, *Abanagas*, *Charanus* [Линденау 1983: 137], т. е. *Ačibagas, *Abaganas, *Xaranus вместо ожидаемых *Ačibagad, *Abaganad, *Xaranud.

Подтверждающий пример существования раннего показателя -s в ареале расселения бурятских племен мы ретроспективно находим в якутском материале. Его дает обнаружение среди якутов по переписи 1897 г. административно-родового подразделения *атагасох* [Справочник 1911: 94], что нами было предложено истолковать как составное *ataγasōx < *ataγas-āx [Нанзатов, Тишин 2021a: 46–47], вторая часть которого, *āx*, имеет значение множественной собирательности, с семантикой родства [Пекарский 1959: 204]. Само название сопоставляется с названиям бурятского племени *атаган* и поселка Атагай (Нижнеудинский район, Иркутская область). Вычленяемая форма *ataγas предстает как архаичная форма множественного числа с аффиксом -s и в историческом плане трактуется нами как заимствование из бурятской среды.

1.2. *si* > *ši* и последующее -s- > -h-

Фарингализация -s- > -h- является ключевым процессом, повлекшим все дальнейшие сдвиги в бурятской фонетике. Л. Кларк относит его к периоду между 1660 и 1720 гг., логично после развития *si* > *ši* [Clark 1979: 19, 20]. Его аргумент основан на примере соотнесения письм.-монг. *tübsin* 'level, smooth; peaceful, calm' и бур. *tübheŋ* 'id.', демонстрировавшего бы нетипичное развитие ранней формы в бурятском (ожидалось бы *si* > *ši* и, соответственно, бур. **tübšeŋ*). Потому это слово, скорее, следовало бы считать заимствованием из письменно-монгольского языка в бурятский, что было бы возможно только при наличии у его носителей письменности (о ней кратко сообщает Н. Витсен, см.: [Clark 1979: 15–16]).

В. И. Рассадин обосновывает факт более раннего развития /si/ > /ši/ тем, что этот переход осуществлялся перед /i/, тогда как /s/ > /h/ последовательно реализуется как раз перед любым другим гласным, кроме /i/ [Рассадин 1982: 78].

Кажется, впервые Ц. Б. Будаев [Будаев 1992: 49] привлек в качестве свидетельства не состоявшегося перехода сибиланта /s/ перед /i/ в шипящий звук упоминание формы племенного наименования *asibuγad* в русскоязычных до-

икирежи» (уп. 1645 г. касательно 1642/1643 г.) (Асс.) [СДИБ 1960: 46], «братские люди икирежи и бунгудай и коринцы и батулинцы» (1645 г.) [СДИБ 1960: 52], «братские де люди икиреж и бунгудай» (1645 г.) [СДИБ 1960: 52]. О типе склонения винительного падежа как именительного см.: [Буслаев 1858: 204, 206].

кументах середины XVII в. как *осибугат-* (1645 г.: «...Осибугатского роду...» [СДИБ 1960: 162]; см. еще упоминания в 1646–1647 гг.: [Токарев 1939: 117]¹; также в разных вариантах (падежн.): «Супугайские улусы», «Супогайские улусы» [ДАИ 1848: 30], «Супогайских юрт» [ДАИ 1848: 31], «сипугайскому», «Сипугайского роду», «Сипугайские» [СДИБ 1960: 55, 65, 66 и др.], «сипугаев» [СДИБ 1960: 59]²; передача в русскоязычных текстах третьего слога оригинального слова графемами /o/, /y/ говорит о его губном характере и безударном произношении). Контекстуально эти упоминания, встречающиеся в документации Верховленского острога, относятся к группам верхоленских и кудинских бурят (правоангарская территориальная группа). По доступным данным мы можем судить, что административный род назывался в документах «Асипугатским», по меньшей мере, еще в 1681 г. [Долгих 1960: 291 (табл. 105)], а в документе за 1691 г. следует упоминание «Ашабахатцкого роду». Теоретически, о том, что процесс /si/ > /ši/ > /šA/ происходил только к фиксируемому времени (1691 г.), свидетельствует наличие в одном списке таких фамилий (фактически своего рода отчеств, о чем см.: [Митрошкина 1987: 174–175]), как *Силингуев*, *Шибеев*, *Шарчигурев* и имени *Шара* [СДИБ 1960: 412], отражающих разное развитие /si/. Я. И. Линденау (см. выше), последовательно использующий сочетание *tsch* для передачи /č/, упоминает записанное в окрестностях Качуга название *Atschebagas* [Линденау 1983: 137], т. е. *ačibayas (ср. там же *tscheno* < *čino, *čono; бур. šono).

В то же время в русскоязычных текстах в связи с территориальной группой бурят на левобережье р. Ангары, по р. Тасеевой и Уде, еще раньше отмечено собственно название той же формы исходной *asibuyad* с шипящим сибилантом *-ш-* и с метатезой: название *ашахабат* или *ашехабат* упоминается в источниках с 1652–1653 гг.³

Теоретически, условно к середине XVII в. мы имеем состоявшееся ареальное развитие, приведшее через ступени *Ašibuyad и *Ašvbrɣad (комбинаторное ослабление *[g] > [χ]: [Рассадин, 1982: 45, 106]) к варианту *Ašvɣrbad. Независимо от деталей, отмеченный переход /si/ > /ši/ логично предшествует /s/ > /h/ (перед любыми гласными, кроме /i/), поэтому существование последнего логично допускать в первой половине XVII в.

¹ В цитируемой работе *асипугаты* (*сипугаты*, *сипугаи*) не соотнесены с *ашехабатами* [Токарев 1939: 111, след.], но дальше исследователь отмечает следующее: «В новейшее время ашебагатский род — вероятно, потомки асипугатов — известен только в Селенгинском округе» [Токарев 1939: 117 (примеч. 7)].

² Ц. Б. Цыдендамбаев, однако, объясняет такое произношение влиянием языка информантов, в котором отсутствовал /ш/ [Цыдендамбаев 1972: 290].

³ В 1653 г., когда к пятидесятнику Удинского острога Михаилу Ярлыкову прибыли «ашахабаны Узунко, да Абанко, да Номко, да Каранюдко, да Борчинко со всеми аш ахабацкими ясачными тотары, да Корчульского улусу Сумангилейко со всеми корчульскими ясашными тотары» (цит. по: [Окладников 1937: 93]). О ретроспективных упоминаниях см. также: [Окладников 1937: 93–94]. В отписке Красноярского воеводы Михаила Скрябина от 6 мая 1654 г. упоминаются формы (на) ашахабат (Асс.), ашахабатцких (Pl., Pos., Dat.) (см.: [Токарев 1939: 108–109]); в 1654 г. упомянут, например, «ашехабацкой князец Изень», в 1656 г. — «ашехабатцкие князцы», также форма ашахабаты (см.: [Токарев 1939: 111–112]); в 1658 г. — «Ашахабаты» [СДИБ 1960: 208].

1.3. -s- > -h-

Теперь собственно касаясь этого процесса, мы можем привести такой пример, отмеченный среди условной левоангарской территориальной группы бурят.

Выше на примере двух вариантов одного и того же исходного названия мы предположили, что в отличие от правоангарских бурят среди, по крайней мере, некоторой части бурят условной левоангарской группы к середине XVII в. уже произошел переход *si* > *ši*, который должен логически предшествовать /s/ > /h/.

Имя одного из «князцов», среди первых в 1628–1629 гг. попавших в российское данничество, живя вверх по «Тасееве реке», по р. Чюне (Уда), это **Кохоня* или **Кохонь*, как оно восстанавливается исходя из разных падежных вариантов — уп. 1629 г.: Кохоне (Dat.), Кохоню (Acc.), Кохони (Gen.) [СДИБ 1960: 18]; уп. 1630 г.: Кохоля (Gen.) [СДИБ 1960: 19], Кохоня (Nom.) [СДИБ 1960: 22]; уп. 1631 г.: Кохоню (Dat.) [СДИБ 1960: 24; Миллер 1941: 379].

Мы можем сопоставить это с письм.-монг. *qoγusun*, халх. *хоосон*, бур. *хоо-һон*, калм. *хоосн*, дагур. *хõсон* ‘пустой, порожний’ [ЭСМЯ 2019: 47], зарегистрированное уже у М. А. Кастрена как *хооһон* (бур. тунк., бур. хорин.), *хоосон* (бур. селенг.) ‘пустой, необитаемый’ [Будаев 1992: 176]; бур. лит. *хооһо(н)* ‘пустой, порожний’, ‘перен. голодный’, ‘перен. пустой’, ‘перен. голый, сплошной; один только’ [БМРС 1951: 581–582] (ср.: [Шагдаров, Черемисов 2008: 446]); у Г. Ф. Миллера и Ф. П. Аделунга такого слова со значением ‘голодный’ нет [Будаев 1992: 206]).

Смягченная концовка слова в русскоязычной передаче может объясняться тем, что записанной оказалась форма родительного падежа: **qoohon* > (Gen.) **qoohoni*.

Такая интерпретация показывала бы три явления:

(1) изменение *q- > x- не произошло (графему /q/ мы используем инерционно, не предполагая конкретное качество звука); (2) исторический комплекс -VgV- представлен долгим гласным, который не отражен русскоязычной записью; (3) осуществление развития s > h, где итоговый звук *[h] который отражен кириллической литерой х.

Первый пункт подтверждается другими примерами вплоть до конца XVIII в. (ср.: [Будаев 1992: 30, 55]). Второй и третий — целиком зависимы от предложенной интерпретации.

2. Спирантизация аффрикат

Как было отмечено выше, развитие /s/ > /h/ должно было предшествовать процессам перехода */č/ > /š/ в позиции перед /i/ и */ts/ > /s/ в позиции не перед /i/, поскольку возникший в результате второго процесса /s/ никогда не смешивался с /h/. Процессы */j/ > бур. /ž/ в позиции перед /i/ и */j/ > бур. /z/ (вост.), бур. /j/ (зап.) в позиции не перед /i/ должны были быть примерно синхронны им. С этим, однако, возникают сложности. Мы можем сформировать довольно обобщенную локальную картину для бурят условной правоангарской территориальной группы, где она представлена именами родственников, взаимодействующих в один довольно короткий, отмеченный источниками, хронологический отрезок.

2.1. Письм.-монг. *či-* > бур. *šV-* еще не произошло

Сын эхиритского «князца» Куржума Бурлаева, фигурирующий впервые как *Чевдокомъ* (Nom.) [ДАИ 1846: 255], *Чевдокома* (Acc.) [ДАИ 1846: 256], а у И. Э. Фишера названный как *Чендакомъ* (Nom.) [Фишер 1774: 530, 531], видимо, носит имя **Чевдок*, отмеченное далее в падежной форме *Чевдока* (Acc.) [ДАИ 1848: 31, 32; КПМГЯ 1936: 229, 230, 235; СДИБ 1960: 46, 56, 66, 103]].

Написание **Чевдок*, скорее всего, отражает именную форму на -dAG со значением обычного, привычно повторяющегося действия [Poppe 1954: 96]. В бурятском языке аффикс образует отглагольные прилагательные со значениями: «а) склонный к какому-либо действию, что обозначается производящей основой... б) обладающий каким-либо качеством или свойством, что обозначается производящей основой...» [Дондуков 1964: 97]. Ср. письм.-монг. *čibday*, халх. *чавдаг* ‘Sluggish, slow; trickling, flowing in a thin stream; stingy, miserly’ [Mongolian-English Dictionary 1960: 174], халх. *чавдаг* ‘скупой; медлительный; текущий тонкой струей; текущий еле-еле (о моче при болезни)’, бур. *шабдаг* ‘редкий; немного, мало’ [ЭСМЯ 2015: 140].

2.2. Письм.-монг. *č-* > **ts-* > бур. *s-* еще не произошло

Вариативно представлена форма имени, упоминаемого в 1645–1647 гг.: «...в тех Икирежских улусех был в те поры Супугайских улусов доброй мужик Чокор, отцу имя Чо» [ДАИ 1848: 30]. Имя первого персонажа отмечено в разных вариантах: *Чокор* [ДАИ 1848: 30; КПМГЯ 1936: 230–231], *Чокору* (Dat.) [СДИБ 1960: 57, 105], *Чокора* (Acc.) [ДАИ 1848: 30; СДИБ 1960: 102]; **Чекор* (Чекору (Dat.) [ДАИ 1848: 32; Окунь 1936: 166; КПМГЯ 1936: 229; СДИБ 1960: 55, 103]), **Чекор-ко* (Чекорка (Acc.) [СДИБ 1960: 91, 162], *Чекора* (Gen.) [Окунь 1936: 166]; *Чакур* [КПМГЯ 1936: 235], *Чакура* (Acc.) [СДИБ 1960: 65]; *Чокур* (Nom.) [КПМГЯ 1936: 235, 237; СДИБ 1960: 67, 105], *Чокуру* (Dat.) [ДАИ 1848: 33; СДИБ 1960: 65, 68].

По-видимому, это следует связать с письм.-монг. *čoyoqur* ‘пестрый’, халх. *чоохор*, бур. *соохор* ‘пестрый, чубарый (о масти)’; ср. эвенк. баргуз. *чѳкур* ‘пестрый’ (< монг.) [Поппе 1927: 51]. Либо, менее вероятно, письм.-монг. *čakīyur*, халх. *цахиур*, бур. *сахюур* ‘кремень (для высечения огня); кремневый’ [ЭСМЯ 2015: 131]. При любой интерпретации инициальный *č-*, находясь в позиции не перед /i/, не перешел в **ts-* > бур. *s-*.

2.3. Письм.-монг. **/j/* > /*džV/* > /*dzV/*

Имя брата Куржума Бурлаева, одного из предводителей бурят, в 1641 г. кочевавших у р. Манзурки¹, записано в разных формах: *Жаяка* (ср.: *Жаякою* (Instr.)) [ДАИ 1846: 250], либо *Заякай* (Nom.) [ДАИ 1846: 255]; вероятно, он же в 1645 г. фигурирует как *Жаяка* (Gen.) [КПМГЯ 1936: 235; СДИБ 1960: 65]; 1684 г. упомянут кочевавший «между Леною и Ангарою» *Заякайко* Бурлаев [СДИБ 1960: 268] или, чуть позже, *Заикай* Бурлаев (Nom.) [СДИБ 1960: 285], *Заикаю* Бурлаеву (Dat.) [СДИБ 1960: 286]. Эти записи варианта письм.-

¹ «...Куржумовы улусные люди, его дяди и братья, прикочевали на старые свои кочевья около Баянжуруги, а про Доргея сказывают, что де он кочует вверх Баянчуруги, а хотѣл де онъ быть кочевать съ ними жъ вмѣстѣ» [ДАИ 1846: 255].

монг. *јауауап* не отражают однозначно явных аффрикат, но, исходя из их наличия в западных говорах еще в XVIII в. [Будаев 1992: 49], можно утверждать, что инициальные графемы *жс*- и *зс*- здесь передают соответственно [dʒ] и [dz], сосуществовавшие в позиции не перед /i/. Такое же мнение у Ц. Б. Будаева [Будаев 1992: 30], основывавшегося на других примерах. Передача свистящей аффрикаты сочетанием /дз/ появляется в русскоязычных текстах ближе к концу XVII в. Даже имя посла монгольского Сайн нойон хана в документе 1687 г. пишется как «Босого Зорикту» [СДИБ 1960: 300, 301], при существовании аффрикат и в современном халха-монгольском.

Иное явление заметно среди бурят с левого берега Ангары, попадающих в условную левоангарскую территориальную группу. Имя сына «князца» Оилана, логично связываемого с окинскими «ашебахатами» [Окладников 1937: 330; Токарев 1939: 111–112; Долгих 1960: 250], известно, начиная с 1647 г., в форме *Изень*: *Изена* (Асс.) [СДИБ 1960: 96], *Изеня* (Асс.), *Изеню* (Дат.), *Изень* (Ном.) [СДИБ 1960: 97; ДАИ 1848: 107; Миллер 2005: 322]. Его логично сопоставить с письм.-монг. *ејен*, халх., бур. *эзэн*, бур. *эжэн*, калм. *эзн*, дагур. *эджин*, дунс. *эджэн* ‘хозяин, владелец; (ист.) господин, владыка, повелитель’; халх. *эзэн улс* ‘метрополия’ [ЭСМЯ 2015: 210]. Современный окинский говор (по данным, собранным у населения средней Оки) отражает состояние развития аффрикат, близкого к общемонгольскому: *[dʒ] > [dz] > [z] перед гласными, кроме /i/ и [dʒ] > [ʒ] перед /i/, при спорадическом сохранении произносительных вариантов [dz] и [dʒ] соответственно [Рассадин 1996: 43–44].

2.4. Письм.-монг. */ji/ > */dʒi/

Среди кудинских ашибагатов («*Ашабахатцкого роду*» — sic!) — условная правоангарская территориальная группа — в «Росписи ясачного сбора» за 1691 г. фигурируют имена *Джирба* Дучиев (Ном.) и Окулен *Джирбаев* (Ном.) [СДИБ 1960: 412], где не только не осуществился перелом исторического /i/ [Будаев 1992: 30], но и не произошла спирализация аффрикаты.

Иные процессы в это же время наблюдаются на левобережье Ангары: в 1688 г. в улусах между рр. Китой и Белая (китайские буряты) имена **Зербай* в форме *Зербая* (Асс.) и **Дзирбуга* в форме *Дзирбугу* (Асс.) («в Цысолинах») [СДИБ 1960: 304], вероятно, последний, в документе за 1691 г. назван *Заилбага* (Ном.) («Цысолитцкого роду», т. е. Шошоолок¹) [СДИБ 1960: 379].

Выводы

Потенциал письменных источников в выяснении ранних миграций ограничен. Якутские предания и наличие монголизмов в якутском языке однозначно свидетельствуют о существовании таких миграций из Прибайкалья, по крайней мере, в северном направлении. Лингвистика имеет большой потенциал для определения участия групп бурятского (в лингвистическом значении, со всеми условностями) в этих миграциях и относительной датировки этих миграций. Для этого важно выяснить особенности языка этих предполагаемых групп, в чем мы можем опираться на самые ранние, пусть и очень косвенные, свидетельства о развитии бурятского языка.

¹ О них см. теперь: [Нанзатов, Тишин 20216].

В данной статье мы попытались предложить интерпретацию некоторых имен собственных, характерных для локальных групп бурятского населения первой половины (фактически, второй четверти) XVII в. Признавая, что интерпретации записанных имен ввиду неопределенности критериев идентификации, могут происходить только на интуитивной основе и получить альтернативное объяснение (как, напр.: [Митрошкина 1987: 39]), мы выбрали те, которые, на наш взгляд, выглядят наименее дискуссионно.

Это предварительное исследование показало, что две условные территориальные группы бурят, по разным берегам р. Ангары, уже к середине XVII в. имели различные фонетические особенности. Буряты правоангарской территориальной группы к моменту прихода российских служилых людей и казаков сохраняли еще архаичные обшемонгольские черты: не произошло палатализации /si/ > /ši/; развитие /-s/ > /-d/, видимо, только происходило; /čV/ еще не перешел даже в /tsV/ (чтобы дать бур. /sV/); /j/ еще сохранялся в виде аффрикаты */džV/ > */dzV/, при этом развитие шипящей аффрикаты в свистящую, может быть, до конца не завершилось. Фонетические особенности языка бурят условной левоангарской группы предстают более продвинутыми с точки зрения тенденций развития бурятской фонетики: развитие /si/ > /ši/ произошло и дало даже ассимилятивное /šV/; вероятно, уже последовало развитие /s/ > /h/ и /-s/ > /-d/; в области спирализации аффрикат мы имеем стадию */dzV/ в позиции не перед /i/.

Сокращения

- Асс. — винительный падеж
- Dat. — дательный падеж
- Gen. — родительный падеж
- Instr. — творительный падеж
- Nom. — именительный падеж
- Pl. — множественное число
- Pos. — посессивная форма
- бур. алар. — бурятский язык, аларский говор
- бур. бох. — бурятский язык, боханский говор
- бур. вост. — бурятский язык, восточные говоры
- бур. зап. — бурятский язык, западные говоры
- бур. — бурятский язык литературный (хоринский говор)
- бур. мухорш. — бурятский язык, мухоршибирский подговор хоринского говора
- бур. унг. — бурятский язык, унгинский говор
- бур. эх.-бул. — бурятский язык, эхирит-булагатский говор
- дагур. — дагурский язык
- дунс. — дунсянский язык
- калм. — калмыцкий язык
- письм.-монг. — письменно-монгольский язык
- рус. — русский язык
- ср.-монг. — среднемонгольский язык
- халх. — халха-монгольский язык
- эвенк. баргуз. — эвенкийский язык, баргузинский говор

Литература

- Бертагаев 1961 — *Бертагаев Т. А.* К исследованию лексики монгольских языков: опыт сравнительно-статистического исследования лексики бурятских говоров. Улан-Удэ: [б. и.], 1961. 160 с.
- БМРС 1951 — Бурят-монгольско-русский словарь: ок. 25 000 слов; с приложением краткого грамматического справочного очерка по бурят-монгольскому языку / сост. К. М. Черемисов; под. ред. Ц. Б. Цыдендамбаева. М.: Гос. изд-во иностр. и национальн. словарей, 1951. 852 с.
- Будаев 1978 — *Будаев Ц. Б.* Лексика бурятских диалектов в сравнительно-историческом освещении. Новосибирск: Наука, 1978. 302 с.
- Будаев 1992 — *Будаев Ц. Б.* Бурятские диалекты (опыт диахронического исследования). Новосибирск: Наука, 1992. 217 с.
- Буслав 1858 — *Буслав Ф. И.* Опыт исторической грамматики русского языка: учебное пособие для преподавателей. Ч. 1. Этимология. М.: Унив. тип., 1858. [12], XL, 244 с.
- ДАИ 1846 — Дополнения к актам историческим, собранные и изданные археографической комиссией. Т. II. СПб.: Тип. II Отделения Собственной Е. И. В. Канцелярии, 1846. [5], 279, [7], [7] с.
- ДАИ 1848 — Дополнения к актам историческим, собранные и изданные археографической комиссией. Т. III. СПб.: Тип. Эд. Прана, 1848. VII, 539, [7], [7] с.
- Долгих 1953 — *Долгих Б. О.* Некоторые вопросы древней истории бурят // Краткие сообщения института этнографии. 1953. Вып. 18. С. 39–47.
- Долгих 1960 — *Долгих Б. О.* Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII веке. М.: АН СССР, 1960. 662 с.
- Дондуков 1964 — *Дондуков У.-Ж. III.* Аффиксальное словообразование частей речи в бурятском языке. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1964. 246 с.
- Дондуков 1974 — *Дондуков У.-Ж. III.* Влияние русского языка на развитие и обогащение лексического состава бурятского языка. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1974. 101 с.
- КПМГЯ 1936 — Колониальная политика Московского государства в Якутии XVII в.: сб. [архивных] документов / под общ. ред. Я. П. Алькора и Б. Д. Грекова; вступ. ст. И. М. Троицкого. Л.: Изд-во Ин-та народов Севера ЦИК СССР им. П. Г. Смидовича, 1936. XXXII, 281 с., [6] л. факс. (Труды по истории. Научно-исследовательская ассоциация Ин-та народов Севера ЦИК СССР им. П. Г. Смидовича. Т. 1; Труды историко-археографического ин-та АН СССР. Т. 14; Материалы по истории народов СССР. Вып. 5).
- Линденау 1983 — *Линденау Я. И.* Описание народов Сибири (первая половина XVIII века): Историко-этнографические материалы о народах Сибири и Северо-Востока / пер. с нем., подгот. текста, примеч. и предисл. З. Д. Титовой; под. общ. ред. И. С. Вдовина. Магадан: Магаданск. кн. изд-во, 1983. 176 с.
- Матхеев 1968 — *Матхеев Б. В.* Очерки эхирит-булагатского говора // Исследование бурятских говоров / под ред. Ц. Б. Цыдендамбаева, И. Д. Бураева. Улан-Удэ: Бурятск. кн. изд-во, 1968. Вып. 2. С. 3–46.
- Миллер 1941 — *Миллер Г. Ф.* История Сибири. [Т.] 2. М.; Л.: АН СССР, 1941. 637 с., [2] л. карт., [1] л. карт.
- Миллер 2005 — *Миллер Г. Ф.* История Сибири. Т. III. М.: Вост. лит., 2005. 598, (2) с., отд. л. карт.
- Митрошкина 1968 — *Митрошкина А. Г.* Говор качугских (верхоленских) бурят // Исследование бурятских говоров / под ред. Ц. Б. Цыдендамбаева, И. Д. Бураева. Улан-Удэ: Бурятск. кн. изд-во, 1968. Вып. 2. С. 47–71.
- Митрошкина 1987 — *Митрошкина А. Г.* Бурятская антропонимия. Новосибирск: Наука, 1987. 222 с.

- Нанзатов, Тишин 2021a — *Нанзатов Б. З., Тишин В. В.* К бурятско-якутским этническим связям: **ataγaɣi* // Вестник Бурятского научного центра СО РАН. 2021. № 2(42). С. 45–54.
- Нанзатов, Тишин 2021б — *Нанзатов Б. З., Тишин В. В.* Шошоолог: этноним и этническая история // Монголоведение. 2021. Т. 13. № 2. С. 274–289. DOI: 10.22162/2500-1523-2021-2-274-289
- Нанзатов, Тишин 2022 — *Нанзатов Б. З., Тишин В. В.* К бурятско-якутским этническим связям: *игидэй* и *эхирид*. Addendum: *икиреж(ь)*, *итирит* // Известия Иркутского государственного университета. Сер.: Геоархеология. Этнология. Антропология. 2022. Т. 40. С. С. 52–56.
- Окладников 1937 — *Окладников А. П.* Очерки из истории западных бурят-монголов (XVII–XVIII вв.). Л.: ОГИЗ, 1937. 427 с.
- Окунь 1936 — [Окунь С.] К истории Бурятии в XVII веке / предисл. С. Окуня // Красный архив. 1936. Вып. 3(76). С. 156–191.
- Пекарский 1959 — *Пекарский Э. К.* Словарь якутского языка. 2-е изд. Т. I. Вып. 1–4. М.: АН СССР, 1959. (3), XVIII, (1) с., стб. 1–1280, (2) с.
- Поппе 1927 — *Поппе Н. Н.* Материалы для исследования тунгусского языка: наречие баргузинских тунгусов. Л.: АН СССР, 1927. 62 с.
- Поппе 1938 — *Поппе Н. Н.* Грамматика бурят-монгольского языка. М.; Л.: АН СССР, 1938. 268 с.
- Рассадин 1982 — *Рассадин В. И.* Очерки по исторической фонетике бурятского языка. М.: Наука, 1982. 199 с.
- Рассадин 1996 — *Рассадин В. И.* Присянская группа бурятских говоров. Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 1996. 217 с.
- СДИБ 1960 — Сборник документов по истории Бурятии XVII в. Вып. 1 (1609–1700) / сост. Г. Н. Румянцев, С. Г. Окунь. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1960. 493 с.
- Справочник 1911 — Справочник Якутской области на 1911 г. / под ред. М. П. Николаева. Якутск: Тип. обл. управления, 1911. 118 с.
- Токарев 1939 — *Токарев С. А.* Расселение бурятских племен в XVII в. // Записки Государственного института языка, литературы и истории (ГИЯЛИ). Вып. 1. Улан-Удэ, 1939. С. 101–130.
- Фишер 1774 — [Фишер И. Э.] Сибирская история с самага открытия Сибири до завоевания сей земли российским оружием / сочиненная на немецком языке и в собрании Академическом читанная членом Санктпетербургской академии наук и профессором древностей и истории, так же членом Исторического Геттингскаго собрания Иоганном Ебергардом Фишером. СПб.: при Имп. Академии наук, 1774. [2], 631 с., [2] л. к.; 4°.
- Хомонов 1965 — *Хомонов М. П.* Боханский говор // Исследования бурятских говоров / под ред. Ц. Б. Цыдендамбаева, И. Д. Бураева. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1965. Вып. 1. С. 35–70.
- Цыдендамбаев 1972 — *Цыдендамбаев Ц. Б.* Бурятские исторические хроники и родословные. Историко-лингвистическое исследование. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1972. 664 с.
- Цыдендамбаев 1976 — *Цыдендамбаев Ц. Б.* Изучение ономастики Бурятии и исторически связанных с ней регионов — одна из актуальных задач современного бурятоведения // Ономастика Бурятии / отв. ред. Ц. Б. Цыдендамбаев. Улан-Удэ: БФ СО АН СССР, 1976. С. 3–23 (Труды Бурят. ин-та обществ. наук. Сер. языковедческая. Вып. 26).
- Шагдаров, Черемисов 2008 — *Шагдаров Л. Д., Черемисов К. М.* Буряад-орон толи: 30.000 угэ / Бурятско-русский словарь: 30 000 слов: в 2 тт. Улан-Удэ: Респ. типогр., 2008. Т. II. О–Я. 708 с.

- ЭСМЯ 2015 — Санжеев Г. Д., Орловская М. Н., Шевернина З. В. Этимологический словарь монгольских языков: в 3 тт. / отв. ред. Г. Д. Санжеев, ред.-сост. Л. Р. Концевич, В. И. Рассадин, Я. Д. Леман. Т. 1. А–Е. М.: ИВ РАН, 2015. 224 с.
- ЭСМЯ 2019 — Санжеев Г. Д., Орловская М. Н., Шевернина З. В. Этимологический словарь монгольских языков: в 3 т. / отв. ред. Г. Д. Санжеев, ред.-сост. Л. Р. Концевич, В. И. Рассадин, Я. Д. Леман. Т. III. Q–Z. М.: ИВ РАН, 2019. 240 с.
- Clark 1976 — Clark L. V. Two Eighteenth Century Buryat Glossaries // *Mongolian Studies*. 1976. Vol. 3. Pp. 53–82.
- Clark 1979 — Clark L. V. A Problem in Buryat Historical Linguistics // *Studies on Mongolia: Proceedings of the First North American Conference on Mongolian Studies* / ed. by H. G. Schwarz. Bellingham: Center for East Asian Studies, Western Washington University, 1979. Pp. 14–25. (Studies on East Asia. Vol. 13).
- Kara 1972 — Kara Gy. Le Glossaire Yakoute de Witsen // *Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae*. 1972. T. XXV. Fasc. 1–3. LVDOVICO LIGETI SEPTVAGENARIO HOC VOLVMEN DAMVS DICAMVS DEDICAMVS. Pp. 431–439.
- Mongolian-English Dictionary 1960 — *Mongolian-English Dictionary* / comp. by M. Halton, J. G. Hangin, and S. Kassatkin, with F. G. Lessing as general editor. Berkeley: University of California Press, 1960. xvii, 1217 pp.
- Poppe 1954 — Poppe N. Grammar of Written Mongolian. Wiesbaden: Harrassowitz, 1954. XII, 195 p.
- Poppe 1955 — Poppe N. Introduction to Mongolian Comparative Studies. Helsinki: Suomalais-ugrilainen seura, 1955. 300 p. (Mémoires de la Société Finno-Ougrienne, No. 110).

References

- [Fischer J. E.] Siberian History: From Discovery to Russian Conquest. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences, 1774. [2], 631 p. (In Russ.)
- [Okun S.] Seventeenth-century history of Buryatia [approached]. *Krasnyi arkhiv*. 1936. No. 3(76). Pp. 156–191. (In Russ.)
- Alkor Ya. P., Grekov B. D. (eds.) Tsardom of Muscovy and Its Colonial Policies in Seventeenth-Century Yakutia. Collected [archival] documents. I. Troitsky (foreword). Leningrad: Smidovich Institute of the Peoples of the North, 1936. XXXII, 281 p., [6] p. (In Russ.)
- Bertagaev T. A. Exploring Mongolic Vocabularies: A Comparative Statistical Study of Buryat Dialectal Lexemes. Ulan-Ude, 1961. 160 p. (In Russ.)
- Budaev Ts. B. Buryat Dialectal Lexemes: A Comparative Historical Perspective. Novosibirsk: Nauka, 1978. 302 p. (In Russ.)
- Budaev Ts. B. Buryat Dialects: A Diachronic Study. Novosibirsk: Nauka, 1992. 217 p. (In Russ.)
- Buslaev F. I. A Historical Grammar of the Russian Language. Teacher's manual. Moscow: Imperial Moscow University, 1858. Pt. 1: Etymology. [12], XL, 244 p. (In Russ.)
- Cheremisov K. M. (comp.) Buryat Mongolian-Russian Dictionary. Ca. 25 000 lexical entries. Suppl. with a reference grammar of Buryat Mongolian. Ts. Tsydendambaev (ed.). Moscow: State Publ. House for Dictionaries of Foreign and Soviet Languages, 1951. 852 p. (In Bur. and Russ.)
- Clark L. V. Two Eighteenth Century Buryat Glossaries. *Mongolian Studies*. 1976. Vol. 3. Pp. 53–82. (In Eng.)
- Clark L. V. A problem in Buryat historical linguistics. In: Schwarz H. G. (ed.) *Studies on Mongolia: Proceedings of the First North American Conference on Mongolian Studies*. Bellingham: Center for East Asian Studies, Western Washington University, 1979. Pp. 14–25. (In Eng.)
- Dolgikh B. O. Ancient history of Buryats: Some questions [revisited]. *Kratkie soobshcheniya instituta etnografii*. 1953. Vol. 18. Pp. 39–47. (In Russ.)

- Dolgikh B. O. Peoples of Siberia, 17th Century: Clan and Tribal Structures. Moscow: USSR Academy of Sciences, 1960. 662 p. (In Russ.)
- Dondukov U.-Zh. Sh. Buryat Parts of Speech: Affixational Patterns. Ulan-Ude: Buryatia Book Publ., 1964. 246 p. (In Russ.)
- Dondukov U.-Zh. Sh. Development and Enrichment of Buryat Vocabulary: Impacts of the Russian Language. Ulan-Ude: Buryatia Book Publ., 1974. 101 p. (In Russ.)
- Haltod M., Hangin J. G., Kassatkin S. (comps.) Mongolian-English Dictionary. F. G. Lessing (ed.). Berkeley: University of California Press, 1960. XVII, 1217 p. (In Mong. and Eng.)
- Kara Gy. Le Glossaire Yakoute de Witsen. *Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae*. 1972. Vol. XXV. No. 1–3. Pp. 431–439. (In Fr.)
- Khomonov M. P. Bokhan dialect. In: Tsydendambaev Ts. B., Buraev I. D. (eds.) Exploring Buryat Dialects. Ulan-Ude: Buryatia Book Publ., 1965. Vol. 1. Pp. 35–70. (In Russ.)
- Lindenau J. J. Description of Siberia's Peoples, Early-to-Mid 18th Century: Historical and Ethnographic Materials on Peoples of Siberia and [Russia's] Northeast. Z. Titova (transl., foreword, etc.), I. Vdovin (ed.). Magadan: Magadan Book Publ., 1983. 176 p. (In Russ.)
- Matkheev B. V. Essays on the Ekhirit-Bulagat dialect. In: Tsydendambaev Ts. B., Buraev I. D. (eds.) Exploring Buryat Dialects. Ulan-Ude: Buryatia Book Publ., 1968. Vol. 2. Pp. 3–46. (In Russ.)
- Mitroshkina A. G. Buryat Anthroponymy. Novosibirsk: Nauka, 1987. 222 p. (In Russ.)
- Mitroshkina A. G. Dialect of Kachug (Upper Lena) Buryats. In: Tsydendambaev Ts. B., Buraev I. D. (eds.) Exploring Buryat Dialects. Ulan-Ude: Buryatia Book Publ., 1968. Vol. 2. Pp. 47–71. (In Russ.)
- Mitroshkina A. G. Dictionary of Buryat Personal Names. Ulan-Ude, Buryat State Univ. Press, 2013. 200 p. (In Russ.)
- Müller G. F. History of Siberia. Moscow, Leningrad: USSR Academy of Sciences, 1941. [Vol.] 2. 637 p. (In Russ.)
- Müller G. F. History of Siberia. Moscow: Vostochnaya Literatura, 2005. Vol. 3. 598, [2] p. (In Russ.)
- Nanzatov B. Z., Tishin V. V. On the ethnic ties between Buryats and Yakuts: *atayaĭ. *Bulletin of the Buryat Scientific Center SB RAS*. 2021. No. 2(42). Pp. 45–54. (In Russ.)
- Nanzatov B. Z., Tishin V. V. The Shoshoolog: Ethnonym and ethnic history. *Mongolian Studies*. 2021. Vol. 13. No. 2. Pp. 274–289. (In Russ.) DOI: 10.22162/2500-1523-2021-2-274-289
- Nanzatov B. Z., Tishin V. V. Toward Buryat-Yakut ethnic connections: *Īgidāi* and *Ėxirid*. Addendum: *Ikirezh(ь)*, *Itirit*. *Bulletin of the Irkutsk State University. Geoarchaeology, Ethnology, and Anthropology Series*. 2022. Vol. 40. Pp. 52–56. (In Russ.)
- Nikolaev M. P. (ed.) Yakutsk Oblast in 1911: Reference Book. Yakutsk Oblast Statistical Committee. Yakutsk: Yakutsk Oblast Government, 1911. 118 p. (In Russ.)
- Okladnikov A. P. Western Buryat Mongols, 17th–18th Centuries: Historical Essays. Leningrad: OGIZ, 1937. 427 p. (In Russ.)
- Pekarsky E. K. Dictionary of the Yakut Language. 2nd ed. Moscow: USSR Academy of Sciences, 1959. Vol. 1. Pts. 1–4. (3), XVIII, (1) p., cols. 1–1280, (2) p. (In Yak. and Russ.)
- Poppe N. Grammar of Written Mongolian. Wiesbaden: Harrassowitz, 1954. XII, 195 p. (In Eng.)
- Poppe N. Introduction to Mongolian Comparative Studies. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 1955. 300 p. (In Eng.)
- Poppe N. N. Buryat Mongolian Grammar. Moscow, Leningrad: USSR Academy of Sciences, 1938. 268 p. (In Russ.)
- Poppe N. N. Materials for the Study of the Tungus Language: A Dialect Spoken by the Barguzin Tunguses. Leningrad: USSR Academy of Sciences, 1927. 62 p. (In Russ.)
- Rassadin V. I. Buryat Dialects of the Cis-Sayan. Ulan-Ude: Buryat Scientific Center (SB RAS), 1996. 217 p. (In Russ.)

- Rassadin V. I. Essays in Buryat Historical Phonetics. Moscow: Nauka, 1982. 199 p. (In Russ.)
- Rumyantsev G. N., Okun S. G. (comps.) Seventeenth-Century Buryatia: Collected Historical Documents. Vol. 1: 1609–1700. Ulan-Ude: Buryatia Book Publ., 1960. 493 p. (In Russ.)
- Sanzheev G. D., Orlovskaya M. N., Shevernina Z. V. Etymological Dictionary of Mongolic Languages. In 3 vols. G. Sanzheev et al. (eds.). Moscow: Institute of Oriental Studies (RAS), 2015. Vol. 1: A–E. 224 p. (In Russ. and Mong.)
- Sanzheev G. D., Orlovskaya M. N., Shevernina Z. V. Etymological Dictionary of Mongolic Languages. In 3 vols. G. Sanzheev et al. (eds.). Moscow: Institute of Oriental Studies (RAS), 2019. Vol. 3: Q–Z. 240 p. (In Russ. and Mong.)
- Shagdarov L. D., Cheremisov K. M. Buryat-Russian Dictionary. 30 000 entries. In 2 vols. Ulan-Ude: Respublikanskaya Tipografiya, 2008. Vol. 2: O–Я. 708 p. (In Bur. and Russ.)
- Supplements to Historical Acts Collected and Published by Archaeographic Commission. St. Petersburg: H.I.M. Own Chancery (Second Section), 1846. Vol. 2. [5], 279, [7], [7] p. (In Russ.)
- Supplements to Historical Acts Collected and Published by Archaeographic Commission. St. Petersburg: E. Pran, 1848. Vol. 3. VII, 539, [7], [7] p. (In Russ.)
- Tokarev S. A. Distribution of Buryat tribes in the 17th century. In: Notes by the State Institute of Language, Literature and History. Ulan-Ude, 1939. Vol. 1. Pp. 101–130. (In Russ.)
- Tsydendambaev Ts. B. Buryat Historical Chronicles and Genealogies: A Historical and Linguistic Study. Ulan-Ude: Buryatia Book Publ., 1972. 664 p. (In Russ.)
- Tsydendambaev Ts. B. Onomastic studies of Buryatia and historically related regions as a topical objective of contemporary Buryat studies. In: Tsydendambaev Ts. B. (ed.) Onomastics of Buryatia. Ulan-Ude: USSR Academy of Sciences (Sib. Branch, Buryat Institute), 1976. Pp. 3–23. (In Russ.)

Научное издание

МОНГОЛОВЕДЕНИЕ

Монгол судлал

Mongolian Studies

(Elista)

2023. Т. 15. № 2

Главный редактор — Куканова В. В.

Дата выхода: 31.07.2023. Формат 70х108/16.

Усл. печ. л. 12,95. Тираж 100 экз. Заказ 05-23.

Подписной индекс 39464. Цена свободная.

Учредитель, редакция, издатель, типография:
Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
«Калмыцкий научный центр Российской академии наук»

Адрес учредителя, редакции, издателя, типографии:
Российская Федерация, Республика Калмыкия,
358000, г. Элиста, ул. им. И. К. Илишкина, д. 8,
Тел. +7(84722) 3-55-06
E-mail: mongoloved@kigiran.com

Отпечатано в КалмНЦ РАН:
Республика Калмыкия, 358000 г. Элиста, ул. им. И. К. Илишкина, д. 8